

СЕРГЕЙ РУСИН

Ловец Солнца

СЕРГЕЙ РУСИН

Ловец Солнца

ИРКУТСК
ООО «АРТИЗДАТ»
2019

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)
Р88

Издание осуществлено в рамках гранта
Русского географического общества

Автор выражает особую благодарность своему однокласснику Сергею Роленкову (средняя железнодорожная школа № 9 г. Нижнеудинска, 1963 – 1973 гг.) за финансовую помощь в издании этой книги.

Русин С. Н.

Р88 Ловец Солнца. – Иркутск: Издание
ООО «Артиздат», 2019. – 376 с.: ил.

Первая книга «Ленточки странствий» содержит древние мифы жителей страны гор. Вторая книга «Ловец Солнца» с множеством красочных иллюстраций рассказывает о мудрых обычаях одного из самых интересных уголков нашей планеты. Тофалария – историко-культурный регион в центральной части горной системы Восточных Саян, который населён мужественными людьми, кочевыми таёжными оленеводами-охотниками, первопроходцами неизменного края. Раскрывая свои сердца, они приглашают в увлекательное путешествие, познакомиться с красотой и совершенством форм человеческой жизни, чистотой и первозданностью природы – этими бесценными богатствами, милым, желанным горно таёжным миром.

УДК 82-32(397)
ББК 84(2Рос-Рус)

© Русин С. Н., текст, фото, 2019
© Урбаханов В. Э., обложка, 2019
© ООО «Артиздат», оформление, 2019

ЛОВЕЦ СОЛНЦА

Мы встретились с путешественником, бредущим с вьючными оленями, связанными в караван, по манящей в заснеженные дали тропе. В свете гаснущих отблесков дня развели костер и заговорили о Континентальной тропе Чингисхана, которая и сегодня живет в ритмичном дыханье гор. Не секрет — этот таинственный древний путь, проходящий через Саяны, немного приоткрыт и несет послания путникам, изучающим этот неизведанный край. Мы слушали рассказ затаив дыхание, пододвигая поближе к костру уставшие ноги.

— Шел пешком по тропам тайги и горной тундры, — рассказывал путешественник. — Вечером искал место для ночлега, а утром смотрел в холодную даль и изучал следы, оставленные таежными кочевыми оленеводами, охотниками и собирателями лекарственных трав. Природа в горах Саян — единый Храм, к которому кочевники относились бережно, а обычай строить каменное чудо сохранился с глубокой древности. Воздвигнутые у тропинок груды приношений из камней являлись единственным ориентиром в пути среди звезд, примерзших к ледникам.

Каждый путешественник здесь положил по камню в общую кучу с надеждой на удачу в пути.

Искал путешественник надписи на камнях для обрядов одомашнивания животных, которые были поддержкой и ресурсом. Таежники охотились на диких оленей и разводили домашних.

Северный олень — взездход, и его приручали в саянских горах, где требовалась его помощь. От человека оленю необходимы только защита от хищников и соль. В обмен на такие блага олень давал таежникам еду, одежду, жилье, лекарства и свободу передвижения.

Удивительно богатым был внутренний мир древних таежников. В сюжетах наскальных изображений, встречающихся на каменных полотнах, нарисованы олени, небесные знаки Солнца и Луны. Путешественник читал смысл загадочных преданий о вечной космической погоне Лунного медведя за Солнечным оленем. На туловище медведя находилось уже светило, но Солнечный олень постоянно ускользал от лап медведя, как день возрождался после ночи, а лето после зимы.

Неприметная тропинка вновь звала за собой, сужалась, зарастала, разветвлялась, исчезала, виляла и появилась на вершине величественной горы у «Жилища духа», где на каменные плиты снисходил с неба владыка духов. Видимым знаком встречи для путешественника оказался морозящий дождь, радуга и благоприятный чудесный сон о Солнце над горной тундрой, где царили искренние чувства и настоящая любовь.

— Я подчинился древнему инстинкту северных оленей, и тропинка вывела меня к каменистому дну горного ручья, питаемого талым озером под живым двигающимся ледником, делающим вдохи и выдохи. Береговые россыпи с черными и светлыми камнями обмелевшего ручья у разлома гор появились в

определенный момент, имевший церемониальное значение. В день зимнего солнцестояния ледник сделал глубокий вдох, и вода в ручье исчезла, а его сухое дно засветилось золотыми кристаллами в виде длинных прожилок в кварцевых плитах и блесло самородками в камнях пирита. Пластинчатое золото было повсюду в виде маленьких золотых сердец, — откровенно говорил путешественник. — Только старейшине Саян позволялось входить в это место и из ночи и тьмы встречать солнечные лучи. Я наблюдал со стороны обычай ловить на лету Солнце.

На дне обмелевшего ручья старейшина строил тропинку-ловушку, где золотая жила мерцала радужным цветом. Собирал щепотью бирюзовый шлик из ледниковых отложений и разбрасывал горстью золото по тропинке. Проходила золотая тропа через засохший ручей, усыпанный зернами золотого порошка, песчинками и частицами в окружении крупных камней золотоносной руды. Старейшина почитал это место как Алтарь Света.

Изумительный свет, воплощенный в Восходящем Солнце, начинал приподниматься из самой глубины гор, высвечивая трепетный луч, открывающий невидимые оттенки пространства. Старейшина, отстраняясь от будничной суеты, манил приближающегося Солнце-оленья из ночи. Он считался братом оленя и щедрые дары бросал в центр круга на тропинку-ловушку. Золотая пыльца падала на золотую жилу, светилась, искрилась. Парили искрящиеся песчинки и мерцающие самородки, отражая сияющую красоту и трепетание луча. Блеск золота был ярче сияния бродивших лучей. Подхваченные ветром, в золотом огне вздра-

гивающего луча пылали песчинки и искрами уносились в небеса, передавая просьбы Солнцу-оленью — приглашая на тропу верховное существо Саян.

— Следуй одной и той же тропой, Солнце-олень, взойди на Востоке, скройся на Западе небесной тундры, дай нам знать, что ты доволен нами, послав нам Дух золотых снов, — завлекал старейшина. — Хозяин жизни, возвращайся сиять, как жар, и призови людей Оленя к свету и теплу.

В сумерках ночных перед рассветом алела в небе полоса. Желтые и розовые оттенки горных вершин подчеркивали растекающийся яркий пурпур по небу. Горизонт светился в порфирном золотом лучезарном сиянии. Пылающая красно-янтарная полоса становилась все шире. Зябкие сумерки уходили постепенно. Как сон цветной, показался краешек багряного солнца. Старейшина ловил дрожащие первые лучи подымавшейся низко на небосклоне слепящей заветной звезды. Красно-золотые лучики света просачивались через вершины горных пиков, прошли между двумя крупными золотыми самородками в кварцевой рубашке на большом мучнистом камне, блеснули и упали на зеркальную поверхность золотоносной жилы тропинки. Проснулся огромный ярко-красный купол Солнечного оленя. Казалось, граница между миром небесной тундры и миром горной тундры исчезла. Соединились они в одно целое, смешались, растворившись одно в другом. Солнце-олень, покрытый слоем золота, превратился в зеркало огромного размера, раздвигая отвесные стены каньона, и парил так низко, что до него хотелось дотянуться рукой. Неразлучно и неразделимо входил на крыльях лучистых обширный и чистый свет в броню отогретого сердца старейшины до огненной середины. В теплоте и чувстве неземном с нежной тревогою начинало зарождаться что-то радостное, светлое, тянувшееся к солнцу. Заблудившийся златой лучик поймал он в дышащие теплом ладони. Старейшина скручивал длинные алмазные потоки света, похожие на золотые нити, и привязывал светило к лучистой ловушке-тропинке. Бледно-золотой Солнце-олень, окутанный золотыми нитями, танцевал и плескался в рыхлых зернах золотых россыпей, светясь ослепительной игрой блестящей золотой пыли, обновлялся, наполняясь растущей силой.

— Солнце-олень, цветным осыпь ты нас светом, к новой жизни рождаясь, огненным дыханием возрождай небеса и горы, — повторял старейшина мечты людей Оленя. — Наша жизнь проста. У нас ничего нет. По заветам мы щедро осыпали золотом тропинку-ловушку и поймали тебя, и мы проживем спокойно и счастливо год, если ты остановишься, достигнув поворотной точки на своем пути в уменьшении часов дневного света. Новорожденное Солнце, сияя, иди по озолоченной тропинке счастья и приноси с каждым днем увеличение тепла и света.

Старейшина от зрительных впечатлений, душевных переживаний ощущал суть солнечного счастья, как жар разливающегося по телу, открытым сердцем старался изменить свою судьбу, отбрасывая смутность, мрачность и серость. Старейшина загадал желания о даровании удачи и по силе света и распределению лучей предвидел перемены в выживании рода людей Оленя. Старейшина радостно благодарил Солнце-оленя с наступлением нового периода зарождения. Он осознал, что скоро придет весна в сверкании света и отступлении тьмы, а сонная зимняя жизнь подходит к концу. Он набрал в ладонь горсть золотых песчинок и швырнул в восходящего Солнце-оленя, веря, что золотая пыльца своим ослепительным светом увеличит длительность светового дня.

Саяны прекрасно засияли дивным светом, ледник сделал легкий выдох, и вода стремительно начала наполнять русло ручья, глубоко пряча светившиеся изобилием и блеском ценные золотые россыпи бирюзовых камней хризоколла и пиритовую гальку. Солнце-олень переправился вброд через непроходимый ручей, смывая то золото, которое было на нем, чтобы оно в виде роскошных даров с достатком вернулось к нему в другой день зимнего солнцестояния.

— Не превратился в каменный указатель тропы в зыбком тумане и под дождливой мглой в холодном шумном потоке мечтал о Солнечной тропинке, — укреплял дух старейшина, повторяя сакральные слова. — На изгибах непроглядной тайги и на самом краю скользкой скалы, нависая над безумным обрывом, сквозь просветы вижу дивно залитые солнечным светом горы.

В ожидании свершения мечты старейшина прошел испытания на крутых поворотах трудных тропинок в бесконечных странствиях, изменивших его к лучшему и согревающих сердце. На вершинах гор, распутьях, на перевалах, по хребтам и вдоль притоков рек, вытекающих из ледников, строил старейшина завораживающие взор сооружения из камней, служащие жилищем, где живет нежный свет мечты, манящий путешественников.

— Не сдаваясь, через крутой перевал перевалил и в глубоком каньоне солнышко видел в морозящем дожде, — признался путешественник. — На тропе предков, у бурлящего горного ручья с ледниковой водицей соорудил свою личную пирамидку из плоских камней кварца, красиво вживающуюся в линию горизонта и напоминающую своей формой луч солнца. Загадал желание — по отдельному желанию на каждый камушек. Кочующие мимо таежники добавят свои камушки, и чем выше станет постройка, тем вероятнее, что солнечные мечты о светлом счастье чудесно сбудутся.

Мы с вьючными оленями, связанными в караван, поднялись на вершину желанной горы, всю ночь ждали рассвет и встречали новую зарю, отворяющую солнечные двери в бирюзовом небе. Розово-золотистым утром нам казалось, что мы знали, зачем это делалось. Невпопад падали бездушные камни, догорали звезды, цвели таинственные знамения, мерцая сквозь ледяной узор. Настоящее Солнце неожиданно село на край невесомого сердца и медленно из кривой тени скалы вдохом встало ровно на восход. Рассвет пришел в наши сердца тогда, когда мы ожидали и верили в озаряющий свет и почувствовали себя частицей мироздания.

СОЛНЕЧНОЕ СЕРДЕЧКО

Смутные горные хребты неосознанно стерегли расплывчатую бесконечность. В сужающемся скалистом ущелье становились все прохладнее, темнее и мрачнее. В каменном лабиринте, под тусклой скалой в морозной тени, кочевой таежник блуждал. Остался наедине с суровой природой благой дух его сердца. Прирученные северные олени помогали преодолевать лишения, но без теплой заботы стали ленивыми, постепенно дичали и терялись под сумеречными звездными тропинками.

Солнечная звезда пролетала по небесной тундре и заметила, что холод тайно сковывает таежные сердца. Светило не могло близко приблизиться к горной тундре. Ее огонь сжег бы мох, ягель и скалы. Солнце решило подарить таежникам лишь крохотную искру своего очаровательного огня. Пусть эта крупца-искорка зажжет огонь в сердцах кочевых людей. Прилетела звездная искорка к скользким каменным уступам. Искорка горела, дымила, светила, не гасла, она теплом своим лечила. Искорку, упавшую с неба, таежник приютил и поддерживал топливом, бережно переносил ее с угольками с места на место,

кочуя по таежным стойбищам и тундре. В укрытии оставлял бревно с искоркой, которое бессонницей тлело несколько дней, и по возвращении раздувал пламя. Часто искорка была им забыта, но простила безжалостную разлуку. Однажды таежник ушел за холодные вершины и долго не возвращался. Сердечко искорки в тоске застучало. Костер перестал гореть, светить, исчезли опавшие крылья пламени, тлел, угасал и сторал дотла. Белый дым, растягивая жилы, взмахивал и миражами таял, надежду унося с собою. Сердце таежника в разлуке стыло, тревожно и больно ныло, как ожог. Очнувшись от усталости, он страдал, растеряв тепло. Оступившись о звезды над бездной дней забывающихся, вернулся сквозь туман невзгод и солнечное затмение к горсточке оставшейся золы.

— Под слоем пепла от погасшего костра потухла обескрылевшая искорка в сожженных угольках, — вздыхал отчаянно таежник. — Откуда взять силы, чтобы искру разжечь вновь?

Ранней сединой виски покрылись, усталость на лицо легла и намела в сердце сугробы. Не предаваясь унынию, добывал огонь высеканием. Строило сердце от горной тропинки мост до небес. Закрывал глаза и представлял перед собой летающий огонек. С искоркой таежник на долгом пути тонул в облаках и тумане, слившись со светом воедино. Изумительная искорка всегда светила и его всегда согревала. Ударял камнем кремня о камень пирита, не жалея сил, и случилось чудо: родилась дивная искорка мерцающим розовым светлячком. Не стеснясь, смотрела на звездное небо, ощущая себя порывистым, стремительным огнем, от которого плавилось все мыслимое и немислимое. Сердечко искорки полыхало бушующим пламенем, осеняя сияньем.

– Не потеряй меня, пожалуйста, – вдруг сказала искорка. – Мы одни в горной тундре.

– Ты и я – это больше, чем двое, – сказал таежник. – Мы с тобою одно.

– Ясны мне твои холодные печали, – сказала искорка. – Тревогу сердца могу унять.

– Распростерто перед тобой мое бродячее сердце, – повторял слова любви упрямый кочевник. – Тобой ведомый, суеверно я тропую счастья пойду?

Одинокий ветер шевелил листву около холодных углей. Руки искорки разогрелись так сильно, что, прикоснувшись к сухому мху, он обуглился и воспламенился. Заметался маленький любопытный огонек. Пламя костра завораживало, пленяло сердце таежника танцем, вырывало из привычной холодной реальности. Смотрел таежник расслабленно на искорку, ни о чем не думая, видел силу, гармонию, таинство. Пламенеющим взглядом маленькая дрожащая искорка смотрела на таежника, как в бездну. Она его сердце любовью могла согреть и жить в нем, как надежда. Таежник искренне радовался появлению искорки. Он ее очень любил сердцем обугленным.

– Искорка, научи разжигать былой огонек в дремлющем сердце, – просил таежник. – Научи растворяться в пламени, сливаться единое целое.

Смахнув пепел утрат и вину расставания, вздохнула и вспыхнула радостью озарившая искорка. Понимала, что их встреча не была случайной, а точкой пересечения их судеб. Солнечное сердечко искорки испытало радость, какую никогда раньше не переживало. Разбудило в нем вулкан чувств из солнечных лучиков. Ветер встречи раздувал пыл солнечного создания. Искорка разгорелась очень сильно свежестью чувства от счастья. Живая искорка любви умела щедро дарить свет и жар своего сердца, о себе забывая ради других. Она протянула заломленную руку таежнику, возвращая очарование.

— Твой взгляд наполнен нежной заботой, — сказал таежник.
— Взор восхищенный подобен ясному Солнцу.

Их ладони соприкоснулись, между ними пробежал и вспыхнул малюсенький, теплый сердечный проблеск. Всполох стал ярче и светлей в душе таежника, кочующего по горным тропам. Крошечное солнышко сумело в сердце разжечь нетленный уголек. Невесомый трепет легко расправил морщины. Едва ощутимые искорки, сияя, скользнули из взгляда в говорящий взгляд. Бегали по сердечному мосту туда, сюда, обратно, навстречу, холод прогоняя. Растаял снег, метели прочь ушли. Осторожно вдыхал таежник жаркий воздух искорки тепла в стывшее сердце, и медленно выгорали грустные мысли, невзгоды. Вкусал слабое

дыхание огня, открывая в себе нечто новое. На тлеющих углях сердца затанцевала маленькая теплая и печальная сумеречная искорка. Таежник почувствовал дрожь чуть видимого пламени. Пропускал отблески света и тепло в каждую клетку пепелища сердца. Оглушительно и безотчетно колотилось сердце, вольной лавой закипало. Соскучилось, насмотреться торопилось. Вспыхивала искорка света видениями, синим свечением, чуть выше оранжевым, желтым, зеленым, красным.

Словно звездопад, падали и сгорали во тьме проблески, оставляя обжигающие следы грусти. В крыльях пламени краем глаза сердце видело чередой встававшие представления огня об обидных поступках. Сгорали в сердце печали, что занозами сидели. Кочевник встал во весь рост, он наполнялся неземною силою. В сердце таежника разгоралась своя собственная светлая малая искорка — свет надежды. Он понимал, что сейчас та переживает новое рождение большой жизни, ожидающей его впереди. Очень сильно хотелось необычных чудес. Во мраке ночи солнца луч призрачных надежд тлел и оседал на иглах льда.

— Искорка сильна, — сказал таежник. — Сожгла прежней жизни все потускневшие воспоминания в ничтожный миг.

Простивший боль, обман, предательство в пути таежном, взошел на вершину небес любви. Позабыв про ошибки, помнил о главном, что в радостном сердце любое желанье исполнится. В сердце таежника ярким пламенем горел огонь любви ко всему живому, он почувствовал, как чуть-чуть потеплели, засветились его глаза искорками солнца и счастья. Высвечивая солнце из себя, касалась искорка луча свободы огненных стихий.

— Ты искорка для моего огня? — думал таежник. — Звездой горишь в моих руках и сердце?

Он рассказывал искорке как на духу, что ежится сердце в холодных безжалостных мирах, где в солнечных затмениях обитает стылый снег и тьма, очень мало проблесков света. В ледяной тьме ерзает вакуум бездушия, и затемненные сердца любой ценой борются за выживание и равнодушно заботятся только о себе. Искорка искренне сочувствовала и мечтала согреть и осветить путь всем. Искорка знала, что у людей, живущих в студеной тьме, можно зажечь светonosный огонь в несогретых рыдающих сердцах. Искорка подносила ладонь к чающим сердцам, забывшим красоту. Несущая свет искорка отдавала частичку своего тепла в их закованные ледяной тьмой слепые сердца. В этих сердцах начинали теплом тлеть слепящие созвездия. Свет приходил не только извне, искорки мелькали в улыбках друг друга, светились в глазах. Мир внутри и вокруг сердец начинал светлеть, вся тундра искрилась и переливалась, как будто у каждого кочевого костра светило много солнц в пасмурные дни. Окуривал дым оленей, и они меньше страдали от гнуса. Лаской приручались дикие северные олени. Сбывались мечты и новые рождались.

— Не исчезай, — просил таежник. — Искорка, мне без тебя одиноко. Вместе будем мы сиять.

— Улыбайся, сияя лучами. Твое горящее сердце в жестоких обстоятельствах кочевой жизни выработает особую стойкость духа, не будет замечать трудности, — сказала искорка. — Кочуя по тайге вслед за оленями, станешь истинно навеки счастливым. Познай законы природы, и олени расплодятся в большое стадо, сама природа заплатит тебе благодарностью. Не будут страшны ни угрюмое одиночество, ни сильные морозы, ни глубокие снега.

Легкая искорка безумной красоты, маленькая, теплая, веселая, рожденная всполохом пламени, оторвалась от дна ущелья и с порывом ветра взметнулась ввысь, думая вернуться на обратном пути. Полет окрылял ее, вызывая ощущение свободы, и она летела туда, куда звало ее сердце, уверенная, что это единственный выход из ущелья тьмы. Заботой нежною лучилась и неустанно

дарила восторг своей души на жизненных тропинках. Горела желанием принести свет и тепло своего сердца как можно дальше, в каждый уголок горной тундры.

Последняя искорка вечного солнца летала, радостная, светлая, ярко горела во тьме, где не было ни тепла, ни света, где было мрачно и страшно. Иногда затухало Солнечное сердечко, полностью отдавая тепло, и вновь разгоралось, в пламени летая. Искорка ни минуты не оставалась на одном месте, задевала огнем таежные сердца. Сияя во всей красе, она мчалась вперед и вперед, на своем пути бережными руками в бесчисленных сердцах зажигала тепло и искорки любви в глазах. Счастьем светилась малая искорка истины мира безбрежного, таежная путеводная звездочка – крылатое Солнечное сердечко.

– Малая искорка дала поверить, что в сердце может гореть огонь, – думал таежник о недосказанности. – Искорка загля сотни таежных сердец, но, чтобы они не погасли, каждое сердце должно поддерживать своими силами огонь и пламя.

СНЕЖНАЯ ТРОПА К ЛЕДЯНЫМ ВЕРШИНАМ

Я мало знал о зимних путешествиях с северными оленями и был поражен, насколько динамичными были их восхождения на перевалы, ледяные вершины, спуски в каньоны и водопады замерзших рек. Мне было интересно, смогу ли я так же быстро, как олени, передвигаться по снежной тропе и каждый день открывать, какие же на самом деле Восточные Саяны. Меня вела жажда путешествий, а интересовали природа, климат и распространение животных и людей, практикующих кочевое таежное оленеводство. Я шел в страну своей мечты, я хотел обрести радость от таежной жизни.

— В городе ум — в словах, у кочевника — в делах, — говорил каюр. — Не бойся зимы — страх звери услышат.

В первый день путешествия снежные горы с ледяными вершинами встретили нас обильным снегопадом. Казалось, все вокруг погружалось в снежные завалы. Мои проводники таежные оленеводы-охотники не отложили путешествие. Они чувствовали тропу предков, различали ее по едва уловимым признакам и оперативно реагировали на внезапные сюрпризы природы.

Кристалльная снежная завеса падала вокруг нас, мягко ласкала, закутывала и тесно облегла северных оленей. Снежная тропа выматывала мои силы. Я с трудом шел, тяжело дыша, и мысленно разговаривал с собой. Владеющий мудростью тропы старейшина протаптывал спасительные следы, по которым, задыхаясь снежинками, следовал я со своим оленем до лунной

пелены. Ночью во сне белоснежные и чистые сугробы снились к трудностям в пути, который я избрал, и к благополучию.

— В деле сердце приложить, то и дело получится, — промолвил старейшина с мудрой снежной сединой. — Если будешь шагать и назад оглядываться, то далеко не уйдешь.

Утром январское солнце взошло, и мы, оставив покой, покочевали с оленями по глубокому пушистому снегу вдоль замерзшего русла реки с просевшим льдом, огибая скользкие торосы. Всюду снег и кедров узоры, кругом все тихо. Неторопливо проходили широкие долины и узкие каньоны с отвесными скалами и каменистыми осыпями. Над головой извивалась бирюзовая полоска неба. Через скальный массив по живописным склонам хребта шли до заката, а потом полезли на перевал, чтобы в просторном протяжении вне времени посмотреть, как садится солнце. Пурпурный диск солнца медленно таял, скрываясь в спячку красного зарева. Ночью вьюга стучалась о чум, источал

аромат душистых трав чай, белизной застилала сумрак россыпь звездного неба. К вершине устремляясь, вниз сорвалась окрыленная звезда, и я загадал желание.

— В тайге олень — друг человека, — изрек старейшина. — Лентяй усталости не знает.

В путешествии я вел дневник, не всегда последовательно, потому что писал истории жизни и диалоги у костра как придется и часто замерзшими пальцами в холоде и полутьме. Я пошел по снежной тропе в надежде получить свежие впечатления и дописать книгу, но буквально за пару дней путешествия в голове стала формироваться новая идея, и я не удержался и решил, что начну все сначала. Люди жили здесь на протяжении долгих тысячелетий и оставили множество следов своего быта. Поставил задачу исследовать в сжатые сроки наскальные рисунки, камни древних сооружений. Нанести на карту достопримечательности и собрать максимальное количество мифологического рода текстов с разных таежников, правильно переложить речь на бумагу. Стал прислушиваться к вьюгам и разговорам, обдумывать, вглядываясь в пропасти и пытаюсь согреться.

— Огонь в чуме затрепал, гостей пригласил, — произнес каюр. — Не клади в костер кедровых дров — будут болеть у оленей ноги.

Вглубь бесконечных гор уводили нас олени. Издревле таежные люди изучали северных оленей, внешне столь не похожих на человека, но наделенных умом и характером. Дивились тому, что олени совсем как люди, объединялись в коллективы, у которых были свои вожаки. Из наблюдений складывались представления о том, что животные могут разговаривать друг с другом, понимать, жениться, ходить за пропитанием. Оленей представляли и в виде людей, а Хозяин оленей имел образ таежника, некогда ушедшего к оленям, поселившегося с ними и ставшего человеком-оленом, возглавлявшим стада животных. Очеловеченные животные стали жить вместе с людьми под одним небом и получили общие права и обладание вездесущим разумом. Эти поверья воплощались в мифах, дававших волю творчеству. Поэтому в таежных преданиях олени и люди на равных общались, жили рядом, ходили в гости, помогали друг другу.

— Перекочевав на стойбище, криком не пугай оленей, — заметил старейшина. — Заставишь мать-олениху работать, не будет теленка.

На всем протяжении тропы вдоль и поперек саянских хребтов я встречал места удивительно разнообразные, красивые и неповторимые, на которых находились каменные Обо. На вершинах гор, возвышающихся над стойбищами, любовался цветными ленточками на Обо в виде каменных пирамидок. Когда тропа огибала по спирали гору, то вдоль них через определенные промежутки встречались малые груды камней. Мы с оленями поднялись на ледяную вершину к старинным реликвиям, состоящим из четырех камней с поперечной каменной плитой. Это оказалась лучшая смотровая площадка с обзором на грандиозные панорамы, она веяла мифологическими преданиями, идеями и легендами о могущественном Олене-небо, дарующем людям оленей и жизнь. Неспешно вращались горы и Небо, молчала Небесная женщина. Чтобы снискать покровительство в путешествии и проживании в горах, таежники в таких местах вспоминали про наказания предков о наблюдении за повадками, условиями жизни и внешним видом оленей, воссоздавая взаимопомощь человека и животных. Говорят, чудес на свете нет, но против одухотворенного неба на промерзший панцирь тундры, где зимовало стадо диких оленей, свалился метеорит. Олени пошатнулись и побрели по кругу. Таежник, ищущий общий язык с небесами, объяснил связь явления как доброе предзнаменование от власти Оленя-небо.

— Счастливый и удачливый тот таежник, который любит оленей, — признался каюр. — У оленя краса в рогах, а у человека — в руках.

В путешествии я знакомился с природными объектами, но и разыскивал оленные камни с загадочными изображениями, напоминающие парящего над землей небесного олененка. Почитание оленя существовало с древних времен, и олененок в ночном небе у таежников ассоциировался с путеводной Полярной звездой, горящей недвижно в бездне небосвода. Разгадывал тайны картины мира в наскальных писаницах, специально посвященных оленю, которых обычное ездовое животное одушевляло собой нарождающееся Солнце. Олень являлся воплощением в

себе света, чистоты, возрождения жизни и созидания, осуществлял связь небесной и горной тундры.

— Умный оленя для охоты приручит, а сильный себя самого победит, — приговаривал старейшина. — Дикого сохатого добыл — всех мясом одари.

По снежной тропе я прошел в отдаленные районы, куда исследователи пока не доходили. Моя задача была изучить эти регионы, прежде чем все интересное скроется под весенней зеленью листьев. Старался открыть, расшифровать и записать все увиденное и услышанное для творческой работы. Собирал

разные сюжеты песен, объединенные простотой и чистотой бесконечного кочевого движения, подобно снежным тропинкам, к естественному стремлению слиться и уединиться с природой. В содержании распевов, исполненных про себя во время кочевки по горной тундре, а иногда на досуге в чуме, северный олень знал повадки диких зверей, умел и помогал кочевым таежным оленеводам-охотникам выслеживать соболя и белку, находить зимой медвежьи берлоги, ловить сохатого. Только диких братьев северных оленей никогда не ловил, жалел их.

— Чтобы огонь в чуме не дымил, надо его кормить, — говорил старейшина. — Оленята бодаются, силами наливаются.

Дальнейшие поиски с целью раскрытия тайны появления оленного народа в недоступных горах продолжались. На заветных путях таежники хранили память о самых древних обитателях гор и хорошо знали особенности объектов или явлений окружающей природы. Выработывалось веками одушевление оленя, обладающего высокой проходимостью, значительной грузоподъемностью, существенной выносливостью, хозяина сил природы и покровителя таежного оленеводства и охоты. Эти приметы переходили из поколения в поколение в неповторимых взглядах на окружающий мир. Несли в сердцах истории

происхождения сюжетов про чудесного оленя, спустившегося с неба, чтобы научить людей искусству охоты, но запрещающего истреблять важенок.

— Береги оленя, как мать-тайгу. Он накормит, оденет, согреет. Он — смысл жизни, — произнес старейшина. — Когда оленя бережешь, он сбережет тебя в пургу.

Охотники-олeneводы днем в пути, но ночью у них опускаются плечи, тяжелеют ноги, а в голове — будто метели шумят от усталости. Постелив старую оленью шкуру, старейшина вспоминал поверья о сияющем синем небе, о ветре, о горах, об оленях, разрывающих копытами снег в поисках ягеля. Утром он

просыпался, открывал полог чума, нюхал морозный воздух и рассказывал об оленях, которые явились во сне в человеческом облике.

— Мы олений народ, а предки наши были олени, — воскликнул старейшина. — Не человек водит оленя, а олень водит человека по бескрайним просторам.

Свидетельства об оленях рисовали яркие картины жизни и быта таежников. Я слушал клятвы, дыша большим временем, старался подражать мудрым мотивам. В суровой природе жизнелюбивые таежники сохранили образ оленя в различных функциях: Мать-олениха, Хозяин Неба, Солнца, созвездий, прародительницы и предка, проводницы и спасительницы, оберега, от которого зависели здоровье и обретение способностей.

— Оленьи шкуры самые теплые, — вздохнул старейшина. — С добрым путешественником и без чума тепло.

Предания скрашивали суровое существование, служили любимым развлечением и отдыхом: рассказывали их на досуге, после трудного перехода. Каждый сказ играл воспитательную роль, являясь школой жизни, терпения и трудолюбия. Во всех сюжетах замечалась какая-то скромная важность оленя, тихая улыбка и большие глаза, медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья.

— Сильный весенний ветер помогает таять льду, — вспомнил каюр. — Около луны звезда народилась к потеплению.

Журчащий ручеек одушевил ледяную картину горных пиков. Наступила пора возвращаться к оседлой жизни, но как же хорошо мне было среди этих животворных, среди этих оленьих людей с амулетами из цветных ленточек. В зимнем путешествии морозный воздух был свеж и ароматен на вкус. Бескрайние просторы гор с ледяными вершинами действительно ощущались физически, и по возможности я стремился объять их своим воображением. Здесь упрямые люди, вскормленные оленьим молоком, с незапамятных времен сохраняют вековые традиции предков, которые невозможно заменить никакими современными технологиями. Ни морозы и метели, ни лед, ни снег не помешают прирученным горно-таежным северным оленям кочевать по ледяным вершинам, вообразив опять себя светилами.

НЕЖНАЯ РАДОСТЬ НЕБО-ОЛЕНЯ

В центре Восточного Саяна возвышаются большие горы с ледяными вершинами, а над ними картина звездного неба непрерывно вращается. Почти десять месяцев в году там властвует свирепая зима. Первые жители, живя среди природы, брали от нее то, что она могла дать им в своих непроходимых девственных горах с тайгой, тундрой, бурными реками и гигантскими ледниками. Но даже и тут они пользовались ею только для поддержания своей жизни и охотились на огромных медведей и пушистых соболей. Только кроткие и невинные создания горно-таежных северных оленей, самых полезных животных, они приручали. В суровых условиях холодной и снежной зимы олени обладали способностью передвигаться с большой скоростью и питались только подножным кормом. Оленей не забивали на мясо, а бережно использовали для езды верхом и перевозки грузов выюком. Оленей берегли, подкармливали и лечили.

— Солью и сказками мы приручали диких оленят, — признался старейшина. — Выкармливали каждого олененка, носили на руках как ребенка, привыкая друг к другу.

Понимая язык диких животных, таежники не держали северных оленей взаперти. Оленей практически не перегоняли, они сами кочевали, а люди шли за оленями, и этот образ жизни сохранялся. Летом олени питались ягелем, разнотравьем, молодыми побегами древесных пород. Зимой питались клочьями свисающего с деревьев лишайника-бородача и ягелем, кочевали по могучим вершинам гор. Кочевые охотники не раз находили старые оленьи рога. Когда и куда олени исчезли с вершин, никто не знал, горы хранили молчание.

— Много звезд на свете, да высоко, много оленей в горах, да далеко, — оживился старейшина. — Замерзающему оленю и звезда огонь.

Возможно, олени, выгрызая в снегу ямы до метра глубиной, ушли, спасаясь от голода в морозную зиму. Возможно, во время сильного ветра снег плотно утрамбовывался, так, что невозможно было докопаться до ягеля. Олени чрезвычайно пугливы и недоверчивы и по мелкому снегу могли уйти наслаждаться сверканием звезд. Возможно испугавшись, олени побежали, не останавливаясь ни для отдыха, ни для еды. Дальний переход — для оленей дело обычное, ведь они вечные странники.

— Все покрыто небом, а горами огорожено, — произнес старейшина. — По горам кочуя, на небо не влезешь, но у сердца нет преград невозможных.

Кочевые таежные оленеводы-охотники приспособились к годичному циклу передвижения оленей, то есть не таежники приручили оленя, а северный олень приручил к себе людей. Маршруты ежегодных передвижений были связаны с местами

отела или гона оленей, местами сезонных перемещений промысловых животных, что обеспечивало определенный ритм кочевого образа жизни. Именно это очаровательное животное всегда и везде вызывало восхищение, притягивало к себе своей удачей, способствовало познанию мира и помогало беспрестанно создавать и сохранять предания и сказания.

— Чем ночь темней, тем ярче звезды, — промолвил старейшина. — Чтобы увидеть не спящие звезды, надо открыть глаза.

Главный мифологический порядок был приурочен к возвращению стад на летние пастбища в вершины гор. Во время весеннего равноденствия встречались таежники у подножия горы, держащей на своей вершине Небо, и украшали разноцветными лоскутами чумы и стойбище. Идущие к свету в истоках веры таежники, сохраняя восприятие любви, стремились овладеть природой, познать ее, освободиться от ее устрашающей власти и разумно наделяли ее человеческими свойствами. Накопленные за века в преданиях знания об окружающем мире давали таежникам целостную картину мира. Удивительно, но, затмевая самосохранение, познание природы продолжалось. Любопытство толкало таежников на познание и освоение нового.

— Звезды склоняют, а не принуждают, — изрек старейшина. — Мудрый будет властвовать над звездами.

Подъем духа одушевлял и очеловечивал явления природы и имел дух-предок всего мира, осязаемый чувствами, постигаемый умом и воплощенный в Небо-олене. Для таежников Небо являлось женским началом, матерью всех матерей. Этот дух простирался над всем, все видел и всячески помогал, спасал от невзгод и положительно влиял на материальный мир. Воздух, облака, туман, наполняющие Небо, представлялись одухотворенной души дыханием. Небо-олень величием и превосходством над всем земным приближал пытливые сердца таежников к неведомому одухотворенному миру, в ту сферу привычек, которые приносили чудеса. Старейшина — собиратель звездных посевов, сведущий сложить полную картину и увидеть истину, — имел высокую цель восхождения. Он начинал раннее утро со слов благодарности Небо-оленю — матери матерей.

— Звезда летит, надежду укрепит, — прошептал старейшина. — Горящая звезда явится — небо украсит, знания появятся — ум украсят.

В далекие времена Небо-олень послал Мать-олениху на вершину горы в виде огненной звезды-метеорита зарождать жизнь. На вершине горы Мать-олениха нашла осиротевшее дитя человека, а вскормив его молоком, добрый свой нрав ему подарила. Старейшина чувствовал себя олененком, следовал в отблесках этих преданий за теплотой глаз нежной радости Матери-оленихи

по снегом припорошенному небосводу. Он шел знакомой тропой во вспышках рассвета и красоте полета звезд. Шел туда, где снизошла на горы Мать-олениха летящая звезда — судьба и счастье таежников. В этом месте прогревая зимний сон, старейшина пробуждал окрыленного Солнце-оленя.

— Если бы не было звезд, мы бы не любили солнца, — заверил старейшина. — К солнцу летящая звезда порождает жизнь.

Солнце-олень в темные зимние дни мало показывался над Саянскими горами. Старейшина из темноты ночи подымался в запретную зону по холодному лабиринту снежной шапки горы к острию наконечника ледника будить Солнце-оленя. Прodelав нелегкий путь, он располагался у сокровенной каменной плиты так, чтобы мог видеть края неба и гор. Внимательно смотрел, где должен взойти Солнце-олень, и терпеливо ждал. Неспешно вращалась Земля, молчала Небесная женщина-важенка, рожающая оленят. В бесконечность окунувшись, старейшина, словно жребий, бросал золотую пыльцу на каменную плиту — опору вертикали Неба-оленя. У каменной плиты, чтимой как свидетель благосклонности Неба, наизусть повторял легенду

о воспламеняющемся восходящем Солнце-олене и о Звезде в стремительном падении.

— Что мне золото — светило бы солнышко, — вздохнул старейшина. — При солнышке тепло, при оленях добро.

Золото парило в недоступном, неизменном, огромном Небе и разбивалось, словно падающие звезды, об ледяной камень, стремилось в высоту, искрилось и сверкало, как молния в черной глубине. Золото, погребенное под метрами льда и снега, раскалывало ледник, образуя каньоны, как будто раздвигало обжигающе-холодные скалы в горном массиве.

— Проснитесь, звездные пути, — воскликнул старейшина. — Выходи, Солнце, поднимайся на золотое острие горы, возвращай оленей к жизни.

Сквозь холод и мглу лабиринтов ледника прорвались горячие и ярко-золотые лучи, несущие радость рассвета. Надежд спокойных не спугнув, забрезжил светом и вслед за лучами прорвался на Небо алый Солнце-олень. Он явил истину и казался бесконечно огромным и красивым. Золотая шкура Солнце-оленя была покрыта разгорающимися рубиновыми пятнами. Кончики ветвистых рогов сверкали теплом платины, копыта блестели огнем серебра. Солнце-олень поймал и самозабвенно обнимал огненную звезду — Мать-олениху. При виде Матери-оленихи, облаченной в золотой зной солнца и уже мучающейся родами, старейшина застыл в изумлении, но, взглянув на все с любовью, обрел дар речи.

— От солнца бегать — света не видать, — вспомнил старейшина. — Солнце, как родная матушка матерей, никогда не обидит.

В небольших темных пятнах, движущихся по белому снегу, старейшина разглядел стадо оленей, неторопливо бредущее по реке, имеющей исток на Небе. В горную тундру, изолированную со всех сторон крутыми скалами, ледниками, неприступными водными быстринами и опасными перекатами, первыми возвратились стельные самки, а затем самец. Они пересекли осыпи и густую тайгу, по наледи и льду взошли на вершину. В этом маленьком стаде появились очень хорошенькие оленията, темные, как ночь, и белые, как снег, и все с растопыренными большими ушами. Сначала оленията лежали и плакали, из су-

гроба носа не высовывая, пережидая непогоду. Что-то ласковое, теплое коснулось глаз оленят и высушило слезы. Это солнышко послало оленятам свой лучик. Оленята, поблагодарили доброе солнышко и побежали за ним догонять Мать-олениху.

— Не хватай звезд с неба, а береги оленей, — добавил старейшина. — Счастливые оленята под счастливой звездой родятся.

Над вершиной летел легкий ветер, пахнувший весенней травой. На тропах около верхней границы ледника паслись самки, сильный олень-самец и среди них три олененка: один — сын ночи, другой — сын утра и третий — сын солнца. Один олененок — загадочный, другой — светлый и третий — ослепительный. Становилось небо синим, и оленята сосали молоко своих матерей. Цепочка их силуэтов серого цвета сказочно красиво украшала бездонное небо. Солнце своего света никому не жалело и не спотыкалось на тропинках. Солнце грело, а тропинка учила. По вершинам гор, встречая радость рассвета, кочевали олени, не менялась основа жизни таежников, сохраняя непотворимость преданий на запорошенных снегом звездных тропинках.

— Солнце не померкнет, оленей не сломит метель, — заверил старейшина. — Солнышко садится сказ у костра слушать, пора торопиться.

В самом центре Восточного Саяна возвышаются большие горы, ледяными вершинами отрезающие от Неба кусочки звезд, летящих по холодным мирам. Десять месяцев в году там властвует суровая зима. Солнце зимой морозит да летом греет. Жители гор охотятся на огромных медведей и пушистых соболей и только самых полезных северных оленей чуткостью и свободой приручают.

ХРАНИТЕЛЬ ОЛЕНЬЕГО СЧАСТЬЯ

В поисках таежной истины о северных оленях и кочевых таежных оленеводах-охотниках я странствовал с одиноким ветром по нетронутой природе саянских гор. Путешествовал по глухим и суровым местам. Все необходимое нес в своем рюкзаке и чувствовал себя совершенно независимым. Начиналась пурга, а до заката нужно было добрести по ледяным мостам каменной реки до горного узла, увенчанного цепью заснеженных пиков. В этой негостеприимной стороне не росли деревья, если не считать карликовую березу. Сюда туристы не доходили. Здесь вообще ничего не было, кроме ягеля, камня и ледника, будто проглатывающего горные хребты. Спину ломило от усталости, ноги гудели, пересохло в горле. С трудом, поднявшись на самый край глубокой пропасти, я заметил признаки жизни человека. Увидев кочевое жильё с дымком от костра, я направился туда. У огня под широким пологом неба сидел пожилой таежный оленевод и мастерил загадочный оберег — «Оленьё счастье». Журчал быстрый ручеек. Олень с большими красивыми рогами задумался, увидев меня. По представлению

старца, олень боялся шума, мог обидеться и раствориться в розово-синей полосе заката, а вместе с ними могли растаять предания.

— Чайком угощайся, — красивых слов не подбирая, молвил старейшина. — Потрескивание дров и жар углей бродячее сердце согреет.

При встрече с этим человеком я узнавал много удивительно интересного. Таежник жил, сам зная, что он Хранитель оленей, и бродил за стадом без поклажи, не выбирая знакомых тропинок, прислушиваясь лишь к собственному сердцу. Он, рожденный в чуме, вырос привязанный к седлу, верхом на олене передвигаясь по крутым таежным тропам. Мать матерей Олень-небо давал душу таежнику и оленю, и

души эти равноценны. Поэтому, наверное, олень был главный образ в рассказах старика об особенностях жизни на огромных пространствах тайги. Но главным в его преданиях было не познание жизни флоры и фауны тайги, а оказание помощи всем, кто в ней обитает. В поучительных сказаниях были заключены советы по поводу жизненных ситуаций бесконечно трудной кочевой жизни. Он ведал о запрете не добывать вожака диких северных оленей. Северный олень считался братом таежников, и, если нарушался запрет, все олени покидали места, где погибал их вожак — истинный хозяин тайги. А там, где вожак сбрасывал свои рога, обязательно водилось стадо диких оленей.

— У оленя камус крепок на ногах оттого, что не ленится копать в снегу, — заверил старейшина. — Если олень уходит, с ним уходит счастье.

Утром в заснеженной тайге под низким солнцем паслось стадо оленей. Но прежде чем отправиться на летнее пастбище, обладающий необычайной жизненной силой старейшина просил разрешения у матери матерей Оленя-небо. Мы смотрели на оленя, он смотрел на нас. За оленем виднелись грандиозные панорамы. И я изменил свое решение идти заранее намеченным путем и покочевал вслед за оленями, обреченными на вечные скитания. Я наблюдал, как протекает жизненный цикл северного оленя. За время существования оленя в горах у них выработался определенный маршрут кочевков. Летом насекомые гнали животных в вершины гор, где они питались ягелем, карликовой березкой и грибами. Зимой возвращались в тайгу.

— Летом олений пастух — оводы и мошка, — сказал старейшина. — Тропа под снег уйдет, чутье оленя по тайге поведет.

Узкие таежные тропы приучили оленей следовать друг за другом. Используя оленя под седлом и выюком, долго мы странствовали, и всюду нас сопровождали чудеса. Я ловил природы красоты, удивлялся жизнеспособности оленей и начинал понимать эту странную любовь к оленьим тропам. Весь окружающий мир мне представлялся населенным одушевленными образами. Они управляли сменами зимы и лета, теплом и холодом, пургой и бурями. От них зависели перекочевка оленей и удача в промыслах.

— Не ругай тропу, спотыкаясь, не тропа виновата, — пророчил старейшина. — Кочуя за оленями, забудешь безделье.

По состоянию, размерам и правильности формы рогов старик определял здоровье животного. Начало цикла размножения происходило за год до рождения телят, когда весной у оленей начинали отрастать новые рога. В рогах вырабатывался гормон. Организм отдавал им все в ущерб линьке и восстановлению мышц. Скорость роста рогов зависела от того, как олени

пережили зиму и набрали вес летом. Когда небо изменением светового дня оповещало о близости осени, у быков на рогах лопалась кожа. В это время гона взрослые самцы использовали это грозное оружие для устрашения соперников. Они с храпом шли друг на друга, низко опустив головы, и схлестывались рогами. Износ быков был очень большой: драки, непрерывное возбуждение, отказ от пищи — все это приводило к истощению, травмам. Каждый год таежник зачищал рога оленей перед гоном. Острые концы рогов отрезал, чтобы самцы не кололи друг друга. После зачистки рогов на открытом возвышенном месте расстилал шкуру волка — покровителя стада. Окуривая дымом и искрами тотемного огня, проговаривал свои просьбы об удачном гоне, чтобы больше родилось оленят, молил хищников не вредить стаду, запрашивал ровной тропы для оленей. Желал,

чтобы во время гона пришел дикий Белый олень в стадо для случки с прирученными важенками и чтобы долго не уходил.

— Мечтаниям в горах просторно, — изрек старейшина. — Кто боится волков, не разводит оленей.

По окончании гона самцы сбрасывали рога, зато самки носили их всю зиму. В жизни старика гон занимал важное место, и он выполнял порядок обычаев до рождения оленят. Олени разводились среди хищных зверей в суровых климатических условиях, приобретая силу и разум. Приумножение помогало выживать. Даже находящихся в стаде среди своих сородичей

важенок, ожидающих потомства, берег старик, считая, что охраняет матерей с живыми телятами. В случае голода оленей прикармливал и лечил отваром из пихтовой коры, можжевельника. Прирученные олени кочевали в чистых природных условиях, на естественной кормовой базе, сами выпасались и легко восстанавливали численность после падежа от зимней бескормицы, после гибели от волков. Старик кочевал за стадом, наблюдая за всеми.

важенок, ожидающих потомства, берег старик, считая, что охраняет матерей с живыми телятами. В случае голода оленей прикармливал и лечил отваром из пихтовой коры, можжевельника. Прирученные олени кочевали в чистых природных условиях, на естественной кормовой базе, сами выпасались и легко восстанавливали численность после падежа от зимней бескормицы, после гибели от волков. Старик кочевал за стадом, наблюдая за всеми.

Гон начинался в сентябре, и семь с половиной месяцев важенки вынашивали телят. Отел обычно происходил в мае, и с первых минут жизни телята вставали на ножки. К концу первого дня своей жизни следовали за матерью, питаются молоком. Они тонко чувствовали среду обитания, и то, что вредило, они не трогали, а уходили. Оводы очень сильно портили поголовье, причиняя беспокойство, доводя до истощения. На оленят после рождения начинали охотиться вороны. Почувствовав ослабленного олененка, несколько птиц налетали на важенку, и, пока она отгоняла их, один ворон подкрадывался к телянку и наносил ему раны. Потом они улетали и ждали, когда телянок упадет от ран. У маленького телянка не было для защиты ни рогов, ни копыт, и его легко могли загрызть хищные птицы, рысь или лиса. Волки на отел не приходили, но медведи и россомахи буквально шли по пятам за стадом.

— Храбрый олененок не будет бороться с медведем, — вздохнул таежник. — Волк появляется, когда люди беспечны.

Прирученные олени в стадах человека не боялись, и кем им стать, определял старик. Он наблюдал характер каждого олененка: спокойный или подвижный, мягкий или упрямый, терпеливый или непоседа. Учитывая капризы и нрав, оленят

делил на вьючных и ездовых. Обучение оленят для пушной охоты начинал через год.

— Ласковое слово — ловчий оленей, — учил старейшина. — Доброта рождает умение.

В стаде существовали семейные отношения, и родство шло по важнке-матери. За мамочкой ходили важнки-дочки и быки

— мамочкины сыночки. У оленей одного лидера не было. В разной ситуации вожаком становился любой. В опасности они инстинктивно плотно сбивались в стадо. Такое стадо кружило, и, если их не охранял старик, два оленя уводили все стадо за собой. Лидировали всегда разные олени с отлично развитой мускулатурой ног, что и служило средством выживания.

— И олень иногда спотыкается, — промолвил старейшина. — С убитком ума прибавляется.

Доброе покровительство Оленя-небо способствовало благополучно кочевать и изучать пути миграции животных. Стадо старался увести старик подальше от встреч с хищниками и дикими оленями. Находясь в стаде, дикарь панически пугался человека, стремился убежать. А когда убегал, обязательно уводил с собой несколько оленей. Стадо терялось, смешиваясь с дикарями. Олени свободолюбивы и никаких загонов не любили. Поедая свое любимое лакомство, олени далеко уходили за грибами. Старейшина обязательно клал неподалеку от стоянки соль, и обязательно олени возвращались лизать ее.

— Меня олени узнают, когда увидят и услышат, — приговаривал старейшина. — Олень работает за ложку соли.

В стаде старейшина знал характер каждого оленя и уважал оленей, кочующих впереди. Некоторых жалел, что, наоборот, бредут сзади. Но это происходило не из-за их характера, а часто просто по старости. Оленей на забой не отправлял, а давал дожить до преклонных лет. Если олень работать уже не мог, скитался в стаде. Возраст для важенок не играл роли, они двадцать лет приносили телят. Среди оленят рождалось больше самцов, они меркли быстрее, чем самки. Если от стада олень отстал, его выхаживал. Если совсем олень дряхлел, терял координацию движений и начинал кружиться вокруг особого камня без остановки, то старик его оставлял.

— Охотничаем соболя и сдаем, — сказал старейшина. — Довольство малым — богатство.

Мясо северных оленей старик в пищу не употреблял, предпочитал сохатого. Если лося добывал, то голову с рогами надевал на кол и ставил мордой на восток. Весной после спячки в берлоге голодный медведь выходил ловить оленя, он сначала съедал рога, ни кусочка не оставлял, а оставшуюся тушу зарывал и никого к этой яме не подпускал. Но если он находил рога и съедал их, то оленей не трогал.

— Где два оленя пройдут, там нам большая тропа, — сказал старейшина. — От оленя остаются рога, от человека — имя.

Горы, растворяясь в снегу, недостижимыми вершинами, казалось, срастались с небом, пронзая облака. Извилистые реки, бурлящим потоком сокрушая отвесные скалы, не всегда текли по одному руслу. В местах, по которым мы с трудом прошли, с давних пор кочевали за оленями отцы и деды таежных оленеводов. Не потерял в суровых горах старик большую надежду, что будут ходить за стадами оленей его дети и будущие внуки. Среди льдистых пиков, сияющих ослепительной белизной, места хватит всем оберегать оленьё счастье.

ПОЛЯРНЫЙ ОЛЕНЕНОК

Высоко в горной тундре, где очень холодно и всегда идет снег, в уютной берлоге родилась Маленькая медведица. Она открыла глаза и увидела звездочки, распластавшиеся созвездиями над величественными горными вершинами. При очень узком серпе и видимом пепельном свете Луны звездочки дружелюбно в небесной тундре гурьбой кружились, радовались, смеялись, веселились, мерцая. В новолуние, когда Луна не была видна, звездочки прилетали будить медведицу и приятельски терлись о заснеженную маленькую берлогу, чистили о снег затуманенные поверхности, чтобы в небесной тундре светить ярче. Малая медведица вместе с мамой Большой медведицей лапками нежно поглаживали звездочки, и они улыбались, сверкая. Медведи зимовали в снежном мире в ожидании чего-то невозможного и мечтали полететь ввысь, туда, где обитают их подружки, радостные звездочки.

Медведицы видели в небесной тундре чудесно парящего Солнце-оленья и Полярного олененка. Они летали по бесконечному кругу, искренне веря, что крепко держится небо и к добру рождаются медвежата. Когда они пролетали, небо станови-

лось светлым днем. Яркий и горячий Солнце-олень улетал за горизонт, и на небе появлялись тусклые звездочки, было медведям очень темно и страшно. Любопытный олененок оставался в ночном небе. Он летал сквозь пространство, прикасаясь к смуглому небу огнивом, стремясь светом затмить собою Солнце-оленья. Обжигаясь, дыша едино, осторожно искрами в черноте зажигал ярче дружелюбные звездочки. Отблесками любви во мраке звездочки светом закрывали страх неба.

— Ты прекрасней этих звезд, — сказала темнота. — Они холодные, как лед.

— Звездочки сделаю ярче света, — вздрогнул Полярный олененок. — Зажженные звезды очистят уныние и темень неба.

Чернь мстившего неба вертелась, поворачивалась, и с копти небесной тундры, срываясь, звездочки тлели и таяли. Вскружились головы у олененка и меркнущих звездочек, спотыкаясь и разжимая руки, потеряли они друг друга, плохо ощущая пространство, не понимая, где какая сторона. Непрогляд-

ность пережженного неба изнутри засмеялась, и безжалостно клонило в перевернутый сон. Беспросветность пряталась в выжженных потемках неба. Тепло, холод, впуская, искривилось и вывернулось небо против звезд. Задумчивые звездочки в сумраке гари не сориентировались по сторонам света и не знали, куда лететь. Растерявший друзей олененок не сумел прочитать полузабытый невесомый след в опрокинутой испепеленной темноте и заблудился, перепутав небесную и горную тундру, еще сильнее ослаб. Безнадежно отвергнутый непроглядною тьмой Полярный олененок заледеневшей звездой упал на пепел звезд, которые зажигал. На ощупь искал в пустотелости мысли и огарки звезд, дожигающих темноту. Забытый олененок смотрел, не моргая, в холодную сажу неба и плакал, как жизнь небес бессмысленно, в безумии спала.

Заблудившиеся в темноте медведицы долго наугад и на ощупь брели через горы и ущелья, пока не наткнулись на плачущего олененка. Сначала Полярный олененок испугался, в темноте и холоде встретив медведей. Малая медведица спела ему колыбельное утешение, песенку о звездах, которую всегда пела ей мама. Олененок успокоился и улыбнулся медведицам. Они познакомились и неожиданно подружились и поведали друг другу о своей жизни. Оглядевшись, олененок понял, куда привели растрепанные мысли и мечты тропинок на пути звездных орбит. Стирались растерянные надежды и частички везения. Сваленный черным мраком с неба олененок неожиданно от страшной безликой участи совсем загрустил, но не погас и щемящей тоской смотрел в темноту неба.

— Зачем мне звездный пепел? — спрашивал Полярный олененок. — В чем высший смысл бескорыстного мгновенья?

— Что за глупые речи? — ответили медведицы. — Возвращайся с улыбкой на небо. Невозможно улететь от того, что в тебе.

Полярный олененок был красив, как огарочек, но немощен от сажи и копоти. Медведицы удивились сообразительности и решили любыми способами помочь ему вернуться в небесное жилище. Олененка очистили от налета изгарины и кормили светом и теплом своих добрых сердец, чтобы он окреп и вознесся на небесную тундру. Малая медведица рассказывала ему сказки, что у них тоже есть мечта, и попросила у него исполнения желания. Олененок поднял голову вверх и увидел родное ночное небо, украшенное еще не совсем погасшей, одной-единственной маленькой звездочкой призрачных надежд. Зажженная Полярным олененком звездочка продолжала доверчиво сиять. Небо повернулось так, что, падая, диковинка-звездочка, на чужое счастье, медленно проскользнула сквозь мрак. Милая звездочка помнила про олененка, мигая огоньками иссякающей силы, Краешек небесной тундры зацепился за скалы, и спасенные звезды стали жить среди медведей. Сердцу Полярного олененка становилось теплее. В окутанном черной бездной темном мире небесной тундры он вспоминал пустоту созвездий, которые он зажигал. Постигнув горной тундры таинства, быстро бездумная опустошенность заполнялась мечта-

ми о парении в небе родных ярких звездочек. Мечта о полете позволяла справиться с черной бездной, не давала серой тени поглотить всех целиком.

Наудачу олененок вместе с тлевшей звездочкой в объятиях, неземным величием устремленный, оторвался ото льда, камней и снега. Втемную отправился ввысь опрокинутого неба, туда, где смутно вращалась сожженная темнота. Он взлетел

уже очень далеко от тундры, но осознал, что опечалились медведицы, им совсем не хотелось со светлым олененком прощаться. Очень заскучала, разволновалась и с закрытыми глазами заплакала Малая медведица.

— Сегодня особенный день, — сказал Полярный олененок. — Что сделает медведей счастливыми?

— Мечтаем полететь в небесную тундру и кружиться со звездами, — ответили медведицы. — Разве такое возможно?

— Сбудется самое заветное желание, — промолвил Полярный олененок. — Пусть это будет моим подарком за вашу доброту.

— Мы будем скучать и без звездочек, и без тебя, — сказала Малая медведица. — Вместе отправимся ввысь?

Олененок очень обрадовался предложению Малой медведицы и, от счастья улыбувшись, согласился вместе с ними кружиться в небесной тундре. Олененок подарил Малой и Большой медведицам исполнение заветной мечты.

— Пусть будет так, как желаете, — произнес Полярный олененок. — Никогда не расстанемся.

Очень возликовала Малая медведица, отчаянно бросилась за ним, обняла своего друга Полярного олененка, и они вместе, кружась наудачу, в ослепительном полете стали подниматься все дальше от горной тундры в высоты небесной тундры, к северному полюсу мира в кромешную тьму, вновь зажигать звездочки. Олененок и Малая медведица, от счастья светясь, вместе летели и оказались прямо в зените непроглядной тьмы неба. Опрокинутая темнота от света расступилась, теперь Полярный олененок отчетливо видел огоньки, зажигающие жизни звезд. Большая медведица вздымалась тяжело и косолапо в полете, поворачиваясь вокруг их верчения, приветливо подмигивала встречающимся

радостным звездочкам. Им всем так понравилось на верхушке неба, что они решили здесь остаться и светились от счастья, подобно созвездиям.

— Я вернулся в родное жилище, здравствуй и наполняйся светом все небесное стойбище, — сказал Полярный олененок. — Медведицы, всегда оставайтесь со мной.

Полярный олененок возвратился к заветной небесной стоянке, к небесному полюсу и в верховье небесной тундры, в зачаток самой прекрасной и счастливой звездочки неба. Меж ними пролетали искры, горячность взмахов огненных крыл зажигала другие потухшие звездочки. Олененок дорожил каждым мгном, отсюда улетать не стремился никуда — ни к соблазнительному достатку и темному успеху. Не стремился затмить своим противоположным светом Солнце-оленья. Обозревая мир, стал показывать медведицам, где находится север, и превратился в жгуче-лучезарную Полярную звезду. Он все время находился

на одном и том же месте, над северной точкой горизонта, в зените, неподвижно держался нежно за руку приполярной Малой Медведицы. Вокруг небесного Полярного олененка кружилась сама Малая Медведица, и все остальные звездочки, соединяясь в созвездия, восходили над горизонтом и заходили за горизонт на сфере небесной тундры, вращаясь вместе с ней с востока на запад с периодом в сутки, подобно Солнце-оленю и узкому серпу молодой Луны.

В полумраке контрастных невзгод опрокинутого неба и обратно разбежавшихся тропинок стражи Полюса медведицы, согретые искрой тепла и света, охраняли светлое начало всех звезд. Обогретые звездочки горели, вынося свечение, сочетая воедино горную тундру с небесной тундрой. Наяву и в добрых снах осторожно бродили романтики-медведицы звездными тропинками у времени. В горной тундре под звездами таежные медведицы смотрели на небесную тундру и видели радостью искрящегося и сияющего чарующим взором Полярного олененка — звезду путеводную. Спокойная и постоянная Полярная звездочка светом ясным озаряла тропинки и заглядывала в глаза ждущим изумительного дива медведям.

Из-за вращения Земли вокруг своей оси таежным медведям в горной тундре казалось, что вращается именно звездное небо вокруг северного полюса мира. Медведи с упоительным волнением верили в чудо, что под Полярной звездочкой на оси вращения Земли в удобных берлогах рождаются сильные мира сего звездочки и от них тропинки по небесной тундре в опрокинутой темноте заблудившиеся одинокие планеты приведут к пронзительному счастью. Бродяги — таежные медведи и таежные оленеводы, кочуя по саянским горам с северными оленями, ориентируются на местности по сторонам горизонта. Если нужно знать, где север, по звездам, делают это очень просто. Созвездие семи ярких звезд Большой Медведицы всегда видно над горизонтом. Продолжив прямую, соединяющую крайние звезды Большой Медведицы, вверх на расстояние, в пять раз превышающее расстояние между этими звездами, находят Полярную звезду. Расположение созвездий на небе с течением времени меняется, но Полярная звезда всегда находится на одном и том же месте и указывает на север.

КАМЕННЫЕ ГНЕЗДА ВЬЮГ

Неездовые и невьючные северные олени спешили к Каменным гнездам вьюг. Тропинка вела вольных оленей на вершину высокой островерхой горы в снежной шапке, где Солнце заливало мир неправдоподобным светом, где шумел ручей Олений, закрытый валунами, сползали со скал снежники и, конечно, пели вьюги. Из каменного гнезда одни вьюги улетали вспять, другие вновь возвращались из странствий. Преодолевая скуку дней, завывали вьюги, одиноко страдали летящим сном заоблачных грез.

Плакали упрямые вьюги на колком снегу, судьбу предсказывая. Умывались дождями, приносили грусть на одном дыхании. Напористые вьюги наивно думали, хотели испугать суетою. Одевались желанные вьюги туманами, тихо летая в бесконечности. Снежную вьюгу кружила весенняя сила. Хранящие в сердце тепло любви даже в стужу олени ждали вьюгу попутную. Копытцами разрывая снег, ожидали у тихого озера тепло. На вершине самая свирепая северная пурга попробовала заштопать дырки гнезда, устало билась о скалы пустой по-

роды, золотые самородки подхватывала по пути. Заботливо и последовательно, с болью и мучениями сплетала из них гнездо. Северная пурга понимала: чтобы возвышаться над обыденностью, нескладное гнездо должно измениться. В гнезде должны родиться новые поющие вьюги. Тающие снежинки и золотые песчинки летели, расписывая небо чудо-лучами. Разлетались крупинки в разные стороны, жизнь проживая торопливую, звездами падая на глыбы кварцита и снега.

Ниже ветров юго-восточные склоны круто обрывались к горному озеру, отогревающемуся нежностью. В объятиях скал вода в проталинах таявшего ледника была чистая, как слеза. На десятки метров вглубь блестели золотые россыпи на дне. Олени умели видеть, слышать эти чудесные подсказки и остановились у озера. Они помнили предание, что это место исполнения желаний.

Мечтания здесь исполнялись всерьез. Освобождаясь от груза прошлого, наслаждались олени настоящим и подготавливали себя к будущему. Было много замыслов и грез. Боялись разочароваться, меняя жизнь к лучшему. Цены за исполнение желаний были разные. Беззаботные игры и прогулки — отказ от стабильности и предсказуемости. Умение ценить то, что есть, или соответствие окружающим — отказаться от своих убеждений. Вера в себя и счастливая жизнь стоили очень дорого. Некоторые дикие странники, увидев цену, сразу разворачивались. Олени долго стояли в задумчивости и попросили, чтобы ум был здоровым и тело здоровым. А чтобы загаданное желание сбылось, подняли песчинку одну невеликую. В сером мокром снегу упавшая звезда не погасла, только жарче заревом палила. Злато сердечко, звездой, упавшей из Каменного гнезда, и великодушно бросили ее дальше лететь в озеро. Омытый ледяной

водою золотой самородок стал чище и светлей, ослепительным сверкая блеском, лег на светлое дно. Взаимной теплотой золотая россыпь ответила, разбудив весну.

Ни пустоты, ни тьмы в озере не было. Песчинка-звезда мигала сквозь просветленную воду на дне. Песчинка блестела, и самородное золото Небо увидело. На песчинке заклинился свет. Золотая магия коснулась неба, горы, озера и оленей. На манящее золотом озеро с небес прилетел первый один-единственный Черный гусь, возвращая Красное Солнце на место. Он принес в Каменные гнезда праздничное весеннее настроение.

Северные олени в белом меху ступали по остаткам снега на берегу, оставаясь почти невидимками. Самородок вспыхнул звездой, и у оленей родился первый Северный олененок. Возможно, Черный гусь принес курносого Олененка на крыльях. Слабенький детеныш начинал вставать на тоненькие ножки к концу первого часа жизни. Смешной олененок, с большими, темными глазами, лиловыми, будто в снежинках покрытый нежной белой шерстью и золотыми пятнышками. Беззащитный и робкий, лежал на кедровой хвое у проталинки, глотая снег подтаявший. Ребенок-олень, словно солнечный день, вскакивал и бежал к безмерно счастливой маме. Заботливая мама чутко оберегала олененка и согревала его своим телом. Пятнистая радость мордашкой прилипал курносыми веснушками пить молоко. Забавный пятнистый олененок, играя с весенним лучиком, подрастал, у него начали расти рожки, цвет шерсти с золота менялся на серебро.

Ослепительно-желтое Солнце припекало поющие тучи гнуса, оживляющие суровые напасти. У озера и болот метался маленький гнус, кружился кровожадный над ухом к непогоде. Зловредные мошки, мокрец, комары и слепни безжалостно дожимали оленей, превращая таежную жизнь в кошмар. После укуса слюна гнуса вызывала зуд, жжение, воспаление кожи оленей. Стадо беспокойно металось от гнуса. Срывалось с места и мчалось в бескрайние горные дали. Облако гнуса стояло в воздухе, закрывая испуганное Солнце. Крутой звериной тропкой в обход круглого озера начиналось восхождение дружной семьи оленей во главе с озорным малышом к прекрасным пикам вершин, где встречный горный ветер переливался

через гребень скалистого хребта и под собственной тяжестью, посвистывая, скатывался по склонам снежным холодком. Не отстал назойливый гнус. Уводила тропа загадочно ввысь, поперек потока ледника к склону перевала, недоступного для неотвязного гнуса. Олененок смело подставлял мордочку нестойкой, порывистой вьюге Южанке, вновь рожденной в семействе

свистящих закруток холодных штормов. У кроткого олененка внутри сердца раздувался светлый порыв. По льдинкам растворя горизонт, олени уверенно шли тропами золотой горной тундры в мир ветра и Солнца. Красивые, величавые, стояли у скал, подняв рога, губами ловили лучи света, содрогаясь от каждого веяния ветра с приятной прохладой. Пела у олененка душа, так милая мама Оленица была хороша. Студеные, однозвучные, затяжные и постоянные вьюги обдували и зачаровывали оленей, цветы кашкары и камни. Горная роса, Солнце и вьюги были такие же, как всегда, но олени были какие-то другие. На краю бескрайнем вьюги обдували им распаренные лица, заставляли дрожать в глазах застывшие слезы радости. А олени, умиленные воздушной свободой, дыша еле-еле, ресницами хлопали, чувствовали: этот ветер навевает счастье. Олени вьюгам доверяли, как дети.

В каменном гнезде вьюг случались морозы, однако зрячее Солнце, пробудившее весну, подпевало песням вьюг, холодным

теплом обнимало. Началось бурное таяние снега. Вода просачивалась сквозь камни и мох в русла ручьев, а в небе одна за другой плыли вереницы Черных гусей, летнее счастье их торопило. На озерное золото гуси старое, пообношенное перо сбрасывали и теряли способность к полету. Водная гладь от проснувшихся золотистых гусят и слишком спящего солнца маячила назойливо бликами. Лишившись маховых перьев, ли-

няющие гуси чувствовали себя беспомощными и не отходили от подрастающих гусят. Едва гусята освободились от золотистого пуха, сразу покрылись настоящими перьями и пытались летать, неуверенно, низко над водой. Золотую пеною счастье их обнимало. Гусята клевали золотой песок и камешки у солнечных отблесков с ладони.

Солнце быстро приближалось к вершинам Каменного гнезда, касалось их золота и начинало закатываться. Ночи быстро удлинялись и темнели, заметно холодали вьюги, желтую хвою срывая с лиственниц, и гнус почти исчез. Все чаще случались снегопады, а гладь озера по утрам подергивалась блестящим кружевом звонких ледяных игл. Молодняк гусей летать стал увереннее. К озаренной стае подсаживались новые гуси. Поднимался галдеж. Прилетевшие устраивались, прятали головы под крыло и засыпали. Партии гусей то объединялись, то де-

лились, а озеро то стихало, то наполнялось гусиным гоготом. Черный гусь покинул родное озеро, споря с вьюгами, улетел путешествовать по свету. Гогот его звучал тоскливо с печальными заблуждениями. С легким ветром падала звезда, погружая озеро в волшебные путы горного сна или льдом застывшее время.

Как ветер, обдувало оленей с золотыми рогами безвозвратное время, спрашивало: где незабвенное счастье, в самом деле? Дитя мироздания несло незабываемые перемены в воздухе багульником клейким. С плотным и холодным потоком неприветливых вьюг, стекающих со склонов, свиваясь цепочкой и шатаясь, олени возвращались со снежных громад Каменных гнезд в низину к подножию гор. Каменное гнездо вьюг, известное своею непогодю, скрылось дивными облаками. Со скальных отрогов дул напористый ветер, приносящий с собой мокрый снег и косой дождь. В Каменном гнезде непослушные вьюги рождались, беспокойно покачивая скалы. Рождались чудесные вьюги, как рождалась в светлое счастье вера у маленького оленя. Рождались звонкие вьюги, как рождалась верность ветрам, которых любили олени. Непогожие вьюги с немymi сердцами и вольные вьюги веселились, хором пели, кружили укутанные метелями, милоясь в уютном самородном золоте светлой надежды, радостно спускались на скалы. Завьюженное небо замороженным серебром огоньков и блеском снежного золота игриво мерцало, оставляло морозные откатчики. Крупицами золота-серебра в капризном вихре волшебство дарила добрая чародейка-зима. Под зелеными звездами, падающими с небес, в Каменных гнездах рождалась вьюга снежная, белая пурга.

ДУХ НЕБА

Кочевой таежный оленевод-охотник, ведущий свое происхождение от небесной птицы, двигался вверх вдоль берега ручья к левому краю языка ледника, где рядом с небольшим озером была ровная щебневая площадка. Он почитал орла, а также горные вершины Восточного Саяна с орлиными гнездами и спешил коротким путем добраться из долины реки в северную часть хребта, к высшей точке величественной горы у «Жилища духа», где на каменные плиты снисходит с неба владыка духов. Орел приходился родным сыном Духа неба. Таежник собирался носителя счастья и Творца Света попросить себе дар орлов: силу и разум.

Со стороны озера со скалой на берегу виднелась широкая седловина перевала, весь цирк ледника, ущелье и с лавинными выносами стена пика. Перевальный крутой взлет таежник прошел правее седловины по петляющей тропе, обходящей скальные выступы. Руками потрогал тщательно отполированный бурями кремевый утес с вертикальными стенками, переходящими в аккуратные каменные осыпи. Лавины, камнепады

и острые осыпи молчали. Таежник поднялся все выше и выше. По осыпи, покрытой острыми скалами, на седловину пройдя по гребню, достиг вершины и осмотрелся. Каменные плиты спали, в небо воткнув верхушку. В этом местечке, по преданиям старожилов, камни раздвигали белые пушистые облака, играя с каплями дождя, каждое утро встречали рассвет и каждую ночь с одинокой Луной пересчитывали золотые звезды. Купались камни в каплях росы, влюблялись в снежинки. Орлы украшали эти камни своими орлиными перьями, и только они одни

получали дар прямо смотреть на Солнце и выше всех подниматься в воздух. Строили свои гнезда в тайной дружбе между звездами, ветром и солнцем. Как привидение, были холодные камни окутаны звездным туманом, при порывах свежего ветра обнажали гранитные грани. В чудесный момент с «Жилища духа» спадал обнимающий туман, и плиты открылись во всей своей красоте и величии.

— В знамениях неба силу почитаю, — сказал таежник. — Истину скажи, чтоб с радостью кочевать я мог!

— В своем сердце дай жилище духу, — изрек Дух неба. — Вглядываясь в мир своего сердца, твори.

Вдыхая мощь небес и гор, таежник понял, что скоро что-то начнется. Смотрел в горизонт между мирами горной и небесной тундры. Тучи перемешивались с залитыми солнцем просвета-

ми, и воздух стал как будто свежим. В этих просветах орлица учила летать молодого птенца в первый день полета. Обнимала и поддерживала, расправляла крылья к сочному ветру. Исправляла ошибки, внушала премудрости и как в первом полете опираться на воздушные потоки. Учился летать, держатся птенец за вечное небо неокрепшими крыльями. Эта птица возносила своего птенца к солнцу. Орленку было трудно, небесную

радость ветра поймать давалось нелегко, но пела орлица о счастье, что должен теперь лететь сам. Птенец понимал, что верит в себя и теплое крыло мамы, что у него много сил и он полетит высоко и смело. Таежника восхитили эти создания, никогда они не давали подойти к себе так близко. Казалось бы, совсем не замечая человека, птицы кружили низко, оглашая воздух гор пронзительными криками.

Полет филина за орлами заставил таежника удивиться. Неловко полетели полутораметровые крылья огромного филина разрезали воздух. Филин летел плавно, внимательно вглядывался в добычу, делал несколько взмахов крыльями, а затем парил по ветру, как бы отдыхая. Филин охотился на орлов в полете. Быстро догнал молодого орла и ударил. Птенец потерял плавность полета и начал падать сквозь заплаканное небо. Орлица подхватила когтями сорвавшегося птенца и отважно его защи-

шала, но филин был силен и напорист. Орлице пришлось пойти на отчаянный шаг: отпустить орленка и вцепиться клювом и когтями в непрошеного гостя. Обнявшись, они полетели вниз. Орленок потерял их из виду, снижался и упал на огромное гнездо «Жилища духа». Он поднялся, валился, пытался разбежаться и взлететь, но горной тундре не было ни конца ни края. Он очень надеялся, что мама победила. Напрасно звал орлицу. Криков орлиных слышно не было. Очень сильно болело крыло. Духу неба стало холодно в вышине. Туман усилился, видимость упала. Внезапно налетел сильный порыв ветра. Дух неба заплакал дождем. Слезинки замерзли и кружили снежной метелью. Горную тундру засыпало пеленой снежных хлопьев. На камнях таежник увидел орленка, при падении повредившего крыло. Орленок, терпя боль, попытался взлететь с каменных плит, сжимая до судороги клюв.

— Птенчик орла замерзнет, — подумал таежник. — Может, поскорее уйти или подлечить и отправить летать обратно в небо?

Орленок, распластав крылья, страдал от боли и переохлаждения. Он трепетал и пронзительно кричал, подзывая мать. Взрослые птицы в снегопаде не кружили вокруг и не кричали. Таежник взял орленка на руки и осмотрел. В руках был птенец-слеток. Орленок почти полностью оперился, но летал пока плохо. Виднелись открытые повреждения и ушибы. Таежник чувствовал, что суровый филин не прекратил охоту и нагонял страх. Его очень трудно было заметить в опускающихся сумерках, и он подлетел бесшумно и неожиданно с бездонного неба. Таежник от силы клюва, крыльев и когтей огромного и быстрого филина своими руками прикрывал орленка. Очень большая птица с большим размахом крыльев изогнутыми и острыми, как ножи, когтями глубоко впиалась в пальцы и руки таежника. Человек не терял способность к сопротивлению и острым камнем сбросил с себя хищного крылатого зверя. Прижав орленка к груди израненными руками, защищал, охранял, грел теплом собственного тела. Таежник взялся за то, о чем не имел ни малейшего представления. Лечить гордую птицу непросто, но не простил бы себе, если бы оставил ее замерзать одну. Старался нести орленка на руках очень осторожно. Молча сделав крюк

по скользким камням, спустился к краю скалы. У кедра с ветками и сучьями, способными гореть, под навесом скалы нашел сухой участок для разведения костра. Решил остаться здесь на ночевку. Шансы на выживание орленка в руках таежника увеличились. Орленок попытался встать на ноги, но сваливался. Таежник соорудил ему из хвои теплое гнездо. Вправил крыло и ногу орленку, царапины помазал кедровой смолой и отваром трав. Перевязал и свои раны, об орлах вспоминал красивые и поучительные легенды. Орленку дал имя «Парящий из самых близких к Земле звезд». Чувство времени в мифах начинало медленно теряться, а таежник и орленок погрузились в сон.

— По таежным преданиям, встреча с филином наяву не принесла ничего благоприятного, но что означало его появление во сне? — думал с содроганием таежник. — К чему снился крылатый зверь белого цвета?

В плену нахлынувшего сна скупой на слова филин издавал внезапные глухие звуки, пугающе резко и громко ухал, гремя громами, проявляясь сквозь тучу и тьму. Молнии, громы являлись то клювом, то когтями хищной птицы, а иногда и всей птицей. Его глаза ужасно горели на фоне черного неба. Он страшил и преследовал вздрагивающего хозяина сна. Наяву проявил бы таежник мудрость и проницательность в сложной ситуации. Устраняя ее, тщательно обдумал свои действия и старался увидеть то, что не могут заметить другие. Осторожный сновидец убежал от филина и чувствовал страх нападения на орленка.

— А если не удастся вылечить орленка и вернуть его в природу? — беспокоили таежника разьедающие изнутри мысли. — Сможет он летать или нет?

Необходимо вернуть птенца орлице, чтобы он знал все, что нужно для жизни в горах и небесах. Птенец, долго пожив с человеком, не сумеет добывать себе корм и опасаться врагов, ста-

нет бесполезным для непроницаемого неба, и его изгонят орлы. Хозяин сна решил не приручать орленка, не кормить с рук. Орленок во сне вел себя как человек, разговаривал, предупреждал о том, что сновидец наяву получит. Что спящий таежник узнает какую-то тайну, которая его удивит.

Проснувшись утром, таежник заметил, что под навесом скалы достаточно темно, вход присыпало снегом. Не отчаиваясь и не поддаваясь панике, он вылез из убежища и убедился, что снегопад немного поутих. Кричали птицы — орлы кружили над скалой, принесли зайца орленку и скрылись. Таежник вернулся обратно. Трудный день прошел. А ночью появились такие звезды, каких таежник ни разу в жизни не видывал.

От полноты чувств забилось сердце и зажигалось огнем и таяло в счастливом мираже. Выздоровивал орленок, ел то, что старшие орлы приносили, летать таежник его потихоньку учил, и крыло заживало. Дрожа, сгорая, просто веря и подымаясь вздохом в небо, тонул орленок в бесцветном и упругом ветерке.

Сердце билось все сильнее, познав пленительный восторг бушующих страстей. Духи чувствами играли. На волю птенца тянуло. Таежник ощутил родство душ, они были как половинки одного целого. Ближе не было под небесной и горной тундрой никого. Таежник лишь дополнял поток общих желаний. Он мог ошибиться, но сердце не ошибалось никогда. Теплое чувство не покидало сердце. Дух жил в сердце и давал силы думать о хорошем, ведь мысли в горной тундре всегда материальны.

— Мы дети гор и неба? — спросил таежник. — Мы неразрывно спаяны с тобой?

— Мы неделимы и нерасторжимы, — ответил Дух неба. — Мы сотканы из звезд и упругого ветра.

Ранним утром сквозь шторы черных скал прорвалась зоренька, золотым светом освещая темные небеса и давая начало новому дню. В рассветном пространстве неба птицы кружили, метались и шумели. Смелый таежник нес окрепшего птенца, сдерживая дыхание, подымался практически прямо на гору, сначала по голому льду, а затем по снегу лавиноопасного склона перевала. У «Жилища духа», где нашел молодую птицу, посадил орленка на каменные плиты. Орленок не взлетал в ожидании ветра. Сидел, вертел головой, осматривался. Орлы зависли у утренних звезд полутьмы неба. На мгновение тихо стало. Орлы, словно ночные грезы, кружили вокруг. Растерявшийся таежник стоял посреди горной тундры, а над ним ниже-ниже пролетали беспокойные птицы.

— Дух неба — источник силы, прими любовь наших сердец, — произнес таежник. — Пусть взлетит на крыльях в небо эта юная благородная птица.

Обычно неагрессивная по отношению к людям, орлица храбро выставила клюв и когти, планируя из бесконечной и волшебной пустоты созвездия Орла, из самой красивой части Млечного Пути. Пролетела орлица над головой таежника, создавая внезапный порыв тугого ветра. Таежник посмотрел вокруг и понял, что он отрекся от чистого неба ради орленка. Он, взгляд опустив под ноги, быстро удалялся от этого места,

спускаясь со сверхмощной вершины черной горы с осыпью каменной. Таежник, не встречая даже случайных мыслей, возвращался обратно в родное стойбище по камням, снегу и грязи к оленям, растворяясь в сияющем свете предрассветных лучей солнца, отдав все свои чувства небесной птице. Таежник не сомневался, что огромная птица в благодарность за спасение птенца будет помогать таежным оленеводам в охоте.

Толпились кучами тучи без времени, семейство орленка кружило над самой верхушкой седого «Жилища духа». Вдруг орлица запела песню-крик, хранившую вечный призыв будущего неба. Встрепенулся возмужавший орленок, смахнув с перьев намерзшие льдинки. Крылья расправил, сделал шаг вперед и взлетел, устремляясь неудержимо в небеса над глубоким ущельем над лучами восходящего солнца, к счастью, весь мир любовью обнимая. Небесные птицы без страха и боязни зажили своей собственной счастливой, вольной жизнью, летя в недосягаемую высь к белым, горячим звездам, на перелетную сторону восточной ветви Млечного Пути.

ЗОЛОТО БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

Таежный кочевой оленевод рассказывал легенду о появлении золота в картине саянских гор. В незапамятные времена старейшины в дни летнего и зимнего солнцестояния смотрели на север и видели, как звезда в спиральной галактике созвездия Большая Медведица медленно увеличивалась на полторы звездные величины и превратилась в вспышку сверхновой звезды. Над бездною небесной тундры звезда резко увеличила свою яркость и выбросила давно желанный свет и огромную массу вещества из внешней оболочки в туманности межзвездного пространства. Из оставшейся части ядра образовалась нейтронная звезда с блеском газового шара. Не желая превращаться в пульсар или черную дыру, столкнулись нейтронные звезды и взорвались, а содержащая золотой металл пыль и нагретый газ ударной волной полетели к Солнечной системе. Возвратной волной золотой пар расплавлял Землю и долетал до ее ядра. Летучее жидкое золото сгустками капель испарялось и кипело в мантии Земли, напоив и удивив ее своей красою. В раскаленном горении желтые, зеленые, яркие капли и тонкие пленки золота кипели,

излучали сияние и бились светлыми мечтами в горных склонах. Огонь золотого потока рождал засекреченное счастье.

Выращивались кристаллы золота, вырываясь на поверхность по разломам и трещинам, резко обогащенные металлом в верховьях Большой Бирюсы с ее притоками Бирюсой Малой и Хормой с Унгурбеом. Астероиды во время поздней тяжелой бомбардировки превращались в золото в самородном состоянии в виде россыпей. Старожил говорил о легендарной пиритовой горе, вершина которой полностью состояла из золотых глыб высокой пробы, не тускнеющих на воздухе.

Молодым летом и старую зимой таежник показывал оберег с самородком золота «Большая Медведица», но сохранял местоположение почитаемых гор из редких рудных минералов алтаита и гессита с ростками золота в секрете. Золото за-прещали тревожить духи, и к нему можно было приближаться случайно или с завязанными глазами и с разрешения брать столько рудного золота, сколько можно унести. Но самородки золота были такими огромными, что поднять одному человеку было их не по силам. Сколько там золота, было ли оно все

вывезено и куда оно в конечном счете делось, таежник не объяснял. Все эти загадки не смогли разгадать обычные охотники за сокровищами и искатели приключений. Наслушавшись местных легенд, они спешили искать место выхода на поверхность драгоценной руды, но ничего не находили. Таежный старец не рассматривал золото как материальную ценность, оно не выполняло в тайге функцию меры стоимости и счастья. Его нельзя было продать или обменять. Золото для старика было

материалом сокровенного характера. Старец не показывал расположение золотых охапок и связок посторонним, а повторял предание о Большой Медведице.

Не верящая в таежные выдумки молодая семья золотоискателей, неудачно перекочевывая с вьючными оленями в плохую туманную погоду, покачиваясь в полудреме на камнях речного брода, была снесена водным потоком. Золотоискатели устали,

сил на дальнейшую борьбу и сопротивление с волнами Бирюсы не осталось. Молили они, захлебываясь золотым песком в речном пороге своего золотоискательного покровителя об одном: чтобы дал выжить на свете их малышке. Мольба была услышана, и судьба их детеныша больше им не принадлежала. Семья золотоискателей потеряла оленя с ребенком среди золотых валунов.

В таежных дебрях Бирюсы много обитало огромных медведей. Управляла ими матерая и грозная медведица. Возвратились медведи с золотой горы и обнаружили на берегу реки сверток из оленьей шкуры. Властитель медведей развернула его и увидела маленькую рыдающую девочку. Матерая медведица ласково погладила шероховатым языком ребенка, и девочка перестала плакать. Маленькая девочка стала жить среди медведей в берлоге рядом с медвежатами. Вскоре выросла и превратилась

в красивую девушку. Сила у нее была медвежья, ловкость стихий, неистовая стойкость и ум человеческий. Медведи очень сильно любили ее и уважительно называли Большой Медведицей. Под яркими звездами и под лучами солнца девушка любила гулять по кругу разговоров Хранителей золота к золотому кристаллу Камню Духов на горной вершине. Девушка умела приходить неслышно, играя в догонялки с солнцем. Сливаясь с золотой массой Хранителей, умудрялась спрашивать, искать ответ у многозычных самородков, зная, где, куда и как. Прижавшись к скалам, энергией делились с окружающим пространством самородки. Золотые камни были связующим звеном между горами и бесконечностью Творения, в котором есть ответы на все вопросы. Плавилась

самородки под жгуче-ледяным дыханием, меняли цвет, но не меняли память и могли беседовать, а девушка умела слушать камни, не дыша и твердо зная, что им не все безразлично. Вещая, самородки направляли сущность таежного Духа на верный путь, одухотворяя чистый и наполненный ум девушки, обогащенный сердечной заботливостью. Что-то трогательное было в этом. Мудрые медвежата понимали, что у камня есть сердце, и слушали его чудесный ритм с внутренними чувствами, желаниями, порывами. Золотое сердце самородка было теплым, а поблескивающие каменные неровные стенки дышащими, живыми. Золотой камень с вкраплением крупнозернистого серебра и мелкозернистой платины сиял искрами огня и инея, словно вобравший историю звездной тундры, и знал о том, что творится внутри людей и медведей.

Золотоискатель в одиночестве бродил по Медвежьим горам и терпеливо искал свой кусочек счастья. С любопытством он слушал предания старожилы и хотел в жизни разнообразия. Он ощущал присутствие золота путем логического мышления и

глубокого знания на косовых россыпях, залегающих на галечных островах и отмелях. Искал при помощи старинных карт в самом русле водного потока Бирюсы и на речных террасах. Искал россыпи, залегающие на склонах и вершинах. Искал россыпи у сползающих ледников с Джуглымского хребта. Тщательно обследовал участки потерянных и забытых золотых приисков. Его труд был тяжел, и он был недоволен.

Он снимал пласты пустой породы, прикрывающие россыпи, и жадно искал самородное золото в рубашке, серебристое, родистое и плавучее, тонколистовое золото, которое держалось на поверхности воды. Он не искал послабления и успокоение себе и все на плечах своих выносил. Он себя закалял, когда часто падал и часто вставал. Воля помогала золотоискателю не согнуться, а направляла вверх.

— Лишь хватило бы сил, — шептал золотоискатель. — В жестокой житейской борьбе.

Он искал грезы лучших дней, символ благосостояния и роскоши, предмет вождения и смысл жизни без забот, золотую жилу с крупными самородками, способную решить все его материальные проблемы в один миг. Золотоискатель взшел на вершину, осмотревшись, свысока высокомерно чертил буквы счастья ногтем по мягкому золоту Камня Духов.

Не обращая внимания на царапины, камень рассказывал сказку, и его слушала девушка. Заканчивалась одна небылица, камень начинал рассказывать другую. Девушка сидела тихо, опустив голову, и слушала выдумки камня. Спускаясь с вершины горы, она думала только об историях, которые рассказывал камень, а возвращаясь, самородки с заломами, задирами, закусками медведей, которые попадались по пути, бережно приносила к Камню Духов.

— Ах, если бы я был солнцем, — воскликнул золотоискатель и взглянул на горы поверх вершин. Камень не отвечал, изредка вздыхая, и от него исходило ощущение полного спокойствия, а золотоискатель видел и слышал одного себя.

— Ах, если бы я был богатым, — воскликнул золотоискатель и почувствовал ревность, недоверие и зависть.

— Ах, если бы я был всевластный, — воскликнул золотоискатель и почувствовал лезть, подобострастие, ничтожность и суету.

— Ах, если бы я был всемогущ, — воскликнул золотоискатель и почувствовал гнев, хулу, колкости, навет.

Медведи любили выбирать себе для лежки верховые под большими валунами самородков, и в душевной тьме золотоискатель стал явно их забавлять.

— Ах, если бы я был всемогущ, — воскликнул неугомонный золотоискатель, в плену иллюзий занес кирку над скалой в золотой оправе, привлекая внимание равнодушной Большой Медведицы.

Задрожали горы под тяжелыми медвежьими лапами, заколебался воздух от грозного рева. Это вернулись на вершину из берлоги медведи и обнаружили пришельца у неприкосновенного золота. Тяжело дыша и не оглядываясь, молодой золотоискатель с горы поскользнулся и скатился по крутой осыпи бегучей в каньон. Причудливо петлял по занесенному колючим золотым песком ручью. Он уже понял, что все ухищрения бесполезны. Духи гор расправили крылья, и от погони не уйти. Он заблудился в золотом ущелье зверино-милых переживаний, в котором жили все чувства: радость, грусть, стыд, обида, познание и любовь. Духи завалили выход из ущелья золотыми камнями, и золотоискатель обратился к девушке за помощью.

— Почему судьба несправедливо преследует?
— спросил золотоискатель.
— Награждает не того, кого нужно?

Сжигая звездные силы, Большая Медведица, с любовью не расставаясь, прятала красные от слез глаза.

— Научись прощать,
— камень возобновил прерванную беседу с девушкой. — А то обида будет жить в тебе и разрушать.

Девушка пожалела дерзновение золотоискателя, который обидел камень, понимая человеческое несовершенство. Старалась чувство жгучее не выдать,

она была выше причиненной боли и без высоких слов показала спасительную тропинку с выходом за пределы, определяемые судьбой.

— На этой тропинке хватит места для двоих? — спросил золотоискатель в плену мечтаний. — Хочешь кочевать со мной?

— Хочу, — девушка ответила. — Я готова идти с тобою куда угодно.

В небесной тундре рождалось новое золото при слиянии нейтронных звезд, а золотоискателю еще обрывками грезились богатство Большой Медведицы, которое душа просила. Наклонился он к самородкам, но почувствовал, что тело протестовало. Звездное золото к рукам не приставало. Ум принял решение: хватит космического золота на обручальные кольца. Собрался с духом, прислушиваясь к камням, посмотрел на очаровательную деву. В этот же миг он стал самим собой и понял, что ни богатство, ни власть не дадут ему радости. Ключ к счастью — умение радоваться тому, что имеешь.

ДУХ СОЛНЦА

Кедровник и горная тундра были нелепы и пусты, и тьма холодная сгушалась над бездною каньона. На краю утеса Старый кедр одиноко шуршал хвоей, слегка припорошенной снежком, закрывал пушистыми ветками все небо. Это потрясающее дерево, по таежной легенде, выращивалось Духом солнца со времен сотворения таежного мира. Живительный запах исходил от этого могучего исполина. У могучих корней на толстом и мягком слое хвои, опавшей за всю его жизнь, родился маленький олененок. Мама ушла и возвращалась покормить детеныша. Уютно и тепло дремал олененок на прекрасной хвойной подстилке, и снилось ему, что лежит он в теплых объятиях Солнца.

Олененок лежал без движения, ожидая, когда мама позовет его на очередную кормежку, и проснулся оттого, что чутье почувствовало свет. Олененок поднял голову и удивился. На него смотрел маленький, смелый и очень любопытный Солнечный лучик. Заглянул он под серебристо-зеленую крону Старого кедра, и она засветилась и заиграла огоньками и частичками света. Солнечный луч проскальзывал сквозь хвою дерева солнечными

бликами. Солнечный луч прятаться от хищников олененку помогал, играя мелкими белыми и золотистыми пятнами на его рыжеватой шкурке. В первое мгновение яркая их игра света ослепляла олененка. Он прищуривал глаза, но, когда привык к ослепительному сиянию, увидел Дух солнца во всем его великолепии в узорах нежной хвои и в лазури небесной тундры. Дух солнца, размышляя о смысле жизни, велел Старому кедру гордо расправить крону, а цветам расцветать. Дух солнца нигде не оставался подолгу, но успел подружиться с олененком.

— Нужно сохранить частичку света в сердце, — думал олененок. — Для улады доброго Старого кедра.

Очарованное сердце олененка счастьем и радостью наполнялось при встрече с Духом солнца, главой всех лучей. В нем была могучая жизненная сила, наполняющая и объединяющая все живые существа тайги. Дух солнца летал выше всех, то есть ближе всех к Солнцу, соединяя земную и небесную тундры.

— Я едва родился и сразу увидел Солнце, но я слишком слаб и призрачен, чтобы подняться и выйти из кроны Старого кедра. Я боюсь быть брошенным и съеденным волком, — признался олененок. — Ты, Дух солнца, рожден для того, чтобы переносить великие чувства из солнечного пространства в тайгу.

Когда Солнце взойшло в зенит, солнечный зайчик появился под кроной Старого кедра. Солнечный зайчик был ярким,

брызжущим и жутко веселым. Мигал, суетился, метался и нос олененку щекотал. Заметался на скалах, крутился да скакал по веткам. Веселил олененка. Старался поймать шустрого Солнечного зайчика, но не хватало сил у глупого олененка.

— Что случилось? — спросил Дух солнца. — Почему ты по-мрачнел?

— Я ловил Солнечного зайчика, — сказал олененок. — И никак не поймал.

Олененок рассказывал, как он искал Солнечного зайчика и пугался, что его терял. Сердце олененка нагревалось под солнечными лучами, холод страха исчезал.

— Открою секрет, — сказал Дух солнца. — Солнечного зайчика можно поймать с помощью веры в мечту. Если она светлая, как частичка Света, может делать чудо. Я согреваю все живое. Частичка Света согреет твое сердце, и оно поможет Солнце уговаривать, чтобы оно лицом к тебе повернулось.

— Если уйду от Старого кедра под прямые лучи Солнца? — спросил олененок. — Скажи, и я стану веселой и яркой частичкой Света?

— Ты должен радовать всех, а не только себя, — сказал Дух солнца. — Тогда ты светишься еще ярче. А иначе погаснешь, и грустные мысли темными пятнами покроют твое сердце и спину.

Дух солнца пробежал полнеба, и в воздухе темное облако птицей заслонило блеск солнечных лучей. Резко начали собираться тучи, большие и темные, что заслонили собою Солнце. Дух солнца направил к Солнцу свои крылья. Олененку показалось, что солнечный зайчик выскочил вдруг из кедровых веток и спрятался в облаках. Наступила темнота. Ярким-ярким Солнечным лучам не давал сиять мрак. Солнечный лучик взмывал к Небесам и летал среди грома и молний. По багряному небу с грохотом пролетали огненные птицы, перьями пробивающие скалы. Хлынул стеной проливной ливень в глубокое ущелье, на дне которого водою горные камни дробил ледяной поток, смывая стадо оленей. Олененок загрустил, съежился и испугался. Смятение, тревога, дрожь и трепет вошли в его сердце. Олененок остался сиротой.

Духа солнца. Громко кричал и в сердце безмолвно просил олененок, да никак Дух солнца не возвращался, уж больно обиделся и погас. Не хотел взглянуть на олененка, не было до него дела. Каплями слепого дождя заслезились печально лилово-черные глаза робкого олененка.

— Дух солнца, я знаю, ты ушел к милому солнышку, — сказал олененок. — Я найду ваше жилище, оно там, за снежной горой. Я сирота, приду к тебе просить прощения.

Грустно и тяжело стало олененку, словно снежной пылью присыпало его солнечную шкурку. Встал бедняжка олененок, дрожа от холода, и побрел. Шел он, шел, минуя каменистые ручьи, моховые болота, камнепады, и достиг подножия заснеженных гор. Труден был его подъем. Олененок спотыкался об острые камни, ступая по ним, он изранил ноги, но не обращал внимания на сильную боль. Падал в ямы и скатывался со скользких склонов. Убегал от ворон, орлов, лисиц и медведей. С надеждой смотрел на вершину огромной горы и видел только лед, покрывающий высокие каменные скалы. Над мраком и темными тучами лед сиял лучам Солнца.

— Скажи, лед, почему ты радуешься Солнцу? — спросил олененок. — Ты на вершине огромной горы ближе всего к Духу солнца?

— Лучи горячего Солнца одинаковы для всех, — ответил лед. — Но только здесь, на вершине, я наедине с Духом солнца отражаю свет, не превращаюсь ни в воду, ни в снег и остаюсь самим собой.

Печальный малыш долго шел без остановки до небесной тундры, но не нашел жилище Духа солнца, а после диалога с льдом понял, как он счастлив, что знает тепло солнечных лучей, а не только их холодный свет. Безумно бросил свой дом и осознал, что жилище Солнца именно везде и в его родном обиталище под Старым кедром. Мудрое дерево днем накапливало тепло и свет, а в темноте согревало его в своих объятиях. Олененок стал заботливо помогать Старому кедру, чтобы он не увял, не засох и не упал, понимая, что все мы всего лишь отражение Духа солнца.

— Бросить тайгу можно, — сказал олененок. — Бросить любить Солнце нельзя.

Сполохами и мерцанием небесной тундры Дух солнца дал знак, что он услышал его просьбу. Дух солнца вернулся, обнял сироту и горячо поцеловал. Дух солнца пожалел подмерзшие Саянские горы, принес с собой частички света и все вокруг озарил.

— Ты поверил в чудо, и твоя вера в мечту помогла тебе стать лучше, — радостно ответил Дух солнца. — В твоём перевоплотившемся сердце ярко засветит частичка Света.

Сквозь крону оживленного Старого кедра прошел Солнечный луч, и на скалах Солнечный зайчик как ни в чем не бывало запрыгал, прекрасный, как солнце, надежный, как золото. Он внезапной вспышки яркого света, в котором хранилась частичка Духа солнца, засияли синевой неба глаза у олененка. В собственном сердце олененка лед страха и сомнений таял, от воз-

рождающейся вновь разумной частички вечного света и ему стало хорошо и тепло, просто солнечно. Совершенно счастливый, он больше не боялся темноты, холода и одиночества. Его шерсть сделалась бархатной, свежей и светила отраженным сиянием Солнца. Олененок превратился в солнечный луч, в горячую звезду, с пятнышками на спине, желтыми, как солнечные зайчики.

ДАРИТЕЛЬ СНОВ

В темном небе летала чудная жемчужина Луна с серыми глазами, светлыми волосами и ледяным сердцем, наполненным чудесными снами. Его холодный свет мягко падал на горную тундру. Никто, абсолютно никто не хотел брать в дар ее сны и понимать Луну, даже подруги — блестящие мерцающие звездочки. Гнетущее одиночество залегало глубоко-глубоко в сердце Луны. Решила Луна, что она абсолютно никому не нужна, и стала босиком гулять по горной тундре у берлоги спящего медвежонка, покрывая ее морозными снами.

— Мне снится чудесный, сказочный и дивный сон: кто-то на цыпочках проходит по тропинке у берлоги и оставляет свои следы. Кто бы это мог быть? Наверное, тот, кто ночью не спит, — думал Медвежонок. — Поставлю ловушку из лиловых радуг в ночном просторе на вершине горы.

На следующую ночь, проснувшись, Медвежонок осторожно, крадясь, вышел из берлоги проверять свою охотничью снасть и обомлел. В силках он увидел заблудившееся светило, крылом касающееся гор. Оно было живое и очень краси-

во излучало холодный мягкий свет. Скиталица Луна набирала полную силу. Она, полнолунная, лежала на лунной дорожке,

перевернувшись на спину, и окончательно запуталась в ловушке своих отражений. Медвежонок набрал полные пригоршни рыхлого снега и изо всех сил швырнул в расплавленный белый свет. Низко по лунной тропинке скользящая Луна в страхе вздрогнула и зажмурила глаза. Через нахлесты слоев снега и звездочек созвездия

огромная Луна слегка зарумянилась розовым цветом и окрасилась в самый стойкий серебристый оттенок.

— Кто ты, незнакомка? — спросил, зевая, Медвежонок. — Большое, бледно-желтое ночное светило?

— Луна. Я храню и дарю таежные сны, смешивая явь и сказки, — ответило прекрасное светило. — Почему ты не спишь? Ночью в берлоге медвежата должны видеть прекрасные сновидения и расти. Скажи, есть еще где-нибудь такое же существо, как я?

— Есть Солнце, — обрадовался Медвежонок. — Я тебя поймал. Остановись в ловушке и увидишь его.,

В ее серебристых лучах, излучающих сны, запутался Медвежонок, проваливаясь в беззаботное, цветное детство. Луна не могла ни сдвинуться с места, ни пошевелиться, но притягивала к себе Медвежонок. В это время над горой со вспышкой утренней звезды подкрадывалось нежно, рождая надежды, медленными шагами восходящее Солнце. В этот прекрасный момент Луна увидела неповторимое Солнце, такое далекое и такое близкое. Его лучи проникали в Луну и становились частью ее ледяного сердца. Впервые за свою долгую жизнь Луна улыбнулась.

— Здравствуй, — сказал Луна. — Как же ты прекрасно!

— Зачем я тебе, горячее и яркое? — спросило Солнце с ослепительной улыбкой и чарующим взглядом.

— Я могу дарить свет горной тундре, когда ты будешь отдыхать, — ответила Луна. — Буду охранять твой покой и сторожить твой сон.

Луна не была так ярка, как Солнце, но освещала снами Медвежонку берлогу. Звезды подмигивали глазками. Глаза Медвежонка отражали Лунный свет чудесами, он рассказывал им о своих сладких и радужных сновидениях.

— Ты сияешь, Луна, и все засыпают. Ты раскрываешь свои объятия, покидая тень, улыбкой зажигаешь добрые сны, знающие к сердцу дорогу, — сказал Медвежонок. — Луна, когда во снах ты отражаешься во мне, я могу играть со звездами. Звездочки рассказывают мне удивительные истории.

— Я показываю сны разных форм и цветов, смешивая краски, — ответила Луна. — Время делаю чуть-чуть короче. Отражается во мне теплое Солнце проплывающими мимо добрыми и светлыми снами.

— Я очень горячее, — сомневалось неотразимое Солнце. — Я ослепительно, ярко и жизнерадостно, постараюсь поверить, что сон лишь сон.

— Я никогда не обожгусь об тебя, так как я бледная и холодная, — ответила Луна. — Раствори своими лучами темные сны, и мы будем дополнять друг друга.

Небесная тундра окрасилась самыми нежными красками. Очарованный хранителем сокровенных снов Медвежонок усталый в берлоге ютился. Луна, отражая свет, смотрела в бездонные глаза испепеляющего Солнца, но не могла разглядеть в них жгучее понимание. Солнце оставались собой, сжигая все темные сны, ослепляла светлые сны и что-то такое, что во снах не хватало. Возможно, жизнь не отражающую, а настоящую. Плакала и старела от огорчения обожженная Луна и медленно без несохранившихся сновидений бледнела, худела и таяла.

— Мы постоянно не сможем быть вместе. Сгорают в твоих жарких лучах сновидения, — сказала Луна. — На двоих нам небесной тундры мало, прости, лучше расстаться.

Луна, растратив сожженные сновидения, становилась прозрачной и узенькой. Медвежонок проснулся от короткого сна и сообразил, что ей нужно срочно дать свободу. Он раскрыл хитрую ловушку. Луна, развернувшись холодным ребром, сбегала от реальности в неизбежность новолуния за проплывающими новыми снами.

В ночь новолуния, понуро опустив голову, забытый Медвежонок калачиком свернулся, натянув на берлогу, как одеяло, очень темное бессонное небо. Ночью осталось только застывшее звездное серебро в небесной тундре, и иногда Солнце над горизонтом мелькало. Медвежонок не знал, вернется ли когда-нибудь Луна, но продолжал верить, ждал и надеялся в бессонных ночах тоски, что они встретятся во сне. Луна, отдав все свои сны, продолжала влиять на него своими сказочными чувствами. Медвежонок закручивался в непроходимые дебри сна без сновидений. Он ворочался, трудно засыпал то на правом боку, то на левом, но все напрасно — не спалось и на спине. Шли долгие бессонные ночи, Медвежонок зализывал на сердце раны и плакал от огорчения перед неизвестностью. Все Медвежата росли только во сне. Медвежонка стали одолевать суровые сомнения, вырастет он без Лунного сна большим и сильным, как другие медведи, или нет.

В болезненном отсутствии сна сгустилась тьма, как боль в небесной вышине. Медвежонок по-старому жить больше не мог и хранил воспоминания о Луне глубоко в сердце. Медвежонку так хотелось встретиться во сне и подарить дружбу этой пре-

красной Луне и светлому Солнцу. Медвежонок понял, что Луна совершенно разная, но и часть одного целого, и он смотрел на лунную тропинку, загадывая желания, чтобы она вернулась. Он бы с радостью многое отдал за одну новую встречу. Горячим лбом прильнув к черноте пустого неба, верил в новые сны, что при прошлой встрече вышло что-то не так, он попробовал бы начать все снова. Крепко зажмурил глаза и вспоминал самый хороший Лунный сон. Вспоминал подробно увлекательные детали сновидения.

Накопив самые разные сны, Луна начала скучать по Медвежонку и Солнышку, решила одним глазком взглянуть на то, как они живут без нее. Она считала, что жизнь течет дальше, но все оказалось по-другому. Медвежонок действительно страдал и не рос в бессоннице после заката Солнца. Медвежонок лежал с закрытыми глазами и боялся малейших шорохов, ему везде мерещились тревоги, сомнения. Он не знал себе ни места, ни покоя, скучая в берлоге, не мигая смотрел усталыми глазами на небо, ждал. Возможно, мечтал в непотускневшем отражении любимых снов, что скоро закончится лунное путешествие Дарителя снов за новыми снами.

Но сны не шли, и надо было спать, от горьких несовпадений менялась жизнь горной и небесной тундры. Луна почувствовала

ла себя виноватой за то, что оставила Медвежонок без сновидений. Не успели высохнуть слезинки у Медвежонок, как у порога берлоги по лунной тропке хрустально и зыбко появилась зримая молодая Луна и запуталась в старой охотничьей снасти из Лунных радуг. Словно замороженный, Медвежонок узнал бледный полукруг, висящий в ловушке. Сердцем скупающим

к Луне приклеился Медвежонок. Луна сначала была тоненькой, лишь один ее кусочек зацепился в лиловых кольцах радугах, паутинками снов заплетаясь. Луна все росла и росла в тундре, заснеженно однообразной, и пред взором внутренним очей Медвежонок сны появлялись, росли, блистали, сладко

пели, сливались и прозревали. Луна снова светила в небесной тундре большим светлым полнолунным шаром и дарила Медвежонок разные безмятежные, сладкие, изысканные сны. Мир света снился Медвежонок, и в сновиденьях запечатленные исполняющиеся мечты разгорались и кипели.

— Мне интересен лунный свет, — шептал Медвежонок. — Обожаю легко беседовать о многом, Луна, и видеть прекрасные сны.

В поднебесье межзвездном к Медвежонок вернулись желанные чарующие сны, что нежно приближается восходящее Солнце. Светила встретились снова, и их сердца стали биться в одном темпе, поддерживая и восполняя друг друга. В дерзких грезах Солнце от счастья обнялось в затмении с Луной и зажгло над берлогой звезды радости. Неразделимые скитальцы Луна и Солнце прекрасно подружились и опять начали все сначала. Сила их сердец рождала новые неба тайны, и в спячке ожидающего весны Медвежонок укрывали добрые и светлые сны. Рядом они втроем сидели в уютной и милой лазурной берлоге, улыбками выражали ликующие чувства, с упоением смотрели веселые и светлые сны до конца таежной зимы.

ОЗАРЕННЫЙ БАГУЛЬНИК

В прекрасном мире камня, снега и льда чарующе искрилась величием вершина горы Снежный волк, украшение Большого Саянского хребта. Снежинки падали на склоны горы, превращались в талый снег, а потом срастались в пластичный лед. Ледник ждал, чтобы доверчивые снежинки легли к нему на поверхность. Сам ледник не подозревал, что, сколько бы он ни собирал снег и ни превращал его в лед, он никогда не поднимется выше вершины гор.

— Твой таежный тотем — волк, — сказал наставник людей Льда. — Стремись познать все тайны жизни.

Старейшина подарил оберег таежнику, умеющему ходить по легко ломающейся блестящей корке Ледника в одну из самых таинственных тайн, логово Ледникового волка. Таежник во сне грезил, что амулет останется нейтральным, пока будущий хозяин не взойдет на вершину горы по Леднику. У покорителя Ледника оберег отличается незаурядной глубиной чувств. Оберег станет тайным помощником — духом-покровителем в виде Снежного волка. Таежник может стать блестящим охотником,

неисправимым одиночкой, ищущим собственный путь. Снежным волком называли своенравный Ледник, он следовал только своим правилам, приручить его было невозможно. Бездонность неба поселилась и смерзлась снегами в нем. Для людей Ледник был живой, схожий с диким зверем. Люди льда боятся его, словно лютого волка.

Сильный и выносливый, искренне преданный бесконечной красоте гор, таежник отправился в самый холодный и трудный путь. В этом царстве хрустального инея, мягкого, белого, искристого снега все было во

власти Ледника. В темном безмолвии ночи прилетела полная Луна, раскинулась под звездами, прилипла к холодной россыпи жемчужного снега. Она ласкала сердце Ледника, чудно волнуя льдинок лоск. Ледник радостно отсвечивал серебристый свет Луны,

застывал в безмолвии гордом. Ледник впитывал бледное, холодное сияние Луны, отражая свет.

— Ты, Ледышка, в жизни не летал ни разу, — сказала Луна. — Обольщать меня бесполезно, когда холодом сводит зубы.

Зашевелились уснувшие снежинки и звезды. Луна без раздумий вырвалась из плена мерзлого Ледника. Спешила на встречу со звездами полураздетая Луна, проваливаясь в чары сумрака и сна.

— Луна, не уходи во мглу безбрежную! Я осыплю тебя золотой пылью и согрею стихами, — разволновавшись, сказал Ледник. — Я выверну свой лед наизнанку. В отражении меняется жизнь.

Мрачно смотрел рыскающий Ледник помутневшим глазом талого льда вслед убегающей Луне, не понимая, как ей, озорной, удалось вырваться из его очарования. В потемневшей мгле осколки черного льда вонзили иголки в сердце Ледника. Печально сыпались льдинки с высот Ледника. Плутая в пепельном тумане, Властелин гор с шумом пополз за призрачной Луной по

ложу ущелья. Ледниковым обвалом создал наплеск селя, срывал рыхлые отложения бортов долины. Прорвал ледниковые озера. Трещинами, уходящими вглубь Ледника, скрипел. За острые скальные зубцы ушли хищные медведи. Не оборачиваясь, таежник осторожно, молча, покачиваясь, шел по Леднику к вершине, скрывающейся в облаках. Лунным плугом скользил ненасытный Ледник, щедро вспахивая вязь золоторудных жил и унося с собой все наплывы драгоценной лавы. Кристаллы льда меняли форму и смещались к главной жиле золотого дна,

выковыривая самородное золото из кварца валунов с золотыми прожилками. В темноте подо льдом рафинировал желтое золото и отделял его от серебра. Расчищал богатые золотоносные гнезда.

По остылой волчьей тропе в уходившей мгле, отступая назад, Ледник показывал зубы и под брюхом оставлял гряды золотого песка и драгоценных камней, которые раньше тащил на себе. Он перепахивал все скрывающееся в сердце, все, кроме Луны и ее отражения в воде. Впадины снега, вырытые Ледником, заполнились сапфировой талой водой, в них лунной дорожкой светилась из золотых самородков тропинка, приглашая Луну к тоскующему Леднику. Ледник издавал тягучий леденящий вой травленного волка, потерявшего в ночи кажущееся отражение кажущийся Луны. В печали и страдании ожидал возвращение

Луны. В белесой выси появилась она светлее и выше, чем была. Над головой Ледника взошла в зенит красавица Луна. Она горела безмятежно. Затопила снега белизной алмазных граней льда. Ледник застыл, глядя на пленяющее счастье, дающее понять, что сегодня можно абсолютно все, что в это мгновение нет ни в чем запрета. Небесное тело Луны спокойно втягивало одинокий Ледник в свою первоначальную плоскость, влетая жалобные стоны в крики радости. У повелителя бескрайних снегов свирепого Ледника млело от счастья хрупкое и нежное открытое сердце. Переползая с места на место, в особый миг занял свое почетное место в обители снегов у Лунного обломка.

Таежник осторожно обходил коварные зевы трещин, прикрытых снегом, пустоты и ледопады. Без передышки шел по открытому льду и подмороженным снежным мостам разорванного Ледника. С трудом взошел на острую вершину, в то место, к которому вернулся Ледник. В окружении блуждающих камней лежал Лунный обломок из платины. Белесая глыба из белого золота была необычайно плотной, тяжелой, и ее форма напоминала голову волка. Самородная платина в золотых россыпях и была таинственным логовом Снежного волка. Таежник, вставший на путь духовного преображения, с уважением поклонился большому камню из благородной платины. Поднял серебристое зернышко самого чистого и светлого металла и прикрепил к оберегу.

— Золото льда, растопи в моем сердце ледник, — просил таежник. — Я увижу волшебные горные сны?

Затаили дыхание охлаждающиеся острые скалы. Охлажденный туман, замирая, растворился в тишине. Таежник стоял у холодной стены. Ощущал затаенное дыхание Ледника. Матерая река льда, неровно пульсируя, двигалась у Лунного обломка. Ледяная стена необычно прочного льда ходила на цыпочках и терлась, не раскалываясь у самородок. Невинно дрожала вторая луна — такая же полная, сияющим светом отражалась на самородке платины. Белым цветком жила и дышала, легко по полированному камню скользила. Ледник почувствовал нежное касание Луны. Таежник остался один на один со своим сердечным стуком. Вдруг его сердце угадало, что Ледник может вести разговор. Он прислонился ухом к Лунному обломку. Видение

предстало глазам, засверкало снегами, ожило в мерцании небо, и таежник услышал необыкновенно легкий голос звонких льдинок и шепот воды.

— На вершинах вдыхай простор. Горы зеркало, в котором найдешь свое отражение, — произнес Ледник. — Чувствуй сердцем энергию гор.

Не понял сразу, что молвил застывший вздох Ледника, но его слова произвели сильное впечатление. Сердце таежника в смятении кричало, сливаясь с тайной и сном. Таежник отпрянул от Лунного обломка, сияющего светом нескороающих Звезд. Отражая белоснежные отблески лунные, лед, ниспадая с плачущих стен и обнимая рассвет, дарил чистую и прохладную живую воду, глоток жизни новой.

В горной тундре угрюмые туманы не разгоняли прохладную тоску. Невзрачный росточек Багульника на скромном кустике среди камней смотрел в неясную высь. Он прятался от озноба гордого лунного света. Маленький росточек каменистого куста влюбился в утреннюю Зарю. Положил свою головку на причудливый камень и, горько плача, рассказывал, что в стужу мечтал утреннюю Зарю сделать очень счастливой. Крошечный Багульник по сравнению с другими весенними цветами, возгораясь, Заря не замечала.

— Не плачь, — успокаивал его камень. — Ты подрастешь и встретишься с Зарей.

Оставшись наедине с собой, росточек нашел душевные силы сквозь заморозки тянуться к своей любимой думе. Не нашедшая ответа любовь делала чудеса. Перестал трястись в тумане, начал ценить жизнь, осененную мечтою, что лазурная Заря принесет всем радость, пробуждение и цветение. В холодном видении внезапно произошло чудо. Трогательной вестью о счастье Заря разгоралась розовой полосой. Постепенно будила его мягким свечением. Росточек окреп, закаленный любовью,

взметнулся ввысь и из-за камней увидел прекрасную утреннюю Зарю. В сиреневой с синевой прозрачной небесной тундре и голубовато-пепельной дымке приближалась малиновая и красная Заря, изумительно пленяя широтою. Сердце озаренного Багульника, залитого красноватым светом, вздрогнуло вдруг. Узнал он: это она, самая светлая, ясная и прекрасная. Заря лучами его слегка золотила.

— Нежный росточек, — прошептала Заря, — прекрасным становишься.

Багульнику показалось: ясно, появилось воплощение мечты. Утренняя Заря обратила внимание на окруженный холодными камнями росточек с бутоном, изумляясь тому, как он трепетно преобразился. Росточек красиво и пышно расцветал, чудно-яркие лепестки распрямились. Багульник, растерявшись откровенно, начал очаровательно распускаться небольшими лепестками нежнее рассвета. Свежие листья и ветви багульника пленяли резкой свежестью одурманивающего запаха со сладковатым снадобьем, от которого кружилась голова Зари. Багульник старался цвести как можно ярче, радуя Зарю своим видом. В холодок полыхнул невесть откуда разгорающимся теплым нежно-розовым цветом.

Прекрасны в своей скромной красе и бесконечной любви были эти небесные цветы. Утренней Заре очень нравились его простые нежные цветы, похожие на восходящее солнышко. К цветку наклоняясь, Заря почувствовала радостную и душевную близость. С нежною стыдливостью Заря и цветы обнимались, заплетаясь в нежные узоры. Когда на белом ягеле рассыпалась мерцающая роса, Багульник целовался с Утренней Зарей, улыбаясь, в мокрых листьях отражаясь. Распустившиеся лиловые лепестки светились нежным светом. Счастливая Заря светилась синью чистой в мерцании звезд и цветов. Гладил розовый туман мягкие просветы счастья, тонко поднимаясь вверх над алмазно-звездной россыпью.

— Радужки — твои глаза, — шептала Заря. — Росинка — твоя слеза драгоценная.

— Сладостный сон, — отвечал Багульник. — Я безумно в тебя влюблен.

Покорный свету глаз Утренней Зари, дарил озаренный Багульник отражение в цветах сияющих далеких звезд красивые, милые блики с туманной синевой. На кустарниках расцветало очень много цветов, и они покрыли горную тундру розовым, слегка лиловым облаком. Пока поднималось незаметно Солнце, нравилось Заре в окружении теней уходящей ночи вплотную сиять в дивных цветах, от любви стгорая понемногу.

ОРЛИНОЕ НЕБО

Высоко-высоко, где горная тундра от благодати целовалась с небесной тундрой, царило необыкновенное счастье. В этом счастье, вцепившись в скалы, было свито жилище солнечных орлов. В нем родился детеныш — желторотый орленок. В гнезде тесно было орленку, привлекала его некая необъятность Вселенной. Он чувствовал себя очень маленьким и грезил вырасти и поднять жилище орлов до солнца. Бродячее счастье из таинственных глубин гор и неба на мир огромный смотрело хрустальными зрачками радостно и нежно. Ощущение себя в возвышенной бесконечности одиноко, чудное создание случайно взглянуло на орленка.

— Не спеши, орленок, — говорили скалы. — Подрастешь, и небо вырастет до солнца.

Орленок был мал и в полусне лежал в гнезде, а солнышко целыми днями грело его теплое жилище. Наблюдая облака с тучками, проплывающие выше горных вершин, он вставал, хлопал крыльшками и пытался лететь за ними. Звезды ночью веселили его своим мерцанием. Холодным сиянием смотрела

на него Луна. Солнце звало орленка к полету. Орлиное гордое сердце мечтало взмыть над лазурью гор, к Солнцу, и познать суть бирюзового неба.

В растворяющем просторе камней и вечном времени гор с прилипающими синими небесами обернулось счастье молочным туманом снов. Опустились хрустальным дождем улыбок, переплетающихся с причудливым рисунком. Налетел заносчивый ураган. Сильный ветер порывами отрывал гнездо со скалы. Орленок выпал с края гнезда, вцепившись когтями в скалы, расправлял еще крохотные, почти не обросшие перьями крылышки. Он самоуверенно махнул крыльями и поймал надутый ветер, взмывая к Солнцу. Но надменный ветер больно стукнул орленка клювом об глухие отвесные скалы.

— Ты кто? — спросил заносчивый ветер. — Откуда ты взялся?

— Я взлетел к Солнцу, — пискнул орленок. — А с камнепадом парю из гнезда на скалы.

Под засыпанными вечным снегом вершинами обернулось счастье созвучным эхом, и в суровой и леденящей красоте орленок услышал голос горно-таежного мира, в котором живут одушевленные существа, населяющие настоящее, сущее небо. Ураганный ветер вздохнул и обнял своим большими крыльями малыша. Орленок, не складывая крылышки, гордо стоял над обрывом, упорно сопротивляясь резкому напору.

— Я жажду забираться на вершины гор, ближе к Солнцу? — робко спросил орленок. — Научится летать так, чтобы я ни от кого не зависел?

— Мы принадлежим небу, — дружелюбно сказал ураганный ветер. — Пристраивайся парой к моим крыльям, если еще не умеешь хорошо летать. Мы помчимся быстрее света летать по Ураганному небу.

Обернулось счастье надеждою, исчезли все печали, и орленок улыбнулся от радости, любовь в их сердце поселилась, небо заблестело красотой и свежестью утра. Очень сильно хотелось быстрее вернуться в уютное гнездо, но, с рождения заточенный к полету, орленок в нерешительности взмахнул крылышками. Еще сильнее и сильнее взмахнул, расправив крылышки, взлетел ввысь со скалы вместе со шквалом ветра. Воздушный вихрь

тут же подхватил птенчика и понес за собой. Ветер от скорости вдруг стал холодным и колючим. Трудно было держать равновесие бурей гнущемуся пернатому орленку. Орленок прижал свои маленькие и еще слабые крылышки птенчика к крыльям ветра. Рядом с ветром он чувствовал себя он слабым и хилым,

но терпеливо летел между вершинами гор, огибая ледники и утесы. Острые скалы приближались с такой скоростью, что захватывало дух.

Не умел принять счастье, сомненья сердце жестко грызли. Не умел слышать биение сердца и хранить дивные мечты. Грустно верить в счастье не умел и прозябал в ча-

рах недосмотренных снов, вереницах видений и страдал тихо. Бесприютное счастье не приходило, неощутимо сопело, очень долго по небу, тихой поступью юной зари что-то искало, смотрело в глаза и прогоняло остатки страха, а улыбки дарило. В трудности сердце орленка согрелось, и откуда-то проснулись неизвестные раньше силы, и птенчик со всем своим мужеством расправил все свои перья, осознав, наконец, что может ими управлять. Ураган плавно принял молодого орленка в свои просторы. Мощный ветер почувствовал сердцем родившийся орлиный полет, подсказывал секреты парения. С необычайной грациозностью зачарованный орленок преодолевал резкие порывы и затишье, лишь изредка взмахивая неокрепшими крылышками. Прощаясь, ураган свистел у края опустевшего гнезда, выше Ураганного неба ветры не летали. Орленок понимал, что на новом небе его ждет совсем другая, новая жизнь.

Очарованное хризолитом небес, обернулось незримое счастье солнышком, лучиком озаряя, сквозь отступившие ненастья удивленного орленка согревая. Орленок, летел сквозь тучи, затянувшие Грозное небо. Планируя среди силы грома и игл огненных молний, он перелетел на новое небо, где его ждала

совсем другая, расцветивающая ласкою жизнь. Летел сквозь холодный обман, окутавший Лунное небо. Планируя среди грез и снов, он порывом перелетел в явь нового неба, где его ждала совсем другая, смывающая отблески снов жизнь. Летел сквозь цветные тропинки комет Метеорного неба. Планируя

среди вспышек метеоров и сгорающих страстей, он взлетел к новому манящему небу, где его ждала совсем другая, неведомая жизнь. Орленок летел сквозь падающие звезды звездопада Звездного неба. Планируя среди желаний и надежд, он устремленно перелетел, далекий от капризов, на новое небо, где его ждала совсем другая, легкокрылая жизнь.

У гольца, до блеска омытого талой водой, в лоскутках матерчатых цветных ленточек обратилось счастье в чистые мысли и простые желания, в звездном ливне чувств увидел орленок отражение небесных зеркал. Сочинили мифы, объясняя устройство мира, и каждый нашел в нем свое место в гармонии с природой. Выше Звездного неба летала молодая орлица. Орлица решила с орленком делиться новыми впечатлениями и придумать новый маршрут. Вместе выбрать новое Орлиное небо, где можно беззаботно летать.

— Я понимаю твои видения, — тихо сказал орлица. — Мне нравится твой полет.

Зоркий орленок смотрел на нее задумчиво. Он не мог разобратся в новых чувствах, но вдруг заторопился на более крутое высокое небо. Поднял голову и полетел туда, куда всегда мечтал долететь: вперед, к неизведанной радости Солнца. Орленок любовался бесконечной красотой мира, который его окружал. Фанатизм молодого орленка сильно ранил орлицу где-то там, внутри. Птичья гордость взвырала в орлице.

— Ты не знаешь, что такое счастье полета? — кричала вслед, тяжело дыша, орлица. — Позови меня с собой в высокое небо. Ты сам увидишь, что ураган, гроза, Луна и звезды станут сразу на свои места.

— Разорвать когтями облака с тучами можно, — сказал орел, хозяин пространства из света. — Бросить любить Солнце — нельзя.

Вдыхая грудью глубины синего неба, в узелках амулетов обернулось счастье верою в чудо, щедрым жаром согретые обереги стали в трудную минуту охранниками сердца. Солнцем очарованный орленок, настоящий властелин полета, летел, с беззвездным небосводом сливаясь. Внутренняя суть подсказывала, что, устремляясь вперед и обретая новую высоту, на новом Солнечном небе он станет Орлом солнца и его ждет совсем другая жизнь солнечного света. Свободолюбивое сердце орленка счастьем и радостью наполнялось при встрече с Солнцем, главой всех планет. В золоте Солнца жила жизненная сила, наполняющая и объединяющая все живые небеса и птиц.

Обернулось счастье удачею, и у рожденного для кромки неба орленка распахнулась к созвездиям нежная душа, оцупывая верный путь из тысяч небесных тропинок. Зов крыльев щемил сердце орленка, и он долго летел в лучах Солнца, играя с солнечным ветром, взмывая в протуберанцах, и с разгону приблизился ближе всех к Солнцу, соединяя земную и небесную тундры. Орленок мечтал долететь и долетел до Солнца,

властелина звезд, и смотрел на него, не мигая, стремясь соединиться с ним.

— Я житель гор и мечтаю летать с тобой, Солнце, но я слишком слаб и призрачен, чтобы часто подниматься в такую высь. Я, брошенный ураганом на скалы и опаленный грозой, потерялся из гнезда, и все отказались от меня, едва я родился, — признался орленок. — А ведь я рожден для того, чтобы переносить великие чувства из горной тундры в солнечное пространство.

Тесно стало радости, свету, теплу в небе. Живое счастье осталось с орленком. Они потянулись друг к другу. Великолепное Солнце пригрело орленка своими ласковыми лучами, грело своим теплом. На новом Солнечном небе очарованный орленок почувствовал всю прелесть и красоту полета. Залитый солнцем, он жмурился от удовольствия и на мгновение расслабился и ослаб настолько, что испугался затеряться в переменах. Охваченное внезапной притягательностью сердце орленка кольнула огненная неизвестность, куда этот первый полет мог привести. В вершине высокого Солнечного неба изнеможенный и немощный орленок сделал глубокий и решительный выдох и сорвался слезой. Чтоб не превратиться в небыль, планировал сквозь звездные крошки, направленные вниз и затянувшие многоэтажное небо, но, падая, сохранял свободное парение. Усталый орленок вернулся к себе домой в орлиное жилище, на вершину, засиявшую во всей своей красоте. Помудревший орленок понял наконец, что Солнечное небо — это место, где небо целуется с землей. Это то место, где орлы любят друг друга и ждут редкие мечты.

— Ты видела, что я выбрал путь к Солнцу? — спросил орленок. — Ты упала вместе со мной?

— Мне понравилось парить с тобой в Солнечном небе, — грустно улыбнулась молодая орлица. — Это короткая передышка. Я хочу, чтобы ты снова начал летать к Солнцу со мной и в этом полете оставался самим собой.

ДЕВА СОЛНЦА

Хозяин-купец жил в заботах об одном золоте, не глядя в небеса. Он мечтал стать очень богатым и занимался поиском районов и участков, где находили самородки весом более 100 граммов. Мелких, не обследованных ручейков в золотоносных районах Саян было бесчисленное множество. Слухи о несметном богатстве Восточного Саяна распалили воображение, но достоверные сведения о самородках Хозяин-купец получал от рудоискателей, давно работающих в горах, или от старожилков кочевых таежных оленеводов. Горы, скалы, реки, озера, родники, пещеры, каменные осыпи, тундра и тайга — все были для них живыми в целом и в частях. Для таежников все они дышали вместе друг с другом, и одухотворение природных объектов и явлений считались почитаемыми, и о них складывались легенды. Хозяин-купец внимательно слушал рассказы о самородковых гнездах, в которых находили по несколько десятков килограммов золота, и о самородках в полкило. Счастливики-искатели помнили самородковое место. Богатейшие самородковые россыпи, образовавшие узлы, находились в вершине

реки Кривой Монкрес. В них входили несколько россыпных месторождений с крупным золотом по левому берегу реки Хунга. Самородки приносились с бортов долины за счет местных коренных источников или из мелких притоков.

Самые роскошные самородки лежали в верховье ручья в нижней части пласта и западинах коренных пород. Богатство было в наличии, крупные самородки золотодобытчики прошлого выкладывали огромными поленницами на несколько десятков метров. Проблема возникала, когда подходил срок богатство вывозить, все встречали присутствие хранильницы золота. Весь таежный мир как бы наполнялся духовными существами, не только действующими в природе, но и влияющими на человеческую жизнь, даже поселяющимися в самих золотоискателях. Возвращаясь домой, случайно обнаруживали искатели на тропинке еще более крупные самородки. Хранильница золота по тропинке богатство подбрасывала, надо было только самородки поднимать. В погоне за манящим золотом золотоискатели уходили по другой нехоженой тропинке, ошибочно полагая, что она приведет к счастью и покою. Вскоре понимали, что на себе не утащишь много золота по трудным горным тропам. Золотоискатели оставляли самородки лежать на тропе и ввысь поднимали глаза. Неожиданно замечали впереди ехавшую по краю обрыва важную персону, ослепительно сверкающую блеском Деву Солнца на красивом золотом олене.

За ней следовала, чуть камней касаясь, нескончаемой чередой многочисленная пышная процессия золотых оленят, составленная в верные помыслы. Чудо—Дева встреч случайных избегала, золотила тропинку и тихо исчезала. Пела о тайной мечте, что забыть можно о заботах, жить счастливо, легко, свободно и ни о чем не жалеть.

Картина таежного мира менялась в чистоте самородков, покрывающих толстым слоем вершину, и одушевляла природу. По тропинке бесконечного золота, закрыв пурпурную и глянцевой накидкой, рука Девы распрекрасной держала в золотой оправе сверкающее ярко Солнце. Вышивала лучи, следила за его священным огнем и отливала самородки для стола Духа Солнца. Только Дева Солнца имела право входить в обиталище на золотой вершине горы и с удовольствием смотреть вдаль, где существовали лишь оттенки одного золотого цвета.

Дева Солнца приходила в солнечные дни и неизменно являлась в солнечном сиянии, подобно всплеску протуберанца. Вслед ей сквозь туман чернел скал гранит. Над вершиной горы в искрящихся лучах света Дева Солнца, не боясь высоты, пре-

вращала в золото радугу и пламенную радость. Сравнить золотой свет было не с чем, и забывали искатели, что вообще существуют другие цвета. И даже этот цвет золота нельзя было определить. На самой верхушке располагалось становище плазмой истекающего Солнца. Напрашиваясь на объятья, улыбочное светило до краев заполняло все пространство ярко блестящим счастьем. Все теплые и уютные горы были золотые, Золото сливалось с Солнцем в запахах, во вкусах, в чувствах, во всем.

Отношение Девы Солнца было непостоянно и могло меняться в зависимости от поведения золотоискателей. Солнечный свет золотой ниткой меж ладоней Девы Солнца скользил и падал на золото. Разум искателей забывал о действительной цели сердца и цели пребывания в горах. В золотом свете искатели ничего не видели и терялись. Солнце стгорало красным золотом, огнем пылало в их сердцах, вырываясь наружу, ослепляло искателей, и у них отсутствовала нужда и отсутствовали желания, тепло и холод, верх и низ, сегодня и вчера. В золотом жилье Девы Солнца не допускались неприятности и мысли, искатели в забвении болтались без дела.

Руки Девы Солнца прижимали красным жаром разливающееся золото лучей горячих. Солнце сердце Девы Солнца зажигало золотой ослепительностью. Дева Солнца упивалась красотой и счастьем, будто в руках с должным почтением держало Солнце, надевая кольцо золотое незримой вечности. Солнце своими лучами-руками мостило тропинку и вслушивалось в теплоту полутонов эхо золотца.

Дева Солнца, вздрагивая от неожиданной ласки, крепко прижимаясь к весеннему светилу лбом, оставалась Светом внутри золотой темноты и могла неотрывно смотреть на непростое солнечное золото широко открытыми глазами. На горячих углях самородков танцуя, превращалась в пламя. Кроме своей ценности, как дорогого металла, золотая ослепительность была источником безграничной власти над Саянскими горами. Красным жаром разливаясь, давало обладателю сердца, зеркально отражающего золото, сокровенные знания. Искатели не хотели терять Солнце, уходить из-под его власти даже ночью, отдавать себя на растерзание мраку и холоду. Они верили в существова-

ние блуждающего ночного темного Солнца, которое уходило ложиться спать в золотое сердце Девы Солнца. В чудесах ночной темноты искатели боялись приближаться и прикасаться к живым мерцаниям самородков, теплым ее берегам, согревающим сердце Девы Солнца и укрепляющим дух самого Солнца. Страшились искатели вызвать отсвет гнева сотканной из солнечного света дремлющей Девы Солнца и в сумраке силу обретающей. Вера создавала препятствия на пути к богатству. Мечтательные искатели знали, что есть сверкание золота черного солнца, что и они умудрились в него влюбиться, ведь оно приносило только радость и блаженство. Поиски только золотого света заставляли забывать об обязанности к оленям, никогда не дарили спокойствия. С лучами заходящего Солнца бредущие наугад по морозным узорам золотоискатели, не способные противостоять стихийным силам природы, чуждым и таинственным, делали небольшие пожертвования способным чувствовать и влияющим на жизнь людей: горам, деревьям, огню, реке, звездам и клонившемуся ко сну Солнцу. Подносили Деве Солнца в дар все добытое золото и с вьючными оленями возвращались на стойбище к повседневным заботам, где соль была дороже золота.

От досады и огорчения Солнце быстро уходило за неведомую пустоту горизонта, теряя свою первозданную власть. Золото, лежавшее на вершине, тяжело дышало, постепенно переставало ослепительно сверкать. Готовилось золото в черную бездну упасть. Хозяин-купец, как последний бездомный скиталец, по тропам жадностью гонимый, ко всему относился проще и вел себя чуть прохладно. Он понял, что самородное золото хранилось на вершине, и с темными глазами шагнул навстречу судьбе. Оказалось, что пик вершины сложен из огромных слитков золота и пробраться к несметным богатствам и незаметно получить сокровенное злато можно именно темной ночью. Идя на ощупь, спотыкаясь, Хозяин-купец вдоль извилистых тропок проникнул в обитель Девы Солнца извне и в безумном смятении собирал в обоз несметные самородки. За поворотом грусти ночи спешил в тревоге и в надежде разбогатеть. С тайной эха горного купеческий миллионный обоз с крутой горы наугад спускался, на вершине горы оставляя под звездами не пошевелившуюся Деву Солнца дремать в сладкой неге.

Заполучив сокровище, узнав секрет золотой вершины горы, Хозяин-купец, куда кривая вынесет, вывозил золото из обители Девы Солнца обычным конным обозом. Опасности подстерегали везде, и Хозяин-купец, задыхаясь, ругал старого коня, чуть не зацепившегося за глыбу кварца над пропастью у скал. Вслепую наудачу легонько сводил первый воз на лед реки Уды. Скрипели сани, неслышно огибая различные препятствия на реке, незначительные с первого взгляда. Качалась над самородками мгла, снегопад и лютый мороз в дрему клонили лошадей. Погодные условия ежеминутно менялись. В забытьи менялись строения бездомных теней. Катился нетерпеливый обоз узкою тропею навстречу с закрытыми глазами ночи, спешил, минуя нагромождения камней и скальных обломков в русле, неоднородности водного потока, извилистость реки, сливы, валы и пороги.

Купеческий миллионный обоз, оставляя след, заметаемый снегами, избегал встречи с мощными крутыми валами с пенным гребнем на вершине. Миллионный обоз осторожно скользил по ледяной дорожке из нескольких стоячих валов в пологих сливах. Ступали таежные лошадки с опаской, осторожным шагом вдвойне, по хрустальному тонкому льду скользили, обходя полыньи. Стыли ледышками капельки слез, и глаза у лошадей тяжелели.

Молодая лошадка через обливочный камень перевалилась, тяжелое золото начало напирать, и сани раскатились. Тонкий лед под санями золотого обоза трещал. Лошадку толкало взад и вбок и в пенный котел, место падения воды. Круто стекала с высокого одиночного обливного камня масса хмурой воды. Отвесно падала вода с высоты и обледенела, но под тонкой корочкой прозрачного льда кипела пенная яма. Пустился старый

конь со всех четырех ног по тонкому льду скачками в растущей мгле успеть, добежать до замерзшей воды.

Черная вода неприкаянно сильно вертикально циркулировала, порождала безумный встречный ток по поверхности бочки с обратным, хаотичным движением. Билась безудержной, бе-

шенной страстью на пороге мечты. При прохождении такого участка обоз провалился сквозь действительно равнодушный тонкий бирюзовый лед и погрузился в белый жемчуг пены. Изумрудный поток воды, как в бреду падающий со слива и догоняющий темное Солнце, забрал себе рухнувшее на черное дно багрянец золота и все на-

дежды. Выжатый и сморщенный Хозяин-купец, приводя себя сразу в чувства, еще долго держался за чью-то руку, медленно горя снаружи.

Долго-долго над бессонною водой Миллионного порога струилось блеском негасимым алое свечение, не в силах отразить золотую реальность. Под черным солнцем ночь превращалась в день, отступивший в полутьну замкнутых совпадений. Звездный край неба рассыпался тихо и медленно. Воспрянув ото сна, восходящее Солнце, позабыв, что прошло, оживляло свет. В легком дымчатом проблеске утра, по кромке льда, на цыпочках подкрадывалась тихо и на вздохе задержав дыхание, Дева Солнца, наяву золотое сердце разрывая. С печалью на глазах от стужи долго смотрела в бездонность узора воды, где бережно бестолковое золото хранила, как сияние в ладонях отраженного неба и блеск нового начала.

СОЛНЕЧНЫЙ СТРАННИК

Олень, кочуя к самой желанной вершине жизни, хотел узнать суть солнечного счастья. Солнечный странник поднялся так далеко, что оказался на противоположной стороне горы, там, где падала косая тень. Познавая высоту, он двигался по круговой тропинке, все опять повторяя сначала. Вокруг была небесная и горная тундра, впереди — холодная громада пика непокоренной горы. Растерянный олененок вспоминал что-то очень важное, бессмысленно искал изначальную светлую ценность. Заблудший олененок, совершая круговой оборот, возвращался на светлую сторону горы, к своим ценностям. Продолжая движение, Солнечный странник всеми чувствами, зрением, слухом, умом тонко ожидал мимолетные видения. Он испытывал необычайное счастье, когда внезапно промелькнувшая мысль о радости начинала светом откликаться в его сердце. Но заметная тропинка мгновенно уводила дальше, этот драгоценный всплеск тускнел. Иногда отчаянно останавливаясь в теневой пустоте лабиринта горных скал, разочарованный олень задумывался, что что-то в его восхождении происходит не так.

– Видишь цветы? – олень спросил Луну. – В хрустальной нежности теней?

– Нет, – ответила Луна. – От заката до зари блестит бессмысленность белого снега.

От самого низа до самой вершины и в тени цветы ярче звезд сияли и цвели, но окаменелая Луна их не замечала. Призрачный их свет в сердце олененка поселил надежду, что, прилагая возможные силы, можно открыть вершину духовного роста.

– Видишь цветы? – олень спросил орла. – Они сокрыты во мгле?

– Цветы расцвели, – ответил орел. – Горы покрыты багоуханьем багульника.

Солнечный странник, рискованно сбиваясь с тропинки, тянулся вверх за скалы, туда, где летал орел. На перекрестке неизведанных тропинок пробудившийся багульник звездной россыпью полыхал над покровом снежным. Цветы в ожидании теплого света роняли слезки. Слезинки от стужи превращались в снежинки, падая, срываясь с высоты. Прозревший олень барахтался в цветочном снегу, и снежинки летали вокруг него. Осмотревшись, увидел, что узор лепестков багульника укутан снежной пылью и морозным инеем. Цветы не мечтали ни о чем. В спешке он сам же и создавал белою метелью снежинки в своем сердечном мраке. Все сложности лютого холода начинались с самого олененка. Он навел порядок в своих мыслях, а внутри его сердца колючие снежки улеглись.

Орел, большими крыльями не нарушая невесомых снежинок полет, сопровождал олененка и показывал секреты восхождения по цветочному снегу, над которым восходят светлые мечты. Снежинки в синеве безбрежной превращались в цветочные лепестки. Оттаявшие лепестки в восторге прилипали к перьям орла, парящего свободно над бездонными каньонами и снежными пиками гор. В мимолетности своих успехов олененок удивлялся искристой призрачности приобретенного очарования ранних цветов. Счастье было спутником в восхождении, восторгом, высотой наслаждения. Преходящая радость свободы цветущего багульника на снежной вершине и над бездонным ущельем в стремлении неумемном к сиянию света сердце наполняло любовью.

От неожиданной красоты не смел оставаться на месте и кочевать не мог. Он видел в сердце пустоту усилий и скоротечность достижений. Цветы, цепenea, пробивались сквозь снега и льды и помогали понять, что уйти от себя, от внутренней стужи бранных мук необходимо. Разорвал круг и кочевал с орлом по вертикали, на схождение с лучом жизнь дающего Солнца.

В ожидании свершения мечты олененок прошел испытания на крутых поворотах трудных тропинок в бесконечных странствиях, изменивших его к лучшему и согревающих талое сердце. Олень смахнул с плеча лепесток багульника, продолжая искать новые впечатления, взошел на вершину особого счастья в сердцевину мироздания. Очарованный олень, от тихого счастья немея, загляделся на бесконечный цветочный снег. Он испытывал яркие переломные и светлые ощущения и в восторге смеялся сквозь слезы.

Невпопад падали бездушные камни, догорали звезды, и цвели, мерцая таинственно, цветы знаменами сквозь ледяной узор. Настоящее Солнце неожиданно село на край невесомого

сердца и медленно из кривой тени вдохом встало ровно на восход.

С момента осеннего равноденствия власть Солнца с каждым днем уменьшалась, тайга покрывалась золотом. Собирались в стаи перелетные птицы, начинался листопад, у диких северных оленей наступал брачный сезон.

Перед гоном старый олень рога закинул на спину и протяжно ревел. По горам катилось грохочущее эхо. Он тщательно готовил свое главное оружие — рога для участия в турнирах за

самок. В осеннее равноденствие рост рогов прекратился, и они полностью окостенели. Остатки бархатистой кожи очистились о кусты кедрача, и рога выглядели очень эффектно — приобрели золотисто-коралловый цвет. Как ни странно, испускаемый свет исходил от рогов, освещая пространство тайги, а горы оставались в полутьме. Днем свет солнца был белым, но ночью, отражаясь от Луны, был красным, как огонь. Подруга Оленица была недовольна этим тусклым светом.

— Дорогой олень, приходи скорее, освободи от мрака и сумрака зимы. Стань Солнцем жарким, — прельщала подруга. — Ты можешь осветить беспросветную тайгу.

— Я оденусь в золотые одежды, — говорил олень. — Я стану освещать горы.

Перед гоном усиленно разыскивал и поедал корневища растений, грибы и обычные красные мухоморы. Терся о деревья. С рогов слезали остатки кожи, которые он сам и поедал. В золоте олень красоту искал. Тайну золота открыл, и в нем он видел солнечное тепло любимых глаз подруги. Блеск золота сопоставлялся с блеском лучезарного солнца. Олень пришел на тайную каменистую поляну горной тундры, где блеск золотой пыльцы светил и сиял на самородках. Пластинчатое золото, маленькие золотые сердца, большие, огромные были повсюду. Олень собирал со дна губами отборные золотые частички и купался в пыльце.

— Посланник небесных сил, ты похож на праздничное Солнце с рогами-лучами и считаешься нашим родовым предком, — говорил олень. — Мое сердце мечтательно бьется, как золотой самородок, в груди. День и ночь разделяя поровну, счастливо танцую на скоплениях золотых россыпей. Покрой меня ослепительной игрой блестящей пыли, наполни блистательной силой горящего Солнца.

Блестя золотой парчой, олень прекрасно выглядел. Одетый в золото олень, дружелюбно согретый ласковыми лучами солнца, светился радостью, счастьем, любовью рядом с подругой, Хозяйкой жизни, напоминая Солнце-оленя.

— Как мир хорош! — вздохнула очарованная подруга. В сладкий час сердце наполнилось нежностью. Золото радует любящие глаза.

Медведь долго шел рядом, преодолевал бурлящие горные реки, лазил по кручам, наблюдая за Солнце-оленем. Хищник опасался крепких копыт сильного красавца, взрослого и здорового. Лучшим маневром для хищника являлось нападение на ослабленного оленя. Медведь ждал олений гон.

Олени вызывали друг друга на поединок ревом. Сначала звуки издавались по ночам, и частота их увеличивалась. В разгар гона рев звучал в течение суток, но до настоящих боев дело не доходило, они постукивали рогами, определяли, кто сильнее, и слабейший убегал. Быки оценивали друг друга по силе рева: чем мощнее звук, тем непобедимее животные. Явно более слабые самцы еще издали, критически оценивая свои шансы, скромно стояли в сторонке. Появление дикого чужака

встревожило стадо оленей. Ярый самец, у которого выросли не ветвистые рога-украшения, а рога с острыми отростками, пугал оленей. Ярый бык во время турнирных боев всегда безумно ранил матерых соперников рогами-пиками.

Ярый бык продолжал реветь и стонать, стараясь всех окончательно запугать, загнать в безумный хаос. Искал самок, желая биться с соперниками. Матерый соперник Солнце-олень был красой и гордостью стада. Подтверждая свой высокий социальный статус, принял вызов и соревновался в реве. Ответил звонко, что биться готов, и с возбужденным видом ринулся в бой. Шеи соперников набухли, глаза налились кровью, тела

издавали резкий запах. Олени били ногами землю, вытаптывая площадку, бодались. Самцы ходили друг перед другом, сцепившись рогами, толкали друг друга, в груди вмещались выдохи и вдохи. В бешеном натиске рогов силы ударов соперников были очень велики, а поединок длителен. Рога под напором трещали. Под грозным напором соперники выдерживали натиск, не бежали наутек. Ярый бык, продолжая реветь, острым отростком рога ударил в голову. Отросток, разорвав ухо, срезал навывлет кусок шкуры, вывернул нервы наружу.

Солнце-олень увернулся, сердце в клочья рвалось. Никуда не деться, пришелец, не умея по-иному, умело бил прямо по

живому. Находясь в возбужденном состоянии, Солнце-олень не почувствовал ранение. Он издал могучий рев, раздул шею, чтобы казаться еще больше и сильнее. Солнце-олень ударил в полную силу и искривленным нижним надглазничным несимметричным костным осколком отростка повредил противнику шею, сбил непрошеного друга на камни тундры. От удара кустистые рога зверей сцепились. В результате борьбы за жизнь более недели олени, лягая друг друга копытами, пытались освободиться, кое-как перемещались вдоль и поперек каменистого ручья, качаясь от жажды.

Безрогие самки шумели всерьез, издавая монотонные гнусавые крики. Медведь неторопливо шел, принюхиваясь к следам. Соперники не могли расцепиться и друг другу мешали бежать по тундре, спастись от хищников.

Сильный и могучий медведь обнаружил сцепившихся рогами беззащитных быков. Подкравшись совершенно неслышно, стремительно и ловко огромными прыжками кинулся к ним. Солнце-олень, подобно вечернему солнцу, ослепил золотом медведя. Копытами упреждающе забил, отбивая цепкие лапы. В стрессе мгновений отчаянья ударами копыт, пересилив страх, от хищника защищался. Медведь выбрал слабейшего оленя. Вольный зверь обхватил своими лапами и вцепился зубами в Ярого быка мертвой хваткой. Иступленный бык изо всех сил старался вырваться, но хищник перевернул заклятую безвыходность этой недели, расцепил обломки рогов и бессмысленность существования. Олени неожиданно избавились друг от друга. Солнце-олень, распахнув рога, вскочил, не оглядываясь, вслепую помчался напрямую сквозь черную тундру. Иногда ненароком спотыкался. Жалел буйного, неумелого и злобного, непримиримого чужака, добровольно выбравшего свой удел. Осторожный Солнце-олень, не плача и не улыбаясь, осмотрелся и понял, что выжил для подруги.

— Соединиться или пропасть? — думал олень. — О чем мечтаем мы отдельно?

Затаившись, постоял немного, отдышался, напился холодной воды. Сильно билось сердце, пытаясь выскочить из груди. Раны штопая, разгоралось пылкое чувство к оленице. Лохматый и хмельной олень вдохнул в полную грудь. Без сомнений и переживаний Солнце-олень, довольный исходом, трубил в сентябрьскую золотую даль, в любви подруге признался. Велико-

лепный красавец Солнце-олень делал все, что хотел, будто восходящее Солнце-огонь, которое широко и далеко шагало по горной и небесной тундре. Быстро и высоко бежал Солнце-олень чудесный по небесной ежедневной тропинке, и закат следовал за зарей быстрее. Зимой Солнце-олень кочевал низко над горами, и медведь лапой царапал его, забирая поло-

вину света, дни становились короткими и холодными, до самого зимнего солнцестояния, наступало время холода и тьмы. Темень-медведь ловил Солнце-оленья, но рвал на нем золотые нити, которые до сих пор можно видеть, как они свисали с Солнца на восходе и на закате.

Всю зиму Солнце-олень украшающими голову рогами устранил снег, мешающий добраться до ягеля. На рогах блеск золота тускнел, они стали похожи на засохшее дерево. Олень сбросил рога в конце зимы на золотую жилу с песчинками времени у молчаливых зеркальных камней-самородков. Стряхнул усталость напряженных лет и просто обрывки задумчивых воспоминаний на россыпи бирюзового хризолита и пиритовой гальки. Это укромное место оленицы выбрали для отела. Первый олененок родился в день весеннего равноденствия. Окрас малыша играл ослепительными блестящими пятнами отборного, настоящего солнечного золота.

КРИВОЙ КОГОТЬ МЕДВЕДИЦЫ

Самые крупные хищники тайги бурые медведи весной проснулись и покинули берлоги. Дольше всех задержалась в берлоге медведица с медвежатами. Вместе с тремя детенышами-сеголетками и прошлогодним пестуном медведица отправилась кормиться корневищами в таежную долину, где раньше сходил снег. Медведица бродяжничала по тайге в поисках пищи, а медвежата рядом весело играли. В горах кружила прохлада, охлаждая лед по краям берегов ручьев. Пройдя вверх по горному ручью, любознательный медвежонок подошел к небольшой ямке. С одной стороны в ручей уходила отвесная скала, с другой — мыс из мелких и крупных камней. Ручей был глубоким. Медвежонок определил, что с верховьев веет холодком и устремляется туда. Проверял родники на дне и воды талых болот на вечной мерзлоте. Свежая, чистая вода с хариусом светилась голубовато-изумрудными оттенками, притягивала попутно крупного тайменя. Медведи не ловили Хозяина холодных вод, приписывая этому существу чрезмерные качества.

— Хозяин всех рыб умный, — говорили старые медведи. — Его вытащи на берег, а он снова уплыть может.

Соблюдал принцип «пройди мимо, если увидел тайменя», но сегодня случай был особенный. Мощной черной стрелой взметнулся сильный таймень за хариусом. Взрыв брызг воды — и нет хариуса. Умный таймень затаился. Хариус приблизился поближе к ямке — и новый бросок. Недаром его зовут хозяином холодных вод.

Неожиданно пошел влажный снег, плотно налипая на скалы, серым маревом соединяя унылую горную и небесную тундру. Таймень залег на дне темной глубокой ямы у самого берега, прячась от суеты и отливая бледным блеском. Таймень заходил в каменистый ручей среди снегопада один раз в год, и медведи разговаривали с ним. На этой яме маленький медвежонок

помнил, как отцу удалось беседы вести с тайменем. Сегодня он надеялся, что ему повезет. В эту ямку всегда приплывал мудрый таймень. Рано утром на перекате таймень начал охотиться на мелкого хариуса. Любопытный медвежонок, подобравшись поближе к струе, на местечко стоянки крупного хариуса. За большим валуном на границе между течением после переката и ямой тайменя караулил пытливый медвежонок. Его глаза блеснули огоньками алмазами. Медвежонок рассматривал темную спину тайменя с серыми боками и уплощенную голову с большим ртом. Красавец был раскрашен в многочисленные темные пятнышки округлой формы и оранжево-красными плавниками. Он прятался и увлеченно поджидал добычу.

Насыщенная живительным кислородом вода кипела на быстрой струе вокруг камней, а ближе ко дну, на спокойном клочке, скапливался хариус. Медвежонок завел когтистую лапу медленно за голову тайменя и зацепился за жабры. Одним ударом

лапы этот хищник мог бы снести ему голову. Таймень сделал рывок в сторону. Медвежонок одной лапой сильное мускулистое тело, покрытое мелкой плотной чешуей, не смог удержать и соскользнул в воду за тайменем. Под водой медведь дышать не умел, нахлебался воды, а нос забил песок. Медвежонок чудом не захлебнулся в черной воде, к мордочке клеились и прилипали колкие, резкие льдинки. Невозмутимый таймень вывернулся из-под рушившейся на него туши и раскрыл свою пасть,

вооруженную многочисленными мелкими зубами. Медвежонок таких зверей еще не ловил и просто никогда не видел такой мощи. Медвежонок засунул свою вторую лапу глубоко в глотку, таймень неожиданно сомкнул свои челюсти. Медвежонок захлебывался ревом от боли. От неожиданности медвежонок попытался выдернуть свою руку, но не тут-то было — речной хозяин повис на лапе и не хотел ее отпускать. Раздался рев, медведь никогда не попадал в такую ситуацию и не знал, что у рыбы могут быть такие острые зубы. Дикая вода старалась помочь вырваться тайменю из этого капкана и перетащила сцепившихся противников в пенную яму. Задние лапы медвежонка не доставали дна и отказали, отдалялся берег. Медвежонок попытался выдернуть или засунуть свою лапу глубоко в пасть тайменя. Борьба медведя и тайменя длилась долго. Медведь,

видимо зажатый между больших острых камней, измотался и сопротивления не оказывал. Таймень норовил в глаза медвежонку взглянуть. Надеждой глаза светились. Поняв беспомощность медвежонка, неожиданно разомкнул свои челюсти. Медвежонок, пережевывая лед, медленно выполз на берег. Смелые горно-таежные души соприкоснулись. Храбрость спасала им жизнь. Почти невидимый хозяин вод с ним заговорил.

— Здесь нет границ внезапности встреч, — сказал таймень. — Я хозяин речек, ты в тайге важно ходи.

За неудачную любознательность медвежонок расплачивался, из прокушенных лап воду, камни, песок и лед обильно окрашивая в алый цвет. Продрогший медвежонок тише не бегущей воды уходил по таящему снегу в таежную мглу — мордочку мыть неухоженную. Стирая границы меж горной и небесной тундрой, всю ноченьку медвежонок брел, пока не попал в слеую петлю браконьера. У малыша оказалась зажата в петле шея. Двухмесячный медвежонок бился в петле, сопротивлялся и кричал. Удавка затягивалась на шее, в петлю случайно попала и передняя лапа медвежонка. Умная мать аккуратно сумела освободить медвежонка, чудом перекусив стальные нити и когтями ослабив коварную удавку, но когтистой лапой крепко зацепилась в хитрой ловушке. Стальной трос сорвался, но

успел затянуться и запутаться, врезавшись в когти. Медведица несколько дней выгрызала проволоку, но снять с когтей не смогла. Днем и ночью лапа сильно опухла, растопырив когти в разные стороны, и ныла от нестерпимой боли. Освобожденный медвежонок с братишками ринулись в лес, медведица бежала с ними, а потом упала. Хотела плакать, но было тяжело. Мудрый таежный зверь приковывал на больной ноге за помощью на стойбище к таежнику.

Таежник от неожиданности чуть не подстрелил беднягу соседку-медведицу, но грустно посмотрел в лунные глаза, понимая, что в дебрях таежных остались детки у нее. С детства он помнил слова стариков, что Лунный медведь – предок таежников, ставший честным зверем, и его храбрые и сильные потомки впоследствии заселили Саянские горы. Преодолевая страх, осторожно подошел и осмотрел больную лапу. Отек от лапы с проволочной петлей поднялся уже к коленному суставу, отчего медведица переносила с трудом сильные боли. Таежник ножом освободил лапу от удавки, но один коготь искривился и отвалился от лапы вместе с проволокой.

Солнце развело огонь, и раскаленным угольком таежник прижег рану медведице. Хозяйка тайги долго лежала неподвижно, затем медленно встала на лапы и постояла. Солнце в испуге поднялось в зенит. Медведица неуклюже двинулась к таежнику. Таежник не мог сдвинуться с места. Большая медведица приближалась.

– Пропал, – подумал таежник, – Сейчас она меня съест.

– Не бойся, я не стану есть тебя. Слушай, что я тебе скажу. Не охоться на Черного гуся весной. Не охоться на самку кабарги, отелившуюся двойняшками, и медведицу с четырьмя медвежатами. Если таежный зверь пришел за помощью, всегда помощи. Бери столько с тайги, сколько тебе надо сейчас для семьи, не бери лишнего. Когда ты на охоте добудешь зверя и будешь разделывать добычу, бросай на четыре стороны света маленькие кусочки для меня, потому что я могу быть голодной. Я твой предок. Если ты не будешь этого делать, ты не вернешься счастливый домой с добычей.

Медведица не ушла сразу, она еще некоторое время стояла на стойбище у костра, о чем-то думала. Возможно, благодарит

ла, а может, в сердце просила таежника оставаться человеческим. Таежнику оставила для оберега свой кривой коготь. С гордо поднятой головой эта благодарная медведица с достоинством, огромная, сильная, уходила тихой поступью от стойбища в тайгу к незащищенным медвежатам.

Таежник кочевал с прирученными оленями в вершинах гор и видел много крупного зверя. Он добыл одного быка изюбря и освеживал. Кинул в сторону несколько кусочков мяса в дар медведю, а с остальными вернулся в стойбище. Но таежнику показалось мяса мало, и он пошел и добыл еще одного зверя, но в азарте охоты забыл бросить в сторону кусочки мяса при разделке. Не успел двинуться к стойбищу, как вдруг стало темно. Таежник не знал, куда идти, он потерял тропинку к стойбищу. Целую ночь ходил, кружил по таежным завалам и шерлопам, но не нашел следов тропинки. От усталости и огорчения прилег на камни и заснул.

«Раньше легко добирался до стойбища за один день, а теперь, похоже, мне придется спать на холодных камнях, — подумал он. — Не найти тропинку домой до завтра».

Ночь продолжалась бесконечно долго. Он потерял счет времени и не ориентировался в пространстве, разучился отделять свет от тьмы. Для него жизнь стала мрачной вечностью, а все вокруг лишь бесформенно-темным. Страх постепенно переполнял все его существо, но было в нем еще что-то, доносящееся откуда-то из глубины черноты. Возможно понимание. В этой кромешной тьме невольно почувствовал еле уловимо парящий в воздухе неясный силуэт Луны. Она представляла собой тоненький ободок, расположенный на правой стороне, и исчезла через час после прихода ночи. Таежник знал, Луна была рядом, следила и шла за ним. Луна вновь выглянула тоненькой линией, расположенной полукругом на левой стороне. Глядя на Луну, погруженную в свои мысли, таежник лишь улыбался великолепию призрачного силуэта, парящего стихийно рядом с ними.

В темноте линия Луны пересекала границу между светлой и темной частью справа налево. Переходя от светлой полосы к темной, заходила на западе. Переходя от темной полосы к светлой, Луна восходила на востоке. Наблюдая Луну, таежник жил в себе и думая о том, что это чуждо его хрупкому сердцу и ему

не хватает ощущений более реальных, более земных. Голодные волки собирались вокруг вершины горы и громко выли. Росомаха сидела тихо, без света и с радостью ждала, когда он ослабнет физически. Так проходило время, Луна не сошла на землю, а он одиноко бродил по вершине горы и не дошел до стойбища. Старался ориентироваться по Луне, но в темноте бессознательно шел неизвестно куда.

Внешний же вид Луны менялся, она молодела, старела, а в периоды между новолунием и полнолунием Луна росла. Луна в полнолунии приобрела вид правильного светящегося розового диска и противостояла таежнику. В момент наибольшего сближения заметно возросла яркость диска, и увеличился размер, больше чем обычно. Исчезли тени на поверхности, и она максимально блестела. Таежник руками почувствовал, что у оленей появились новые рога.

Таежник выше приподнял свою непутевую голову. Его взору открылась прекрасная Луна, круг, усыпанный желто-оранжевыми алмазами на фоне черного неба. Светила Луна ярко, набрав полную силу, освещая своими холодными лучами погруженного в суету размышлений таежника, возвращая зрение и разум. Полнолуние освободило от потемок горную тундру, и тропинки к родному стойбищу стали видны.

В это время таежник больше старался обращаться в противоположность своих обычных чувств. Тьма сильно обеспокоила его, поселив в сердце страх за ошибки. Луна и он смотрели друг на друга молча, ласково и беззаботно улыбаясь друг

другу. К сердцу таежника опустив свой луч хрустальный, прошив насквозь сердцебиение, Луна таежника приподнимала к себе. Он извинялся, что жадность никогда не повторится. Раскаившись за нелепый проступок, вспомнил про амулет Кривой коготь медведицы. Особо наполненными силами кривым когтем прикрепил нетленную Луну к вечно черной крыше ночи.

Луна заплакала во вздохе в таежную бездну слезами горькими, и это совпало с полным лунным затмением. Горная тундра Луну совсем закрыла, и вновь все погрузилось в темноту.

Темно-красной Луны на небе почти не было видно, но таежнику казалось, что лишь издали сквозь синюю темень ночи глядела медведица, как спят медвежата, ожидая ее в уютной берлоге. Заревела бедная Луна сапфировой россыпью. На сердце таежника тревожно стало: вдруг эта темень навсегда. Слезы Луны падали звездами и текли ручьями, и от блеска слез таежная округа снова освещалась. Из светлых слез Луны налившись жемчужными узорами, под безумным напором рождалась река Уда.

СОЛНЦЕМ ВЕДОМЫЙ

Кочевал олень по острым вершинам гор. Обычный северный олень, как все таежные олени, серый и немного необычный. Бродил по свету, и вся его жизнь была связана с ягелем и небесными звездами. На крутом перевале смотрел в ночное небо, безмолвный мечтатель и небеса играли в его глазах, окутанные тайной. Но не видел ни дна, ни пространства, он был чистой пробы безнадежный романтик. Олень, вдыхая запах горной тундры, верил и в счастье, и в судьбу, и в осуществление мечты. Россыпь звезд в реальной жизни не заменяла ему сиянье Луны и блеск Солнца за гранью влекущей мечты. Олень искал тропинку таежной судьбы, крутился вокруг своей оси и продолжал подниматься по перевалам вместе с горной тундрой по одному пути, обращающемуся вокруг Солнца.

В час заката обратили на него внимание два совершенно независимых друг от друга светила. Ночное светило Луна, продолжая отражать солнечный свет, находилась на дневном небе одновременно с Солнцем. Случилось чудо из чудес. День и ночь, Луна и Солнце, вместе в небе синем сияли. В яркой дым-

ке перламутра Луна дополняла горячее Солнце, ее холодный свет ласково растворялся в теплых лучах. Серебристая Луна и золотистое Солнце заспорили меж собой: что же может быть нужно этому обыкновенному и невзрачному мечтателю для счастья? Яркое, живое, обогревающее Солнце говорило, что не хватает ему душевного тепла и радости, заботы, внимания

ласковых лучей. Холодная Луна — что от слез и огорчений, душевной боли, отчаяния рождается осознание счастья. Решили они по очереди предложить этому оленю свои дары. И пусть сам он решит, чего же ему на самом деле не хватает.

Красное Солнце, крылья сложив, сквозь небо падало на белые снега окаменевших гор хребта, когда олень уже готовился ложиться спать. В сиянии небывалой красоты явилось оно оленю, присело у его изголовья.

— Олень, я принесло тебе дар для таежного счастья, — прошептало Солнце. — Твоя мечта осуществится.

— Чувствую тепло, свечение и огромную силу притяжения, — сказал олень. — И что же это?

— Это сердечная теплота, радость сбывшихся надежд, безмятежность тропинок, счастливые переходы по перевалам и чувств полнота. Улыбка с жизнерадостным солнечным лучиком — и все у тебя вдруг получится.

— О, благодарю тебя, Солнце. Это лучше бесчувственных будней, я знаю. Жару переношу на снежнике в вершинах гор, кочуя по нерастаявшему льду у берега ручья. С тобой проживу свою жизнь, не чувствуя ничего, чувствуя лишь тепло и забывая о том, что есть еще холод вьюг, спасающий от гнуса. При ясном свете увижу хищников на большом расстоянии, — ответил олень. — Я буду днем носить тебя на своих плечах по небесной тундре.

— Мы мир создадим другим, — сказала заходящее Солнце. — Радость в глазах даже утром будет светиться.

Цветами упали с небес солнечные лучики, и началось таяние сверкающего снега на белых сопках. Горная тундра в радости отчаянно расцветала желто-огненными цветами кашкары и умывалась алмазными росами. Огонь жарков и в заснеженных крылышках мотыльков душистый багульник на родинки солнца были очень похожи.

— А когда, Солнце, ты скроешься за горизонт, что послужит светом? — спросил олень.

— Луна послужит светом, — ответило Солнце.

Пурга мела северная сквозь созвездия, и пришел черед Луны беседовать с оленем.

— Ты грустишь. Я принесла дары, — сказала Луна. — Прими их. Их тебе не хватает.

— Я вижу мерцание у вершины в снегу, — сказал олень. — И чего же мне не хватает?

— Бродячего счастья по лунной дорожке. По ночам просыпаться и плакать, представляя себя кочующим с тропинки на тропку. Острой дерзости на перевале желанном в ненастье. От отчаяния и горечи снами укрою, и не вспомнишь, что такое

скука, — сказала Луна, отсвечивая Солнца лучи. — Я изменю одинокий путь выюгами и метелью, и ты быстрее достигнешь своих целей. Я сделаю все, чтобы ночью, когда тревога сердце жжет, ты помнил о солнечном свете и тепле. Я дам отдых тебе и всему живому.

— Луна, ты хочешь мне полсчастья подарить. Дары твои мне нужны, но они слишком уж они темны и безнадежны. Во мраке спрячусь от волка и найду силы бороться с ним. При свете лунном убегу по рыхлому глубокому снегу и по некрепкому насту от росомахи. Проживу свою жизнь, не чувствуя ничего, чем чувствуя лишь одно плохое, забывая о том, что есть еще и хорошее, — ответил олень. — Я буду носить по ночам тебя на своих плечах по грезам тундры.

Высохли талые ручьи. Камни в грезах серебром отражали лунный свет. Медленно ветер ушел, оставив воспоминания. Чудно нежные узоры, созданные из заутренней росы, тянулись к небесам. С веток багульника сиреневые мотыльки слетали в улыбочивое сновидение.

— А когда скроются Солнце и Луна? — спросил олень. — Что приведет меня к свету?

— Мечта послужит светом, — ответила Луна. — Она изнанка страха ночей бессонных.

Олень мечтал иметь самые большие и роскошные рога, которыми бы очень гордился на турнирных поединках. Мечтал иметь крепкие ноги, которые несли бы его быстрее ветра. Ударами передних копыт защищаться от волка. Мечтал, чтобы тяжелый оленевод угощал каменной солью, охранял от хищников и был добр при охоте на соболя или медведя. Мечтал находить под снегом лежащий сплошным ковром мягкий, пушистый ягель. Мечтал питаться досыта грибами, карликовыми березками и вкусным бородастым лишайником. Всякий раз, когда исполнялась одна мечта, олень загадывал другую и в поиске обретал счастье.

— Кочуя по Солнцу и Луне, я следую за своим сердцем, — сказал олень. — Я оставляю себе свою мечту.

Смотрел на Солнце и Луну, заполняющие все своим светом. Солнце и Луна следили за порядком в небесной и горной тундре и остановили оленя, если он кочевал против движения

светил. Разделяя бледные горы, олень шел по Солнцу. Солнце вставало на востоке, и олень переносил Солнце на своих плечах на запад. Ночами северная часть неба светлее других была из-за близости зашедшего за горизонт Солнца, а южная — наиболее темная. По фазам Луны ночью определял стороны света.

Серп растущей Луны располагался в западной части неба, а серп убывающей — в восточной. Вставал олень мордочкой к Луне, за ней был юг, за спиной север. Вечером полную Луну носил олень на спине с востока, в полночь на южной стороне, а утром на западе.

— Мне хочется рассказать свои мечты, — сказал олень. — Когда скроются Солнце, Луна и мечта, что послужит мне светом?

— Останешься в полной темноте, без образов вещей, без сновидений и без отсвета мечты, наедине с самим собой, — ответили Луна и Солнце. — Отбросив в сердце таящиеся сомнения, взыщи опору в самом себе.

Созерцая уходящее прекрасное солнце в час заката, кочевал полинялый и побледневший олень по-прежнему — серо и невзрачно по ущельям и перевалам, поднимаясь к светилам выше горных вершин. Небо само падало низко, почти на реснички, и

олень чувствовал способность видеть чудо. Вместо того чтобы наслаждаться очаровательной красотой, закрывал свое сердце тяжестью будней. Олень учился ценить и правильно использовать те дары днем и ночью, которые имел. Он мог быть совершенно разным, но и быть частью одного целого. Олень не

отвергал то, что казалось противопоставляемыми дарами Луны и Солнца, ведь это и было частью его самого.

— Как научить его сердце обращаться с нашими бесценными дарами? — мучились вопросом, когда встречались, Луна и Солнце. — Чего же не хватает оленю для счастья?

В час рассвета вновь явились Луна и Солнце вместе к изголовью оленя на камни в глухих далеких

горах. Распластался олень на скалах в обрамлении багульника и замер, почти не дыша. Соединили светила, свои дары воедино, преподнесли оленю. И он понял, что большое счастье совсем иное, нужно просто любить всех, кто живет рядом в горной и небесной тундре. Счастье и есть жизнь, влюбленная во весь неделимый таежный мир в его круговерти вокруг Солнца.

ЖИВОТВОРНАЯ ГРОЗА

Старый таежник рассказывал, что северный олень и жителный куст багульника, усыпанный яркими солнечными цветами, — супружеская чета, любовью осененная странствующими духами, дарующими жизнь. В этих целительных цветах горной тундры родился маленький олененок. Солнечный хвостик, солнечные ушки, в веснушках носик и спинка — настоящий красавец, с пятнышком, как звездочка, на голове. Он любил солнышко и с рассветом первые шаги сделал за ним по каменистой тропинке. Светлей в горах стало, лилово-розовыми цветами благоухал багульник, но беспечный олененок, с восторгом терпкий аромат вдыхая, удивленно посматривал куда-то вверх, где птицы, словно горные духи, низко летали, приглашая в горы поиграть в грозу.

Далеко в небе грохотал бродяга-гром, нараспашку сверкали молнии, предупреждая олененка о том, что в первый день его жизни приближается первый ливень. От радости и от изумления у раскрытого настежь неба олененок сжимался в солнечный клубочек. Крепко жмурил глазки и понуро прижимал

ушки. Последний солнечный луч убежал виновато с летящим из-за моря караваном гусей, и сразу стемнело. Вспышками озарили тундру зигзаги танцующих молний. Свежестью ударил тугой ветер в лицо. Олененку стало страшно, снег последний смывая, с размаху по багульнику тундры густо хлестнул ливень. Промокшему олененку казалось, что гроза бушевала, с силой сталкивая лбами тяжелые тучи. Замер крик олененка, гром грохотал прямо над ним. Ворча и сердясь, гром катался

на облаках по всему краю черного неба, спрыгивал на вершины гор и скользил по снегу, мечтая стать грозой. Осыпалось перевернутое небо, и дождь лил по дождю.

От обиды олененок беззвучно, безмолвно стал метаться, словно обгоняя косой и хлесткий дождь, в поисках скалы, под которой мог бы укрыться. Попытался свернуть с тропинки и был обожжен разогревшимися до пламени жжеными камнями от удара молнии. Камни крошкой сыпались и факелом воспламенялись. Дым огорчения черным столбом перемешивался с проливным дождем, обгоняя темно-синие тучи. Завернутый в мокрый ливень и со следами ожогов, стал олененок задумчив и немного сутулым, словно выжатый отстраненный камень. Страшно напуганный ужасом бури, поскользнулся и упал в

воду с утонувшей тропинки, но не стал ждать грустного конца безумию. От испуга вскочил и побежал сквозь потаенный ворох мокрых цветов и листьев. Снова упал в теснине гор мрачной небесной тундры всхлипнувшим сердцем. Встал, но, отступившись в стремительном беге, снова сминая дыханье, падал в ноги неземной любви молнии.

— А есть ли цель? — думал испуганный олененок. — Сумею ли дойти?

Лил безудержный ливень сплошной стеной вязкого мрака, гневно гремел гром, и своевольно иглами сверкала молния. Сердце странника распускало слюни, в нем одновременно бились соединенные сомнения и вера. Мысли умилялись и размокали в воде сомнений. В испуге колебаний жадно посмотрел на мимолетный след молнии и потерял тропинку. Заблудился в густой темноте ша-

таний между небом и тундрой, но не растерялся, а прижавшись к багульнику, стал ждать, когда вспыхнет пламенная молния. При вспышке молнии опускал глаза и в неясных очертаниях и проблесках искал уверенно путеводную тропинку. Восхищаясь напутствием молнии, силой и ярким светом, счастья свет в себе искал без промедления.

— Гроза не может длиться вечно, — думал олененок. — Я найду потерянное Солнце.

Не раскисая, решительно побежал вперед, навстречу неизвестности, которая должна была открыть ему тайну пронзительного небесного плача. В густой темноте ощупью бежал, не чувствуя движения. Не чувствовал ни горную и небесную тундры вокруг, ни наугад вонзающие струи и ручьи в его тело. Подставлял мордочку под колотивший с размаху ливень невероятной силы и в первый раз плакал вместе с небесной тундрой,

проживая что-то свое, личное, возможно, сочувствие, сопереживание, честность. В проливном обжигающем потоке слезы радости и боли, не от усталости и не от пережитого, не были видны никому. На ощупь влажная, вместе с олененком сентиментально, чувствительно и искренне рыдала гроза, не скрывая слез, роняла на цветы и листья багульника.

Бежал вперед наугад, что бы ни случилось, не понимая этот мир. Бежал долго-долго, и время не имело значения. Вскоре вдруг полоса дождя внезапно кончилась, и он увидел на миг, один короткий, как забрезжил свет вырвавшегося из-за тучи Солнца. Обострились все чувства резкими, слепящими вспышками у олененка. Жажда света была сильнее отчаяния. Сердце билось, задыхалось и на кусочки разрывалось в борьбе за свет, и это то, что было ему нужно. На краткий миг в солнечном свете, через радость и счастье, появлялась манящая, неведомая, прекрасно цветущая даль багульниковых откровений. Олененок принял это явление чуда за знамение и направился навстречу спасительному свету. Озарением разума и сердца была тьма незнания, непонимания рассеяна. Олененок дошел до грозового предела и по-новому взглянул на небесную и горную тундру и на себя. Мир кругом прояснился, когда луч Солнца косо упал на слякоть багульниковой тропинки.

Мечтатель-оленок шел по потаенной тропинке, сотканной из счастливых мгновений и каждый раз, когда за спиной вспыхивала молния, грохотал гром и моросил дождь, останавливался, смотрел на небо, улыбаясь. Во время бури олененок пытался выглядеть красиво и восхищаться силой громовой и ослепительными линиями молний. Он мечтал переступить горизонт и догнать небесную тундру, чтобы слиться с сияющим Солнцем. Он бежал к цели. Озираясь вокруг в ожидании света, он стремился к свету и, сам того не замечая, стал отражением света, преобразившимся светом, оживляющим и освещающим все вокруг в горной тундре.

Гроза, наигравшись, неспешно ушла бродить неведомо куда с горными духами. Сквозь рваные остатки клочьев облаков светило приветливо солнышко на нежное, изысканное и нетерпеливое цветочное счастье. Смирился олененок с фактом своего рождения. Вдохнул полной грудью чистый и свежий воздух, пахло изобилием целебным багульника. Ярко цвели и блестели дождем омытые лепестки. Солнце, увязнув в нектаре цветов, выглядело немного по-другому. Обновленное светило, словно заново рожденное, стало прекрасным, еще более ясным и чистым, чем прежде.

Лепестки небосклона раздвигая, шел по цветущей тропинке олененок с солнечным хвостиком, солнечными ушками, в веснушках носик и спинка — настоящий красавец, с пятнышком, как звездочка, на голове. Шел твердым, уверенным шагом, не замечая, что он, пропитанный бурей и озаренный солнечным светом, был тем пробуждающим светом, что разгонял вокруг тьму и умирал грозу. Он размышлял, принимал решения, надеялся, верил и, внутренне освещенный, открылся цветастой тундре и самому себе, что жизнь чудесна и прекрасна. В играх жизни багульник, дождь и Солнце приветствовали и понимали его счастливое дыхание, выражение чувств и что он в Саянских горах совсем не случайный прохожий.

ЗОЛОТОЙ УГОЛЕК

Зимы в Восточном Саяне с долгими и холодными ночами выявляют таежный характер. Мир камня и снега огнем и золотом испытывает немощ человека. Позабывший таежник при переезде на другое кочевье с собой брал древесный уголек из кочевого костра, приглашая в путь хозяина огня.

— Уголек кочуем в другое стойбище, — говорил таежник. — Не оставляй жар и тепло.

Добравшись до очередного ручья, слушал, что сердце говорило. Лишь чистому сердцу открывалась золотая тропинка истины. Шаги по тропе растворения с природой, очищения разума от бранных мыслей сбрасывали с сердца сдерживающие поступки и давали понять, насколько проще, теплее и светлее становился мир вокруг.

Таежник вышел на скалистый ручей не окончательно замерзший, с россыпями золотого шлиха. Ручей был зажат в каньоне с коренными породами. В верховье при разрушении кварцевых жил золото освобождалось из материнской породы, уносилось кипучей водой в низовье ручья. Золотой песок в виде зерен и

песчинок оседал в песок и в гальку кварца. В россыпи встречались свежие, умытые и окатанные зерна и самородки. Таежник шел по руслу ручья, перескакивая с камня на камень. Уровень ручья зимой уменьшился, и с поверхности скал, вкрапленные в кварц, на него глядели самородки круглыми глазами. Щетки коренных пород иногда скрывал ледяной поток бурлящей воды, омываемые наледью каскада самородки блестели, как зеркало, и, казалось, они подмигивали, готовые мгновенно исчезнуть. Иногда дикий ручей нырял под камни, зажатый глыбами валунов, и самородки в западинах и трещинах каменных монолитов сияли желтым блеском. Он обошел водопад, «котел» которого ловил осаждения золота. В нем скопилось самородков гнездо, блеском просвечиваясь в замерших объятиях льда.

Таежник, пройдя загадочную глубину каньонов и ущелий, поднялся в вершину ручья, обходя крупные самородки под крупными валунами горы. Поднялся на верхушку горы и встретил обнаженный золотосодержащий пласт. Золотые гряды вверх-вниз расходились по тундре. Таежник стоял на золотой жиле, было это золотое место, его точкой противостояния всем внутренним силам.

Мерцала нежностью покрытого золотом купола молчаливая гора, пиком вершины поддерживала золотые облака небесной тундры. Золото тундры расширяло большие сердца, но сжимало ничтожные. Мерзлomu сердцу золото счастья не приносило. Таежник не позволял плохим мыслям красть у сердца теплую радость. Он помнил свои случайные ошибки и надеялся, что будет мудрее, чем был в прошлом. Наполнял разум благими намерениями, приносящими удачу.

Над горной тундрой в переливах разбитых лучей восходили Луна и звезды. Над тундрой жили две Луны. Белые, как солнце, из золотых лучей создавали невероятное впечатление. Кру-

тились на скальных отрогах, на ледниках и перевалах, Луны сияли среди золотых звезд другого, забытого мира. Среди невиданно жестокого, безжалостно мстящего, несытого золота, усеявшего горную тундру, словно созвездия ночного неба, жарко, драгоценно светились наполненные лунными блесками

ми ярко-желтые звездочки. Таежник испугался неизвестности лукавого счастья и не выполнил запрета, в сомнениях глупых не очистив сердца, заглянул в черные глаза дикой страсти. Своим дрогнувшим сердцем охладел, и потускнело жгучее золото изменилось, не отражалось в нем тепло. Потемнело внутри черствое сердце, как угасало мутное золото. Закрыла Луну пелена из туманов печально, легенда-

ми призрачных льдов, задремали грустные звезды. Где-то далеко раздался нещадный волчий вой. Подсознание скользило мимолетными снами, отмечая рассудительность разомкнутой тьмы, которая губит мечты. До боли хотелось плакать и уйти от оскала холодной бездны. С замерзающими слезами на глазах и сердцем усталым, ощущая зубов холодный стук, таежник знал: нужно дарить тепло светилам и получать их свет в ответ. Так может его черствое сердце согреться, и небесная тундра не угаснет.

Утомленный без сна, таежник почувствовал, что настало время раскладывать костер. Вдруг сообразил, что из самого сердца нужно взять золотой уголек. Побеждая страхи и лень, из тлеющего пепла раздул огонек. Пламя поднималось к дерзким звездам в небо. Рукой в мельчайшей золотистой пленке швырял горстями темные самородки-песчинки невзначай в огонь. С открытым сердцем угощал крылатой золотой пылью хозяина огня.

Вспыхивал костер тысячами блестящих темно-красных золотых искр и озарял небосвод, яркими лучами лаская. Затаились грезами грозные скалы. Шурили разноцветные глаза и моргали слегка покачивающиеся звезды. В бледно-розовом небе всплыл призрак-силуэт золотой Луны, а не Луна. Полыхая золотым отблеском, сонливо алмазная пыльца Луны облила печальным сиянием притягивающие заснеженные громады, не переступая, прислонилась к вершине горы.

В тенях загадочных, меж небом и льдом, вонзаясь в сердце, золото явное таяло, становилось нереальным. Горящими угольками сквозь пылающий вихрь вылетело оно из костра, очерчивая зеркало золотой жилы, холод камня согревало. В смятии под звездами за ним в погоню бросилась еще одна, таинства полна, прозрачно-белая Луна, в костер сквозь слезы глядела устало. Прикасаясь к пеплу горячему, сквозь объятья огня друг на друга глядели раскаленный Уголек и озябшая Луна.

— Чувствую, — спросил Уголек. — У тебя в сердце боль?

— Это просто грусть, — сказала Луна. — В мрачном золоте я не вижу свое отражение.

В глазах Луны костром пылало отраженное пламя в звездной пыли. Луна расслабилась, доверяясь Угольку. Совсем забыв о себе, Луна спустилась в огонь, медленно ступала золо-

тыми ножками. Босиком танцевала по горячим углям, оставляя ожоги, проживая каждое движение, соединяя его с дыханием. Праздновала жизнь в каждой искре тлеющих лучей чарующим виденьем.

Словно околдованный лунной мечтой загадочной, запылал и дышал огонь в сердце. Обожженное сердце соединилось в каждом биении в объятьях перевозданной красоты. На золото сквозь очистительный огонь, в волшебном сиянии спустился

лучик света. Впитав в себя лучистую энергию, обожженное золото отражало свет очарованной танцем Луны, освещало, дарило отражение звездам. Смотрясь в него, истинная одинокая Луна увидела свое отражение в нем.

Танцую на раскаленных углях, Луна, даже не вскрикнув, золотыми слезами смывала забвения тьмы в разорванный чарующий огонь. Капали слезы расплавленными самородками. Искрами горящего костра, с золота улетала ничтожность куда-то прочь. С горечью небо, играя с судьбой, отдавая сердце лунному свету, роскошью блеснуло и заплакало слезами, чистым золотом сгорающих звезд. Тайным тягучим сплавом, очищения грязи в глазах сердце вдруг мудрее стало. Тлели ошибки-ожоги, словно под золой угольки. Глядя сквозь себя, таежник ворошил теплую золу в отсветах золотых холодных камней.

Сыпал золотую пыльцу на медлительно движущиеся тени. Засияло могучее золото, как прежде, повеселело. Танцуя, уже без боли, белая Луна наслаждаюсь вволю, угольком тлея, по кромки утренней зари возвращалась в простор хрустального неба.

Бесценные самородки золота истины подносил, угощал хозяина огня, но черный, простой и живой, не сгоревший уголек оберег от костра взял с собою, в сердце хранил. Не поблек, не грустил Золотой уголек частичкой драгоценной мечты. Сердце обжигая, горел, как яркая звезда, легко зажигаясь светом лунным.

— Пусть холод золота останется, — говорил таежник. — Тепло приходит.

Ощущая бессмысленность жизни, таежник обратился за даром мудрости. Уголек жаром внутри таежника помогал открытому сердцу, путешествующему с эхом Луны, дыханием грел, разжигая огонь, любя. Уголек очистительно прожигал все, что накопилось за много лет. Погрузившись в равновесие, бесшумно по верхним векам глаз танцевало босиком Солнце. Щедро золотило лучами вечность гор, наполняло удары сердца. В первозданной чистоте засияло самое ценное золото, живое. Отражение золота не означало покой, на сердце мир и солнечную радость. Солнце дарило лучезарную жизнь всему живому, не требуя ничего взамен. Растворяясь в золотых жилах ущелий, не проваливаясь сквозь камни, тропой кочевой с таежником наравне, Солнце жадно глотало красоту новой жизни.

ОТМЕЧЕННЫЙ ЗВЕЗДОЧКОЙ

В чудесной таежной стране были великие снежные горы, покрытые пушистыми шапками с белым и мягким снегом. Таежные охотники образно представляли Солнце в виде живого существа — гигантского северного оленя, за день он пробегал по всему небосклону и к ночи погружался в жилище матери всех матерей Вселенной Небо-оленья и зажигал на небе множество живых маленьких ярких звездочек. Сколько светилось в ночном небе прекрасных созданий, никто не мог посчитать. Звездное небо было большой тайной, манившей к себе необычными яркими огоньками и интересными явлениями. Этот небесный мир приключений был наполнен чудесными преданиями, в которых звезды с таежными людьми разговаривали.

Звездам никак не удавалось понять образ жизни таежных людей. Таежные люди вечно куда-то спешили, даже не зная тропинок, подвергая себя опасности заблудиться, редко думали о том, каким на самом деле является огромный мир Саянских гор и в чем заключается их реальное назначение. Они жили в заботах добыть больше пропитания. Так и проходила их жизнь

на северных склонах Восточного Саяна под сиянием Звездной Вселенной. Таежники всегда возвращались с добычей. Женщины и дети старательно трудились в чумах. Если хорошо делали свое дело, ужин был наваристым, и все были сыты и довольны.

Ночь в горах наступала незаметно. На небе появлялась Луна и блестящие, как драгоценные камни, звезды. Таежные люди в горах, не уставая, бродили. Днем они прилежно охотились, а по ночам восходили на вершину горы, разводили костер, пели песни, танцевали и веселились. Так они благодарили необъятное небо за прекрасную горную тайгу, дающую им пропитание. Таежные люди освещали всю Вселенную, и свет каждого из них видели все звездочки. Это сияние было за гранью поверья таежного мира.

Ярким звездам было непонятно, как же так можно жить, ведь они, в отличие от таежных людей, никогда никуда не спешили, жили размеренно и постоянно думали о смысле жизни, небесной гармонии и непревзойденной красоте Вселенной. Больше всего они интересовались гармоничными законами, что красотой руководили. В небе с невероятной скоростью проносились планеты, кометы, метеориты, при этом их маршруты были настолько точными и гармоничными, что они не сталкивались друг с другом. В этом и заключались небесное единство и согласие, очень продуманная система правил, четко придерживающая все небесные чудеса.

В свободное от раздумий время маленькая звездочка радовалась, пела песни и даже мечтала танцевать. Но звездочке было запрещено передвигаться с места на место, поэтому ее движения совпадали с движением всего неба. Маленькую красавицу

это удивляло, но она не протестовала, понимая, что это одно из правил небесного счастья.

Все таежные люди до оленеводческой жизни дружили со звездами. У каждого таежника была своя звезда, которую он любил. И звезды за эту любовь благодарили людей богатой добычей. У таежника, овладевшего передовыми идеями техники, все было замечательно в оседлости. Но таежник заблудился в поисках истоков личности, бродил, скитался и возвращался с охоты без добычи. Он пытался ответить на вечные вопросы: «кто я?» и «соблюдаю ли культуру предков?» Он осмотрелся:

от чего он отказался — от гармонии с природой или с самим собой? Кем он становится, утрачивая свои корни? Обрывая связь с традициями предков, больше терял или приобретал?

— Шатаюсь и путаюсь, свою звезду забыл, — подумал таежник. — Вот она мне не помогает.

Таежник брел куда глаза глядят, без цели, без любви, без веры под небом, на котором звезды огнем го-

рели и сверкали. Звездочка таежника была мала и добротой покоряла. Он чувствовал ее взгляд в тумане жизни серой. Она мерцала, чтобы он мог ее лучше видеть и слышать.

— Я свет от света, — сказала звезда. — Я смотрела и слушала, как ты напеваешь мне хвалебные песни, о помощи просишь. Что случилось?

— Я одишешенек среди пустого беспокойства и суеты, — сказал таежник. — Хочу пересечь позабытые ворота счастья.

— Приручи оленят, — сказала звезда. — Верховой олень твердым шагом окрылит пешего охотника. С оленем освоишь все пространство сибирской тайги.

Охотник создал удивительное стойбище в центре Восточного Саяна, место, где начинались путешествия. В центре чума соо-

рудил очаг, у дальнего края полога поселилась семья. По стенам развесил предметы быта. В чуме было теплее и просторнее, в нем он разводил и поддерживал огонь. В переводе с древних языков чум означал слово «семья», а также — стойбище.

— Дух от духа кочуй в разные стороны, — сказала звездочка.
— Отправляйся кочевать по оленьим тропам. Слушай Создателя миров и пребывай в душевном покое.

Приручать животных оказалось гораздо сложнее, чем выращивать растения. Он собрал чум, и только угольки от очага остались, перешел к кочеванию с оленями по тайге и горной тундре. Очень суровый мир, где невозможно земледелие, он оберегал, считая себя его единой частью. Приручал северных оленей не на мясо, а исключительно в качестве транспорта. Не разводил лишних оленей, не отстреливал ненужной пушнины и не нарушал баланс сил человека и природы. Осенью на олене спускался с горных вершин в тайгу добывать соболя. Начиналось лето, он кочевал за оленями в вершины Саянских гор. Кочевой таежник в бескрайних горах каменистых хребтов брел среди снежных вершин, из мгновений сплетая круговорот жизни. Все таежное пространство Саян оказалось пронизано связями и стало неделимым общим домом для таких же, как он, кочевых таежных оленеводов-охотников. Отлично ориентиру-

ясь в тайге, стал лучшим проводником для исследовательских и поисковых экспедиций.

— Ты воля от воли. Ты победил. Чистым сердцем в жизни смысл искал, — сказала звездочка. — Помни свое предназначение, сохраняй лучезарную чистоту сердца.

Таежник принимал достижения цивилизации, поддерживая традиционную культуру, не прекращая общение со звездами, разводил северных оленей. Это занятие очень тяжелое, но он

с колоссальным внутренним достоинством жил в чумах, кочевал по маршрутам предков, охотился и мастерил необходимые вещи, которые помогали кочевать. Еще мальчишкой мечтал стать отличным следопытом и стрелком, в Саянских горах чувствовал себя ханом, настоящим повелителем и хранителем сибирской тайги.

— Если по тропинке домой опять заблудишься, — сказала звездочка, — помни, живешь далеко внизу под звездами. С бездонной высоты мне тебя прекрасно видно.

Звезда была не только самой яркой, но и очень отзывчивой и умной. Таежник осознавал, что мир живой, что он часть этого мира. Звездочка в глубинах сердца его светила, и он с окружающим миром говорил. Он не рубил деревья просто так, а спросил разрешения, что его семье холодно в чуме, и только

после этого рубил дерево старое и сухое. На охоте и кочевых тропинках северный олень был для него братом и ближайшим другом. По вине таежника ни одна частичка биологического разнообразия горной тайги не была утрачена и сохранялась в первозданном виде.

— Я мысль от мысли и стану указателем в путаницах между-пути, — сказала звездочка. — Легко будешь ориентироваться в просторах жизни.

Все таежное пространство заселялось таежниками весьма равномерно, любой участок тайги превращался в становище. Местом рождения были верховья или устья малых рек или просто ручьи, которых нет на картах, но которые хранились в памяти таежных людей. Таежники не создали письменность, не писали книги. От отца к сыну словесно передавались знания. Сказители помнили колоссальный объем информации, от картины сотворения мира до небесных мифов. Таежник знал предания на память и нараспев читал их, приезжая в гости в кочевье. Садился у очага на мягкие олени шкуры, разложенные по краям чума, пил чай с молоком, говорил стихами день и не молчал, когда звезда зажглась над черными небесами. Слова и мысли старых воспоминаний не искажали теплые угли костра и случайно растворенные в воздухе золотые рифмы.

— Отличные истории о бесконечном союзе звезд с людьми, соединении и сочетании, — сказала звездочка. — Предлагаю лелеять вечно задушевные изустные сказания.

— Хорошо, — сказал похваленный таежник. — Я родился в тайге под счастливой звездой. Ты с неизменным постоянством наблюдала сверху за мной, радовалась успехам и переживала неудачи. Ты сгорала от любви и светила необыкновенно ярко, когда вела меня за собой и учила не дожидаться возможности сделать сразу много хорошего, а и в мелочах и деталях отдаляться от бессмысленности. В череде падений и побед открывала ты бездну звезд ясных и высоких, а я, запутавшись в жизненных нормах и правилах, неотступно искал в твоих законах свой звездный путь. Мечтал по пикам горных вершин кочевать до заветной звезды и в лучах истины вернуться в основание Саян. Много звездных секретов не разгадал и не раскрыл, но стремился к мудрости и любил тайгу. Освещала ярким пламе-

нем звездной пыли для меня ты непостижимые тропинки. В умном небе видел хорошие знаки и в исступлении взбирался к вершинам и осознал закон сокровенной звезды: чтобы быть звездой, надо гореть еще ярче и зажечь другие звезды.

Звездочка вспыхнула неожиданно и удивительно ярко на бездонном бархате черного неба. Светила неподвижная звездочка в безмолвии горных тропинок, и таежник ориентировался по ней, открывая новые миры, развивал воображение. Эмоционально-личностное общение со звездочкой помогало думать о прошлом, жить в настоящем и мечтать о будущем. Если та-

ежник что-то забывал или не понимал, он поднимал голову к разумному небу. Маленькая яркая красавица приходила на помощь, напоминала о мудром отношении к тайге, как к родному дому. Глубочайшая экологическая интуиция, оленеводческая и таежная культура помогали кочевому романтику восстанавливать здоровье планеты, сохранять разнообразие животных и растений. Чуткий таежник, освоивший горную тайгу, толково и разборчиво решал экологические и промысловые задачи на местах. Кочевая оленеводческая культура, как выдающаяся цивилизация Сибири, воспитывалась мудростью поколений, как отмеченных звездочкой людей воспитывали годы для достижения более совершенного состояния.

В бескрайней Вселенной Небо-оленья ласково сияла маленькая звездочка, насыщая горы жизнью. Вселенная, ожившая в человеке, засияла звездным светом и нежностью, таежное сердце во Вселенной сияло изнутри огнем пылающим. Сохраняло переживающее сердце таежника надежду, любовь и верило в свою далекую счастливую звезду.

ПРИТЯЖЕНИЕ ВОСТОЧНОГО САЯНА

На скалистых склонах Восточного Саяна небесная птица Черный Гусь изображалась как солярный символ, летящий в северную сторону с распростертыми ногами, а его перья считались похожими на солнечные лучи, и его почитали братом Луны и Солнца. На зимовку улетал зимой Черный Гусь, и таежные охотники одевались в оленьи шкуры и верхом на оленях спешили добывать пушнину в горной тайге. На лето прилетел Черный Гусь, и кочевали охотники с северными оленями в высокогорную тундру к полярному ягелю. Их стойбища приютились на самых вершинах Саян, выше линии леса под вечными снегами и притягивали перелетных птиц. Оленеводство и охота были исконными занятиями прекрасных следопытов, умеющих читать книгу гор. У умелых оленеводов и великолепных охотников Черный Гусь вписывался в мудрое представление об устройстве жизни и их собственном месте в этой картине мира.

В прежней жизни таежники называли себя детьми Черного Гуся, творца Вселенной. Снежные вершины гор помнят то

время, когда прародитель до сотворения гор и людей жил на небе и создал духов для жизни. Жили вместе с Черным Гусем на небе духи, но Черный Гусь, ведающий судьбой, плавал или летал над бесконечным пространством воды, из воздуха, воды и суши создавая жизнь в горах и реках. Отсылал духов вниз на землю. Крутые и высокие горы, источники и тропики стали населены духами для почитания сути.

— Стезя гуся просторная, — сказал Черный Гусь. — Тропа оленя бесконечная.

Пролетая над горной тундрой, каменистыми реками и каньонами, вдохнул Черный Гусь в северных оленей свой горячий дух, чтобы не замерзло все живое, им рожденное. Сотворил Черный Гусь кочевых таежных оленеводов-

охотников, чтобы чистые романтики в согласии с природой жили семьями и верхом на оленях промышляли охотой. Оживил взаимодействие между всеми созданными им редчайшими духами и материальными телами, которые притягивали к себе все другие одухотворенные существа, находящиеся вокруг. Черный Гусь осуществлял посредничество между духами, людьми, оленями, небом, горами и водой.

Горы Восточного Саяна притягивали к себе все одушевленные объекты, находящиеся на них. Благодаря этому таежники и олени спокойно кочевали по тропинкам, рекам и ледникам и оставались в пределах тундры и тайги, в воздух с духами-оленями не улетали по бескрайним просторам Космоса, а образовывали особенно очаровательную таежную оленеводческую сущность. Убедившись, что на созданной им Тофаларии смогут без грусти и печали жить олени и таежные люди, великий Черный Гусь в таинственном тумане с гусиным снегом улетел в неведомые края, а гнездо его осталось. Оно притягивало к себе людей, оленей и пустоту.

Таежники в ситуации, когда не знали, как поступить, тоже мысленно призывами притягивали к себе Черного Гуся, просто по сравнению с ним сила притяжения их сердец была ничтожно мала. Думающие таежники старались просчитать наперед, для чего давали духи в таежной жизни испытания. Ведь ничего не происходило просто так. Таежники решали: достаточно всего лишь думать о том, что они хотят получить в кочевой жизни,

и всемогущий Черный Гусь сразу же выполнял любой их заказ. Все просто: хотели большое стадо оленей и думали о большом стаде, хотели счастья и рисовали картину своей жизни на отвесных скалах, чтобы быть веселыми и радостными. Мысли действительно Черный Гусь воплощал в жизнь. Своими словами таежные охотники формировали свою судьбу. А если постоянно волновались по поводу трудностей, то лишние сложности только добавлялись.

Таежный охотник очень нуждался в оленях для охоты на пушного зверя. Стал он ходить каждый день на вершину самой высокой горы и просить Черного Гуся, чтобы тот помог ему и обеспечил стадом оленей для удачной добычи соболя. Просил и просил, но ничего в его жизни не менялось. Черный Гусь не слышал прошения, возможно, летал далеко. Дух горы пожалел охотника, прилетел к Черному Гусю.

– Охотник сильно просит стадо оленей, – сказал Дух. – Не слышно его или помочь не хочешь?

– Да помог бы я ему давно, – ответил Черный Гусь. – Но он даже олененка никак не приручит.

Притягивалось в тайге только то, с чем связано прилежное трудолюбие. Одной мысли для работы притяжения было недостаточно. Мысли сбывались только в усердном действии.

Взял охотник в тайге дикого олененка, приручил и вырастил. Стал на нем соболя добывать. Не все желания в тайге исполнял Черный гусь. Причины были разные. Самая обычная причина – ограниченность в тайге пушного зверя. Год оказался неурожайный на кедровый орех, и соболь ушел. Желания таежного охотника исполнялись, но не так, как он просил, и не так, как он думал.

– Я освятил амулет, – сказал охотник. – Притягивать зверя.

– Ну и что? – спросил Черный Гусь. – Притягивает?

– Я поверил в амулет, – ответил охотник. – На меня сразу же выскочил медведь.

Охотник старался внимательно следить за тем, как строить и выражать свои желания. Он понял, что они имеют свойство сбываться. Мечта, чтобы сбываться, должна была быть реальной.

Он пожелал своим оленям стойбище в высоком каменном гнезде выюг, но не мог кочевать быстро за молодыми и энергичными охотниками на медведей. Свою большую мечту он умалял, но и реально оценивал.

— Я мускулистый, — сказал охотник, взойдя на желанную вершину. — Я старательный.

— Зацепистый? — подумал Черный Гусь, усмехнулся и дунул на охотника. — А шаткий ты или стойкий?

Охотник покатился с вершины горы в стойбище к стаду оленей. А когда поднялся, он вновь забрался на пик вершины желанной горы. У него не складывалось впечатление, что все легко и просто в жизни получается. Нельзя спокойно лениться, нужно тяжело работать, нужна самодисциплина и самоконтроль. Мысли воплощались и вели к результату, и охотник активно действовал. Успех действительно приходил при наличии качеств быть упорным и настойчивым, при развитии в себе необходимых навыков. Любая мечта исполнялась, но для этого охотник делал намного больше, чем просто думал о ней.

— Да, я крепкий и матерый, — сказал охотник. — Неистово жизнестойкий.

Поставив перед собой реальные цели, охотник находил подходящую стратегию их достижения, а не мифического притяжения. Он ставил правильные вопросы, всегда искал ответы на них, и приходила помощь. Она, действительно, притягивалась действиями для воплощения мечты. Охотник очень обрадовался. Сначала он не поверил своему счастью, что так бывает. Просто попросил, и все исполнялось. Он боялся, что Черный Гусь что-то попросит взамен. Но Черный Гусь отвечал, что ему ничего не нужно.

— А что может исполниться? — спросил охотник. — Я мечтаю летать?

— Все, — ответил Черный Гусь. — Я слышу твои мысли. Проси.

— Дай мне ростки здоровья, любви, счастья и успеха, — просил охотник. — Дай мне все, и, если у меня все будет, я почувствую, что зачатки желанного счастья я обрел.

Охотник очень радовался и попросил у Черного Гуса теплый и уютный чум. Попросил, чтобы в любви и понимании жена с

ним кочевала. Попросил много оленей и свободы, силы и радости передвижения по буреломам и снегам дремучей тайги. Попросил хорошей погоды на перевалах и малой воды на речных бродах. Попросил найти ответы на все вопросы. Попросил не забыть его, самому не пытаться сделать это, не обидев никого, найти любовь своей мечты.

— Кто теряет мечту, потерял для жизни. Все ты должен созидать сам, — улыбнувшись, ответил Черный Гусь. — Знай, я дарю только важные побуждения причины всех причин.

Ничего не попросив взамен, Черный Гусь легко улетал, словно обнял крыльями всех жалких и бездомных. Непростой казалась таежная жизнь охотнику, она оказалась еще проще, когда он осознал, что все ограничения в его собственных мыслях. Даже если он взлетит, рано или поздно притяжение притянет его на землю. Нельзя было просто сидеть без движения, нужно обязательно что-то было делать. Все стало естественно и реально, когда таежник уверенно понял, чего хотел на самом деле, и брал ответственность за свою жизнь на себя. Когда Черный Гусь вернулся, был поражен: перед ним стоял охотник, и глаза его светились. Черный Гусь сразу понял, что охотник действительно счастливо кочует в притяжении Саянских гор.

— Ты не узнаешь меня? — с улыбкой обратился к нему охотник. — Или не рад видеть?

— Как же так? — сказал Черный Гусь. — Когда я сотворил тебя тысячи лет назад, ты был совсем другой.

— Я знаю, — ответил охотник. — Я не умел добывать огонь, ухаживать и приручать оленят и не промышлял соболя. Но я не потакал своим порокам. Когда ты дал мне поучительный совет, бескорыстный дух, мотивы и предлоги, я сердцем бродячим испил ледяной воды и почувствовал притяжение Саян. Не разучившись страдать, соединил в себе силы небесной и горной сторон. В гулком эхе и холодной зыби ветров не исчез надежды последней наш тотем. Для охоты на пушного зверя приручил стадо северных оленей. Мне больше ничего не оставалось, как в нехоженных горах из отшельника превратиться в кочевого таежного оленевода-охотника. Я спал на кедровых иголках и мечтал летать в округе небесной сини. Северные олени стали моими таежными крылышками, которые стуком сердец вращали пла-

нету и носили меня между мирами, по непроторенным тропинкам и по заснеженным восходам солнца.

Путешественники, планирующие посетить какую-либо неизвестную часть планеты Земля, интересуются ее культурной преемственностью. По кочевому образу жизни, способам хозяйствования оленеводы-охотники Саянских гор ближе к оленеводам Крайнего Севера. По названиям рек, гор и каменным сооружениям на тропинках можно предполагать, что населяли восточносаянские районы охотники и собиратели в вечной вечности и приручали северных оленей. Древние тропинки стерлись под Млечным Путем, но он доныне указывает дорогу перелетным птицам. Небесная птица обладала сверхъестественными силами, оказывала родственным по крови поклонникам покровительство, содействовала их благосостоянию, защищала от козней земных и сверхъестественных врагов, предупреждая об опасности, подавая сигналы к перекочевкам и охоте. Тотемное название предков кочевых таежных оленеводов-охотников «карагасы», что означает: особо почитаемые перелетные птицы — «Черные гуси».

ЗНАМЯ

Блуждая таежной стороною, наша экспедиция случайно набрела на старинное оленеводческое стойбище. На живописном кедровом склоне горы с родниковой водою полыхал кочевой костер, свивая свет Духов пламени в знамя. Пыл костра ластился к рукам, сердце нежно замирало, а котелок над огнем приглашал скромно к обеду. После расспросов о тропинке, о цели похода завязался с седым кочевником неспешно разговор, обновляющий суетный ум. Над темной и сырой тайгой звезды радугой закружились за чашкой горячего чая. Легко велась беседа о мечтах и про жизнь, в которой воплощаются мечты. Незаметно и таинственно приблизилась ночь, и у костра в отблесках ярких присели воспоминания. Таежник умел поддерживать беседу, высказывать свою точку зрения. Мы удивлялись чудом сохранившимся в Саянских горах сказаниям и притчам о походах реального лица — великого полководца Чингисхана. Кочевой костер в ночи людей успокаивал, роднил и возрождал интерес к мифологическим мотивам и связанным с ними представлениям, бытовавшим по просторам в Центральной Азии.

Мы, немного уставшие, молчали и вслушивались, как пели горящие поленья, трещали сучки, звучали слова кочевника о далеких временах. В живых воззрениях прошлого у таежного кочевого оленевода рассыпалась мгла в беспредельную даль. Старик рассказывал о Чингисхане как культурном герое, царствующем Силюю Вечного Неба и светом побеждающем тьму. Он, установивший свадебные обряды и способ приготовления чая на костре, при котором чайные листья варились, надежно

защищавший таежных оленеводов от жадных соседей, в повествованиях старика желал всем мирного преуспевания. Сын Неба тропой добра умело направлял, покровительствовал таежникам, приручающим животных, и кузнечному делу. В легендах он богатырски плавил и ковал железо, на правом берегу таежных рек приручал животных, на другом, на левом, — закаливал свои острые наконечники для стрел. Ковал стремена, подковы и седла, обеспечивавшие стабильную посадку на коне и позволявшие охотникам метко стрелять из лука. Выковывал амулеты, способствующие деторождению. Внутри культа Чингисхана выше всего старый кочевник почитал его военный дух — гений, воплощенный в Знамени.

Мы сидели все вместе вокруг костра, вспоминая о жизни чужой и далекой. На протяжении веков воины-кочевники нес-

ли по степи и горным перевалам Духовное Знамя, копьё, к древку которого чуть ниже наконечника были привязаны пряди гривы лучших коней. Где бы воины ни разбивали стойбище, они утверждали Знамя при входе в юрты как защитный амулет. Знамя всегда оставляли на открытом воздухе, под Вечно Синим Небом. Развевающиеся на ветру пряди вбирали в себя силу солнца и ветра, силу, которую затем получали воины.

Бунчуки использовались по разным случаям и в разной комплектации в зависимости от статуса лица, чью власть они символизировали. В разных походах на знаменах изображались многозначные символы: конь счастья, сокол, барс и двуглавый орел. В Знамя на поле боя собиралась военная сила, к нему обращались слухом и взором. Знамя несло судьбу воинов, и

в Знамя вселялся дух твердый, как алмаз, победоносный, как стяг, и могучий, как орел полководца. Поэтому символ побед, родовое знамя Чингисхана, наделенного силою Вечного Неба, не знающего преград и стен, стали именовать духом. Одухотворение и обожествление Знамени подобно объектам и явлениям природы, Неба и небесных божеств, произошло не случайно. Знамя и символ успеха золотой кнут, возможно, мужественному и аскетичному Сыну Неба, в венах которого текла звездная кровь, помогли объединить разрозненные рода. Был положен конец непрерывной племенной междоусобице, и укрепилось государственное единство. Все подданные Чингисхана, наставляемого Вечным Небом, стали называться единым народом.

В представлениях Чингисхана, обращенного лицом к солнцу, до неузнаваемости перекроившего границы Евразии, Знамя — это душа человека, судьба, с которой связана его жизненная и духовная сила. Согласно этим верованиям, знамя было духом-хранителем не только племени, но и всего народа и войска в

целом. Знамя правителя становилось объектом культа. Родовое знамя Чингисхана представляло собою белое полотнище с летящим соколом, прикрепленное к древку копья. Почитанием пользовались Черное и Белое знамена полководца. Белое — знамя мира и стяжания духа истины. Черное — знамя войны и стяжания духа борьбы. Во время войны в передвижной ставке Чингисхана поднималось Черное знамя, и воины выступали в дальний поход на врага, а в дни мира поднималось Белое знамя.

В подлунной беседе таежника не стирались из памяти тропинки, уводящие в новую даль, по которой обряды кочевников прошли через века. Белое знамя изготавливалось из грив белых жеребцов, черное — из грив вороных жеребцов.

К острию копья, игравшего роль древка, гривы привязывались длинными кистями. Белый цвет у кочевников был почетный цвет. Белое знамя состояло из девяти частей: главное знамя из тонкого белого войлока водружалось в центре с изображением взмывающего в небо сокола, родового фамильного знака Чингисхана. Сокол, бесстрашная, сильная, ловкая и быстрая птица — символ солнца и света, победы и превосходства, красоты и свободы. Сокол — символ победы духа над низменными инстинктами тела. Ловчий сокол — символ верности и образцового исполнения долга, как двигаются вместе тени птиц, летящих по небу, так и добрые и греховные поступки следуют за людьми.

Ночной костер под звездами не гас и верить завещал нам в жизнь. Таежник вспоминал рассказы прадедов, что вокруг центра знамени с четырех сторон крепились восемь малых. При знамени состояло девять знаменосцев. Для знамен в Великой ставке были устроены святилища и разработаны ритуалы. За знаменем Чингисхана всюду следовал никогда не знавший седла и кнута снежно-белый жеребец с черными глазами. За неосед-

ланным жеребцом постоянно ухаживали два очень уважаемых воина. Хранители ханского стяга избавлялись от всех налогов и повинностей. В военное время перед боем для поднятия духа армии знаменам приносились пламенные речи и подношения.

Потемки таежной ночи прорезал яркий всплеск огня. Таежник грустно и негромко шептал, что Черное знамя пятиугольное, на котором золотыми нитями вышивался Дух войны — всадник на коне и девять конских хвостов. Все устройство Знамени было связано с символикой священного числа 9 великого и почитания Духа войны, дающего победу самым доблестным. В ту пору война была в самом разгаре, сражения шли одни за другими. Война для всех была суровым испытанием, в ней выживали те, кто был сильнее духом, неприхотлив и мог в длительных походах спать на голой земле и переносить все тяготы и лишения походной жизни. Стойкие воины, в кулак собрав силы, без еды и воды по нескольку дней обходились. Конину предпочитали не есть вовсе. Конь у монголов был священным животным. Круглый год воины Чингиза питались кумысом — перебродившим кобыльим молоком. По воле всесильного духа войны зажигали огонь победы в груди. Именно знамя с изображением всадника на коне приносило победы Владыке Человечества. Величайший Дух войны был только один и считался невидимым, и никаких истуканов ему не ставили.

Костер тлел, горел, дымились угли, а сердце таежника воспоминания жгли внутри, оставляя в нем свет. Даровав кочевникам очередную победу, Дух войны следил за законами и обычаями войны воюющих сторон. За убийство неприкосновенных дипломатов, переводчиков или парламентаров со знаменосцем Белого знамени, уполномоченных вести переговоры о заключении мира, Дух войны требовал кровавых жертв после битвы, и пленных начальников войск казнили.

Кипел чай в котелке среди треска шипящих углей костерка, и вечность заглядывала в наши сердца. Таежник вспоминал легенды о былом величии золотого века Чингисхана. Восстанавливал в памяти предания, как в уникальном месте силы, у подножия гор Восточного Саяна, хранили реликвии, в торжественные дни ставили маленькую юрту из белого войлока для лука и стрел. Перед юртой стояли конюхи с девятью белыми

жеребцами, в гриву, челку и хвост заплетенными девятью тремя белыми шелковыми лентами, реконструируя знамя Чингисхана. Единство символизировали волосы, которые для Знамени собрались с грив и хвостов белых коней со всей Великой степи. Древко знамени делалось из сосны, росшей на месте рождения Чингисхана. Камень, на котором крепилось Белое знамя, также освящался, поскольку брался с места древней монгольской столицы. Участники обряда обходили все святыни по солнцу, поклонялись им и приносили подношения, из девяти золотых чаш брызгали кобылье молоко. Поклоняясь небу, после того как солнце скрылось за горизонтом, совершили древний ритуал Поклонение Небу и Огню и просили разрешения хозяина гор провести ритуал оживления Белого знамени Чингисхана с использованием специального копья и заложением нового каменного сооружения Обо. Благоприятными знаками Духов, дарующих согласие, были теплая ночь и белая лунная радуга в безоблачном небе.

Сквозь пламя кочевого костра струились следы игривых искр и безмерные гуляния всадников-проводников, связанные с именем Чингисхана и проходившие инстинктивно и невзначай у кочевого костра в закрытом небе полнолуния. Ритуалы оживления Белого знамени, знамени мира и спокойствия, проводились самопроизвольно, словно силуэты снов века, столе-

тия назад. В одно мгновение возрождался интерес к прошлым воззрениям, играющим положительную роль посредника между различными началами и силами — человеком и природой, небом и землей, прошлым и будущим. За всю историю человечества Азия объединялась только один раз и под началом веротерпимой идеологии, совершенного оружия, лучших методов ведения войны и умения справедливо управлять. Духовные

власти всего мира сотрудничали с успешным создателем Чингисханом, за которым шли караваны торговцев и ремесленников. По караванным и почтовым путям были устроены станции на расстояниях одного дня пути и поставлена стража. В империи запрещались пышные титулы. Истреблялись суеверия. Казнили шпионов, лжесвидетелей и колдунов. Соблюдались веротерпимость и свобода слова, признавалась любовь к Богу. От общественных работ освобождались священники, учителя и врачи. Развивалось гостеприимство среди кочевого населения. Запрещалось вступать в брак с родственниками. За храбрость и упорство раздавались ханские ярлыки на звание темников, и повышались требования к чиновникам. Чингисхан учреждал порядок и законы, заботился о преуспевании страны. За кражу, убийства, прелюбодеяния и другие недостойные действия

строго карал. Войска были подразделены также на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. Казнь была положена всякому воину, который покинет определенное ему место. Чингисхан действительно был великим вождем и строителем. Черное и Белое знамена Сына Неба развевались в Сирии и Бирме, Вьетнаме и Венгрии, Индии и Персии, Корею и Сибири, соединяя их в единое государство.

Приглядываясь к неспешно тлевшему тальнику костра в сумерках ночи, вращающихся вокруг Земли, вспоминали о Солнце, спящем где-то. Во времена войн в сердце каждый воин о победе мечтал и не сомневался при встрече ценностных систем, сохраняющих человечность и культуру Востока и Запада. В душах зажигало свет взошедшее белое Солнце и Луна многим народам Евразии, чтобы помнили в пути по обломкам ледяных иллюзий черно-белые заветы своего объединителя, в которых грезой Черный Дух Войны живет. У Чингисхана было белое знамя, но без Сына Неба на его полотне появилось изображение задумчивой черной Луны.

Таинственная истина догорала дотла. Мы просто сидели у костра, думая немного о вечности, немного о бесчисленных путях впереди. Старый кочевник замолчал, ощупывая древнюю монету — талисман, на сторонах которой одновременно присутствовали и Сокол, и Двуглавый Орел. Без излишних слов горечь в душе оседала. Скатилась скупая слеза, поблескивая в свете тлеющих углей, вспыхнувших на мгновение. Под уходящею мглой ночи остыла земля, и в пыли теней кочевой костер догорал. От угольков хвороста уцелели слегка печалью покрытая наших душ разделяющих вечность, черный пепел и седая зола.

СОЛНЕЧНОЕ ГНЕЗДОВЬЕ

В горах Восточного Саяна сохранилось еще немало тайн и загадок, и каждое путешествие туда позволяет открыть что-то новое. Странствуя среди удивительных силуэтов гор, холодного дыхания ледников, осыпей качающихся камней, снежников, готовых сорваться с вершин, бесконечных кедрочей, бурных рек со вкусом чистой воды, легко наткнуться на прекрасное творение человеческих рук. Сотворенное первопроходцами саянских просторов неизвестное сооружение, с необычными очертаниями составленные из камней, на суровом высокогорном хребте, увенчанном снежным пиком горы и перевалом, на самом ветряном месте с важными астрологическими показателями, ошеломляюще необычно. Где небом кончались горы, восхитительная постройка неожиданно стала паломничеством, уходящим историческими корнями в глубины древнекаменных веков.

У ледника, покрывающего склон на соединительной линии между вершиной и перевалом, чудом сохранился лучезарный керексур. Космический вид полусферической насыпи из кам-

ней, от которых разбегались в разные стороны каменные тропинки, упирающиеся в каменную оградку, внешне напоминал облик светила и был завораживающе прекрасен. Центральное место соляного комплекса занимал крупный камень с рисунком парящего Небесного огненного оленя. Позолоченный летающий олень очень напоминал на освещенной солнечным светом поверхности о спасении Матерью-оленихой дитя человека. Под свист ледяных вьюг и бездушных стрел делил дитя человека с белым олененком ее молоко.

— Пусть знает и помнит добро, — Мать-олениха просила Солнце. — Пусть вырастет смелым, оленям защита.

Дитя человека стал козевать по вершинам гор со стадом оленей, соединяя мечты дотронуться до ласкового солнца рукой. Его родительницей стала Мать олениха, а жизнью — лук с острыми стрелами. Ему нравилось странствовать в стране оленей, испытывать всевозможные приключения, узнавать что-то новое и радоваться всем сердцем вместе с оленятами. Благодарный юный сказитель на

месте своего спасения из камней соорудил гнездо и нарисовал картину этой таежной легенды в безмолвии белоснежных вершин. Около этого места никогда не собирал ягод, грибов и не добывал ни зверя, ни птицы.

Рассматривая сотворенное сооружение с высоты вершины горы, проявлялся узор дневного светила, превращая это место в своеобразное жилище солнца. Наблюдая при рассвете и закате положение светила у вершин горных хребтов, видно, что все выстроено по каким-то волшебным и необычным правилам. В мареве лучей в сооружении усматривалось гнездо солнца. В эти гнезда уставшее светило падало и в прохладе и темноте укрывалось, отдыхая, утро ожидая, чтобы окрыленным над горным

миром возродиться. Гнездо на склоне горы много веков назад хранил и берег древний, неведомый кочевой народ оленеводов-охотников, и оно, по поверьям, символизировало собой Мать-олениху в солнечном круге.

Провидение подсказывало, что камни могли быть декорациями необычных торжеств или парадов и связанных с ними мифов и обычаев. У оленеводов-кочевников нет традиционных праздников, но есть дни большой радости. В далекие времена каждый год весной кочевники проводили таежные карнавалы и гулянья. Веселились и ликовали в день прилета Черного гуся, в день духов, принимающих форму оленя и солнца, а поверив в чудеса, хвалили аромат цветения багульника и поток талой воды. Первые праздники благодарности Матери-оленихе возникали на заре человечества как праздники возрождения крыльев из камня, пламени из пепла, тепла изо льда. За труд и усердие в восторге кочевники ликовали по поводу пробуждения солнечных духов для новой жизни и обновления всего живого.

Северные олени кормили, одевали и жить помогали. Мать-олениха всегда была главной радостью таежных жителей. В честь рождения маленьких оленят в стаде устраивали особые дни большой радости. Если в стаде первый олененок появляется на свет беленький как снег, этот день отмечали с эйфорией важного торжества. Хранили обет, данный предкам, ложились и просыпались с именем Матери-оленихи, а в особые дни повязывали специальные ленточки из цветной материи. Ее и детеныша натирали солью и порошили золотой пылью. Своим рождением олененок пробуждал от забытья природу, поднимал ее величие, красоту и чувства. Кажется, олененок приносил саму счастливую жизнь. В окружении тающего льда и снега он смотрел в небеса, такие темно-синие, как его глаза, и видел впервые, как солнышко искрилось. Наверное, поэтому издавна таежные люди считали олененка сыном солнца и покровителем оленеводов-охотников и посвящали ему специальные гулянья.

Олененок впервые вставал на худенькие, подгибающиеся и дрожащие ножки и робко делал первый шаг. Покачиваясь, стоял не познавший гнезда олененок на ножках в первые минуты своей жизни, но очень хорошо ориентировался на местности. Необузданная любознательность не давала ему покоя, он по-

долгу не оставался на одном месте, а умело шел навстречу солнечным лучам и выбирал торжественное гнездо солнца, где в далекие времена Мать-олениха спасла дитя человека. Долгожданный первенец весны медленно заходил в церемонию у чтимых камней и вставал мордочкой к солнцу. Идя по его следу, таежники напевали всевозможные небылицы, что, может быть,

он лег на горную тундру крошечным кусочком Солнца или прилетел на небесных крыльях в образе сна, бесшумно и незаметно подкрадывающегося к оленьему стаду и таежным людям.

Каждый таежный оленевод одевался в оленью шкуру и подходил покормить Мать-олениху любимым лакомством — солью и использовал молоко Матери-оленихи в пищу олененку и для кормления Солнца. В ожидании необыкновенного, не похожего на все то, что они привыкли видеть зимой, в гнезде солнца, на плитах каменных лучей, выкладывали соль, подносили к ценимому камню. Первым кормить солнечного олененка с трепетным страхом и волнением подходил самый уважаемый старейшина. В любви, надежде, мечтах и тревогах нежно держал

олenenка-младенца на своих руках. Олененок доверчиво и смело смотрел в глубину человеческих глаз. Под удары тотемного сердцебиения гул солнечного бубна и славы клич старейшина, преклонив свои колени, с сердцем окрыленным подносил соль олененку и солнцу, спускающемуся с неба. Прodelав путь свой от востока, светило падало в солнечное гнездовье, но свет не гас. В гнезде солнца не было тесно, оно в гнезде озорного олененка обнимало. Олененок от счастья светился и освещал камни. От этой радости старейшина вволю прилюдно плакать не стыдился.

По таежным преданиям, весна приходила тогда, когда рождался белый олененок — дитя теплого Солнца и доброй Матери-оленихи. Он вступал в борьбу со свирепым лунным медведем зимы, предком-родственником. Огромный медведь зимы, со страшными кривыми когтями и обнаженными в свирепом оскале клыками, шкура из снега и льда блестела темно-синими оттенками, глаза он дико таращил. В полупрозрачную тьму тяжелую из ноздрей медведя вырывалось ледяное дыхание. За олененка отважно вступилась Мать-олениха. Она бросалась на медведя, ударяя его передними копытами. Отпугивала хищника от своего малыша и успевала напоить его молоком. Теплое молоко придавало силы олененку, и золотая шерсть его пря-

мыми лучами пронзала холод. От этих теплых лучей таял лед лунного медведя. Медведь отступал за заморозки ледника. Небесную и горную тундру согревало долгожданное разливающееся тепло Солнца.

— Пусть обойдут тебя стороной медведи, волки, рыси, — произносили оленеводы-охотники. — Минуют тебя многоснежные и лютые зимы. Пусть птички предупреждают тебя всегда об опасности.

Кочевые оленеводы верили, что прикосновение к новорожденному белому олененку и кормление его солью в этот день привлекут удачу и избавят от несчастий. Таежные оленеводы по очереди ухаживали и одаривали солью олененка.

— Солнечному олененку весеннему мы рады. Солнце-олень, свети, — приговаривал старейшина, ощущая свет и тепло. — Согрей Дух моего народа. Дай нам оленят, сколько рогов в стаде.

С детства вскормленные оленьим молоком оленеводы-охотники праздновали рождение белого олененка несколько дней кряду. По ночам они не спали. Бежали на любой шорох или малейший крик, от невзгод укрывая небесное дитя, страдающее без солнца. В упорной борьбе за свое существование поддерживали таежное оленеводство в горах и торжественно сохраняли обычай у камней с рисунками Духа, покровителя Матери-оленихи с ветвистыми рогами и солярными знаками.

Вокруг каменных лучей располагалась оградка, выложенная в виде круга из камней, а за ней находилось стадо оленей с новорожденными оленятами. С первыми лучами солнца они глаза немного щурили, наслаждаясь вдоволь чистой красотой. Рядом с ними оленеводы легко и спокойно верили, что превращались кусочки солнца в маленьких оленят, а большие олени — в солнце с лучами. Овладевшие огнем и разнообразными способами охоты на хищных зверей в благодарность покровителю у чтимых камней кочевники оставляли самые дорогие заостренные наконечники из самородков, олени рога с солнечными орнаментами и ленточки, блестящие золотом.

Вслед за ветром в восходящее солнце кочевали люди с оленями, счастьем захлебываясь. Самозабвенно достраивали и украшали любимые камни, когда небо опускалось на скалы и

в периоды длительного ухудшения климата, перерастающего в оледенение, при миграции диких животных в поисках пастбищ и при одомашнивании северных оленей. По законам природы вокруг желанных камней время текло, изменяя природу вокруг. В давние времена кочевые оленеводы-охотники освоили горные территории, создали единую таежную оленеводческую культуру и сложили новые предания в Саянских горах. Таеж-

ные люди шагнули в новую цивилизованную эпоху, приручив местного северного оленя для промысловой охоты на пушного зверя. Они преодолели продовольственный кризис, оставили потомкам свои памятники и настоящие дни большой радости с

веселием, хорошим настроением, неподдельным интересом к происходящему и много позитивных эмоций. Благодаря этому путешествия в таких неизменных и нетронутых местах не только занимательное, но и интересное занятие.

Просыпаясь при первых лучах восходящего солнца, с вершины горы в загадочном керексуре можно увидеть сверкающую драгоценной позолотой Мать-олениху соединенную в одном дыхании с белым олененком, наполненным будущей жизнью. В переводе с древнего языка слово «керексур» значит «гнездовье». Медленно и аккуратно тысячелетиями вблизи вершины почитаемой горы солнечное гнездо вили кочевники, как будто не жаждающая земных богатств, искали в небесах приют. Видеть сегодня неразграбленные и не перемещенные на другие места еще в древности каменные сооружения культурного наследия ранних кочевых оленеводов-охотников своими глазами можете и вы. Собирайтесь и отправляйтесь в познавательное путешествие по горным хребтам, древним, как мироздание, и не забудьте обернуться на оленей, вслед кочующих за Солнцем.

ЛОВЦЫ СЧАСТЬЯ

Высоко в небе, подчиняя стихию воздуха, диковинной красоты перелетные птицы, свободно распахнув крылья, летели стройным клином над холодными скалами гор. От птичьего крика горы в выцветшую твердь поднимали глаза и восхищенно рассматривали пролетающих птиц. Весной, похожей на осень, мокрый снег и дождь, брызгами ветра прикасались к снежным горам.

— Унесите нас, птицы, — просили горы. — Туда, где восходит яркое, круглое и жаркое солнце и звезды светят ярче, чем луна.

Рассекая воздух, мимо гор равнодушно пролетели гордые птицы. Обгоняя друг друга, спешили к заманчивым тайнам светлых миров. Среди них была совсем малютка, не очень красивая, немного наивная птичка, но в окружении перьев-лучиков, чуть-чуть похожая на солнышко. Горела любовью немного необычная, ни разу не пойманная, беззаботная птица. Сердце птицы трепетно билось в груди, как осколок неба излучало удачу и счастье притягивало. Горы, восхищенные стран-

ною птицей, звали малютку, отстающую от стаи, просили не потеряться в пути, а приземлиться.

— Птица висит и кружится средь небес, — всхлипнула эмоционально вершина Желания. — Рвется в сердце тепло и радость.

В пути встречала залетная птица много высоких вершин, ни одна гора не интересовалась ей. У птицы весь мир и голова закружились. Соблазненное нереальной красотой, несмысленное чудо, сделав круг, опустилось на одинокую вершину Желания.

Гора вдруг ощутила ее прикосновение и тепло живого сердца. С неба ничего подобного не прилетало, и вершина изумилась. По крутым склонам горы, захлебываясь, текли ручьями тусклые и горькие слезы страданий.

— Доброе утро. Кто ты? И как тебя зовут? — спросило Желание. — Нахо-

жусь в плену ни с чем не сравнимых чувств?

— Я весенняя птица счастья. Буду рядом с тобой каждый миг, — сказала лучезарная птица. — Осветить я сумею кочевые тропинки.

— Оглянись. Стань земной. Горный мир серых теней немного иной, — с щемящею болью сказала Желание. — В чародейство не поверят от слез намокшие крылья.

— Избежать ошибок нельзя, — сказала лучезарная птица. — Опыт даст отличный ответ.

— Может, в болото уводит тропа, — сказала Желание. — Суть понять невозможно.

— Посмотри реальность обратную, — сказала лучезарная птица. — Лучше судьбе уделять внимание.

— Грустно без успеха, — сказала Желание. — Хотелось небес высоты.

— Стремись к лучшему в заботах, — сказала лучезарная птица. — Забудь излишнее стремление.

— Отвернулась удача, провожая земное время, — сказала Желание. — Улыбки и смех звучат далеким эхом. Пропаду среди пропащих?

— Не грусти, — сказала блестящая птица. — Сияние радостных глаз угрюмые мысли отводит. Не обманывая совесть, сердцем лети за мной в заоблачные дали.

— Незримым крылом ты коснулась страданий, — сказала Желание. — Разбудила запрятанные воспоминания. Могла бы ты остаться здесь?

— Нет. Получишь чудеса здесь и сейчас наяву, — ответила блестящая птица. — Твори добро, и шикарные сбудутся сказки. Мне совсем в другую сторону.

— Не забывай, — едва дыша, сказала Желание. — Под крыльями твоими хорошо и тепло. Ты прилетишь ко мне?

— Возможно, — ответила птица. — Даю тебе обещание. Сердцем жди.

— Это печально! — сказала Желание. — Но еще печальнее будет, если я вообще больше не увижу тебя.

Вершина Желания была счастлива, услышав все это, вместе стремились сердцами они на свободу и плакали от печали. Желание образумилось, набралось разума, его сновидения реальны, на глазах появились блестящие слезы радости. Птица

вспорхнула и в прекрасном состоянии полета, в высоте шире обозревала горы. Этот мир птице нравился, встречала в одно мгновенье чудные грезы и существующие реальности.

Появления птицы с нетерпением ждала вторая устремленная вершина – сокровенная Мечта. Манила она птицу и звала. Мечтала вершина Мечты без злобы и без зависти любить весь мир,

сотканный из любви, быть любимой и восхищаться. Сердце вершины Мечты было разбито в ожидании счастья. С горы искрился и стекал, как слеза, чистый ручей.

– Легкие крылья и счастливая улыбка будут отражаться в моем взгляде, – вздохнула мыслью Мечта. – Принесла нам добро и покой.

– Ты чудесно мала и почти неразличима, – сказала светозарная птица. – Потрясаешь роскошными крыльями.

– Я слаба в ожидании чуда, – сказала Мечта. –

Ты меня воплотить сумеешь? Не оставишь меня? Помечтаем вдвоем о хорошем.

– Золотыми словами обманешь? – сказала светозарная птица. – Мечта, ты станешь явью?

– Дорог дивный мир без страданий, обид и боли, – не волнуясь, сказала вожденная Мечта. – Не хочу иной судьбы.

– Сердце свое отвори, – сказала светоносная птица. – Много радости сделать мы сможем.

– В мыслях чародейственная красота, – манила Мечта. – Охватим вдвоем необъятное.

– Чарующе жить мешает суета, – сказала светоносная птица. – Ощутить полет интересно.

— В утешении моя суть, — сказала Мечта. — В сердце не иметь печали.

— Не скрывая нежности и ласки, уводишь в дальний путь, — сказала милая птица. — Силой жизни уллучшаешь настроение.

— Есть мечтать о чем, — улыбнулась во тьме Мечта. — Мгновенье призрака счастья длится. Как хорошо нам вместе!

— Ты всегда находишь свой путь, — сказала светоносная птица. — Судьба пойдет своей тропой.

— Во сне и дреме надеждою греешь сердце, — произнесла Мечта. — Верю, счастье можно ощущать.

— Приятно полетать и во сне, и наяву, если есть о чем мечтать, — сказала светоносная птица. — Парить без границ и без преград, осуществляя страстные стремления.

— Спокойной ночи, — произнесла Мечта. — Испытали блаженно в осознании побуждения.

— Привыкай счастливой быть! — сказала светоносная птица. — Сердцем научись расцветать и искренне удивляться. Любить в ожидании нового дня.

В бесконечно суровую реальность высоких и низких вершин, мгновенно сладким призраком счастья вернулось весеннее чудо из чудес. Махнула крылом малюсенькая птица, от прежних отуманенных неба и гор оттолкнулась и расколотой молнией полетела к озаренной новой жизни. В блеске безумства звезд и солнечного света, распахнув сердце настезь, быстрым временем мчалась птица, добротой наполняя сердца вершин. Пролетев через дальние дали, выдыхала радость, озаряя лучистым светом, исцеляла, спасала, грела, проносилась немножечко мимо незапертого бездонного мира.

В отсветах дней и ночей, глотая радость, вершины Желания и Мечта наяву и во сне наблюдали за летающей заветной птицей, друг друга ни на миг не покидая. Незримо ощущая, что их больше чем вдвое, принимая жизнь целиком, по-иному. У вершин снова появилась надежда, что, перелетая, птица счастья однажды вернется и может остаться навсегда. Светоносная птица, расправив нежные крылья, счастьем обернется. Вершины, вытирая слезы радости, вдруг прозрели, счастье ловить не надо, его тонкое очарование чувствовали внутри.

ЗИМНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Путешественникам всегда кажется, что необычные, диковинные земли лежат где-то за горизонтом далеких морей. И, устремляясь к ним, мы проскакиваем, не замечая того, что совсем рядом. Природа Сибири поражает своей мощью и красива в любое время года. Тофалария — труднодоступный, суровый, но при этом и самый притягательный, значимый и очаровательный уголок Восточного Саяна. Снежные вершины гор, каменистые реки, багульник, олени, труднопроходимая тайга, горная тундра, скалистые пики, бурные ручьи, моховые болота, ягоды, места обитания духов и в гармонии со всем этим миром мыслящий, располагающий облик таежных людей.

Нас заносит в неизведанные уголки нашей родины, что порой мы сами удивляемся, что таковые существуют. Длительное зимнее путешествие по Снежным горам было сокровенным желанием всей моей жизни. Ради чего? Проверить свои возможности, открыть действительно другой мир, где зима похожа на сказку, когда на речках встает лед и многие маршруты становятся проще, а сопки покрываются снегом и живописные и

легендарные каньоны — доступнее. Там, среди Снежных гор, вовсе не сизая мгла, там тысячелетиями живут горно-таежные северные олени и обладающие большой душой кочевые таежные оленеводы-охотники. Отправляясь с ними в путешествие, я надеялся приобрести новый опыт и жизненные уроки.

— Если дело делаешь от души, то короче покажутся тропинки, — звучали слова старейшины. — Береги оленя, он сбережет тебя в пургу.

Зимнее путешествие ничем не хуже летнего, а в чем-то даже и лучше. Зимой, как правило, ясная погода и хорошая видимость. Зимнее небо по-особенному красиво, а воздух такой, что им не просто дышишь, а его пьешь. Путешествие в одиночку по Снежным горам зимой представлялось мне предприятием рискованным. Снежные горы — это архаичный мир, и именно поэтому цена мелочной ошибки в расчетах здесь очень велика. Надеюсь на успех зимней экспедиции, я грамотно готовился к ней. Опасался всего: например, замерзнуть. Предусмотрительно сформировал маршрут из Нижнеудинска до Республики Тыва и решил вопросы организации и безопасности. Большинство страхов улетучилось после первого же ужина с горячим чаем и ночевкой с хвойным ароматом дыма от костерка в оленеводческом чуме. На следующий день вышло ласковое солнце. Картинка переменялась: вокруг заснеженные кедры, пики гор блестели, мороз трещал, олени дружелюбно ходили рядом. Для уверенности я решил путешествовать с оленями пешком. Вставал рано утром, брал рюкзак и совершал длительные переходы. На закате свет переливался из оранжевого в лиловый. На небе подмигивали первые звездочки. От радости они танцевали, срывались и падали на вершины в фантастическом звездопаде. Легкая луна кочевала вместе с нами, и казалось, что ее очень легко погладить рукой. А прямо над нами висела Полярная звезда, вокруг которой двигались созвездия Большой Медведицы.

— Дым из чума к земле идет, мороза не будет, — приговаривал старейшина. — В глубоком снегу не замерзнем.

Снежные горы, ущелья, промерзшие долины и водопады не игровое пространство, где мы удовлетворяли свои амбиции покорителей природы. Снежные горы — величественные храмы

идеальной гармонии, имеющие власть звать в свои края и где кочевые таежники исповедуют свои обычаи и правила. Владея ими, уважая их, таежники соблюдали единственное условие для полного наслаждения захватывающим образом таежной жизни. Таежники часами смотрели на Снежные горы и своих прародителей-оленей снизу вверх. Это поначалу казалось мне странным, что они разговаривали со Снежными горами. Животные, растения и даже камни могли говорить с людьми и разговаривать между собой. Отсюда я наблюдал таежные изречения:

«И у горы есть глаза»,
«И камни говорят». Я старался понять, ждут Снежные горы меня или нет, допустят они меня в свои анимистические представления и размышления.

— Чай ароматней, если он с добрым другом разделен, — звучали слова старейшины. — Оставленный в горах запас — и для нас, и для вас.

Люди и олени, находясь в жестких климатических условиях, объединенные общей идеей, одухотворяли явления окружающего мира, общались, решали общие задачи. Все горы и явления объективной действительности, как нечто себе подобное, наделяли таежники желаниями, волей, эмоциями. Небо и горы, солнце и луна, снег и ветер, звезды и планеты, лед рек и водопадов, даже отдельные деревья были в глазах таежников одушевленными и разумными существами, чьей благосклонности они добивались. Помощь, взаимовыручка, просто нахождение вместе объединяли горы, оленей и людей до таежного братства. Это неотъемлемая часть Снежных гор, она хороша и радует. Я счастлив, что познакомился с таежными людьми, которых мне подарили Снежные горы. Благодарил их, что мы были объединены идеей путешествий и исследований.

— Мы не боимся смотреть в глаза Солнце-оленю, — звучали пожелания старейшины. — Не всегда ровная тропинка, а если оленя обижать, то и на привязи не удержат.

Зимой здесь нереально красиво и тихо. Под открытым небом стоят чумы и тянутся тропинки непревзойденных знатоков тайги. Полностью погружаясь в природу, я шел пешком по снегу и ехал верхом на оленях. В общем, предался тихим, уютным развлечениям, о которых всегда мечтал. Напрягался интеллектуально в таинственности страны снега и скал. В Восточном Саяне сохранилось немало тайн и загадок, а зимнее путешествие туда позволило открыть что-то новое. Странствуя среди удивительных силуэтов гор, холодного дыхания ледников, осыпей качающихся камней, снежников, готовых сорваться с вершин, бесконечных кедрачей, открывал прекрасные творения человеческих рук. Впечатления от сотворенных первопроходцами саянских просторов неизвестных сооружений из камней, уходящих историческими корнями в глубины веков, украшали аналитическую часть похода.

Осмотр памятных камней родовых угодий на почитаемых вершинах, изучение островерхих куч сакральных Обо на стойбищах и перевалах или поиск составленных в два параллельных ряда так, как рога должны были стоять у бегущих один за другим оленей, или расшифровка символических знаков на наскальных рисунках прогоняли серость бытия. Из глубин веков зывали к нам живые голоса. Они сближали человека с человеком, род с родом, народ с народом. Они дальновидно остерегали потребительски относиться к природе, учили думать о завтрашнем дне. От рисунков соляных знаков в виде кругов, лунных — в виде рожков, оббегающих спиралей — символа небесного движения во времени начинались все наши пути к таежным мифам о неразгаданных оленях.

— Оленю лучшая мерка — на тропинке проверка, — звучали отклики старейшины. — Человек похож на оленя, который идет по протоптанной тропинке.

Таежники не были равнодушны во взаимоотношении с могучими и непостижимыми стихиями. Наблюдая за небом, изучали движение солнца, луны и звезд, точно устанавливали дни зимнего солнцестояния, весеннего равноденствия, определяли число дней в путешествии. А в мифах таежники искали благоволение. На мифическом крылатом олене старейшина в дни зимнего солнцестояния отправлялся в путь по золотой тропе оживлять животворящее Солнце. Его златосияющий, златолучистый, творящий, излучающий, милостивый Дух дарил свет и жизнь. Мудрый Дух, щедро дающий разум, идеальное здоровье и продление земной жизни, силой стремления превращал туман внутри сердец таежников в раскаленное и пылающее солнце. Возможно, это зимнее путешествие помогало найти то, чего так не хватало нашим сердцам, и помогло обогатиться опытом и переживаниями, недоступными в обыденной оседлой жизни.

— Мы — люди Солнце-оленья, и нашему воображению кажется, что вся природа оживлена, населена и наполнена духовными существами, — свидетельствует старожил, способный приручать диких животных. — Одушевленные Небо и Горы охраняют и производят все существующее и предпочитают белый, солнечный цвет в оленях.

Способом выживания таежников в студеном краю стали чувства, сродненные с грозной природной стихией, и они чувствовали их родственными себе, одушевленными существами, которых можно умиловить. Мифы об Небо-оленья, сильном, умном, помогающем людям, учили, как правильно себя вести в Снежных горах. Таежники в пути тихо пели старинные песни о Сотворении. Древние таежные люди уверяли, что Мудрый Дух прибыл в горы как посланник звездного мира и обладал мощными сверхъестественными способностями оживления и застывания природы. Благородный Солнце-оленья был участником Сотворения всего существующего на земле и надежным хранителем разумных тропинок к тайникам бескрайнего мира счастья, приносящего удачу в промыслах самым достойным людям. Он требователен, неподкупен и не терпит человеческой фальши. У Солнце-оленья есть свое настроение, сознательность, сила и открытое сердце. Только искренним и преданным сердцам, влюбленным в Снежные горы, открывает он свои тропы.

— Часто меняешь решения и направления — не заслужишь уважения, — звучало эхо старейшины. — Если у кочевника сердце спит, не узнает он радости.

По поверьям, все, что окружало таежников и добывалось ими в промысловом деле, давалось высшими силами, а потому надо было с благодарностью принимать их дары и стараться не обижать духов-покровителей своими поступками. Таежные люди открывали свои сердца навстречу Солнцеленю, хозяину Снежных гор. Искренность, собранность и любовь к путешествиям — это умонастроение таежных кочевых оленеводов-охотников. Таежная культура оживала в древних мифах Восточного Саяна и передавалась устно из поколения в поколение, от отца к сыну. Обычай почитания крылатых оленей-птиц, посвященные Солнцу, сохранились до наших дней.

Олени, покровители таежных оленеводов, назывались солнечными, а оленията — детьми солнца. Отсюда и возникал интерес у путешественников к памятникам изобразительного искусства и устному народному творчеству таежной словесности, к богатому наследию предков.

— Олень гордо несет голову, и ты высоко держи свои мысли, — звучала речь старейшины. — Когда есть еда, то в метель и стужу можно в чуме сказку слушать.

Почитание оленя в Снежных горах можно назвать не случайным. Наскальные и словесные мифы являются историей и летописью для таежников. Фольклор отражал духовность таежных людей, мудрый ум, доброжелательный дух, мировоззрение, нравы, обычаи, характер и силу. Все это — отблеск глубокой духовной связи таежных кочевых оленеводов-охотников с северным оленем — символом благородной души человека.

ЗЛАТОЙ АЛТАРЬ

Восхождение на гордую гору по золотым стопам укладывалось в не один день для почитателя Солнца из сообщества таежных кочевых оленеводов-охотников и собирателей лекарственных трав. Наблюдая за движением звезд, шел странник все время на восток с места на новое место и верил, что обязательно найдет, где рождается сверкающий луч, место золотого счастливого Рассвета.

Он поднялся на перевал и прошел по гребню хребта с каменным лабиринтом. Долго искал узкий естественный коридор между бессердечными скалами и завалами из щебня и кусков льда. Измотанный затяжным подъемом, странник перебрался на алмазную россыпь снега и льда угрюмого ледника. Старый ледник одиноко дремал. Странник поднял голову, и перед его взором предстал возвышающийся над гранитной стеной снежный купол вершины горы.

Остроконечная вершина горы была запретным местом, на которое разрешалось заходить в день весеннего равноденствия. Чтобы не тревожить духов, она не позволяла подняться на вер-

шину тем, кто к этому не готов. Вершина была рядом, но после многочасовой ходьбы по нагромождениям обломков утесов, срываясь и подымаясь, странник остановился у края ледника для убедительного прошения. Ослабевший странник просил гору дать возможность достойно перенести испытания на мужество и выносливость, уговаривал милостиво разрешить подъем вверх по заполненному вечными снегами и скалами склону на самый пик. Погода на маршруте по несколько раз менялась. Туманы чередовались со снегом и резкими порывами колючего ветра. Ледник дышал полной грудью с таинством холодных слез и промерзшим воздухом. По северному склону скользила мягкими крылами непредсказуемая лавина, сокрушая все на своем пути.

Перемещаясь с большой осторожностью, странник нашел верный путь на очень крутом каменистом склоне. Продвигался вверх по тропинке, идущей вдоль кромки тающего снежника, петляющей среди кустарников и осыпей камней. С трудом пролез по гребню и наконец достиг желанной площадки на вершине горы. Подъем закончился, и странник радостно благодарил гору за то, что позволила взойти на сияющую под небесами венцами вершину.

Жадно вдыхая чистый воздух, странник любовался величественным ожерельем из семи драгоценных каменных пирамид, напоминающих своими формами высоко вздымающиеся в небо лучи огромного сияющего солнца. В центре круглого каменного украшения увидел неподвластный людским силам истинный Алтарь Солнца во всей ослепительной красе.

Странник долго бродил вокруг узора из цветных камней, настраивался и со страхом потери удачи рукой трогал теплые булыжники в каждой из пирамид. Эти диковинные камни легко дарили всем, кто к ним прикасался, богатство и счастье. Рядом с лучистой выкладкой на уютной поляне он загреб золу для зажжения у алтарного очага. Сидел всю ночь прямо под открытым небом, глядя на яркие звезды и новолуние, делился с ними частицами своей любви. Длительность утомленного дня и бессонницы ночи оказались равны. Беспечная минутка отдыха в реальность возвращала, и следов невыносимой усталости не стало.

В счастье окунаясь, странник обратился лицом к востоку, к той стороне горизонта, откуда Солнце приходит. Первый животворный луч восходящего Солнца родился и зажег алтарный огонь, кружево камней засветилось в бледной скучно текущей туманности под усыпанным звездами мятущимся небом, которое каждую минуту встревоженно меняло цвет. Во мраке и стуже переливались темно-красные оттенки. Первый, совсем маленький солнечный лучик видимого света, прорезав утренний сумрак, прошел сквозь витраж пирамид и взглянул на красоту и блеск огромного кристалла бесцветного аквамарина, лежащего на Алтаре, золотом сокровище Хозяйки жизни. Лучик щедро осветил, обогрел своим теплом необыкновенный камень и растворился в прозрачной глубине его орнамента.

Не поднимая голову вверх, чтобы не смотреть на темноту красного неба, сжимающимся от холода сердцем и вниз понурив взор, приблизился странник к Алтарному лику. Сердечным сгустком всех страданий просил помощи у очертания исходящего света. Лучик ослепил его глаза рукой яркого света так неожиданно, что странник на какое-то мгновение совсем перестал видеть. Стоял со страхом и думал, что его трясущееся тело может сгореть дотла и в клочья пепла разорваться. Неожиданно странник почувствовал, что этот Лучик проник в его обнаженное сердце и оно заиграло пламенным теплом, озарилось ожившим светом.

— Что это за чудо? Я окутан солнечными лучами любви из своего сердца, поэтому оно так очарованно сияет. Добрый Солнечный Лучик, раскрой свою тайну, — робко попросил странник. — Ты живешь только для того, чтобы осветить и согреть мое счастье, мою радость?

— Всякая радость и улыбка, которую я вызываю, еще более увеличивает мой блеск, — признался Лучик. — Чем больше я свечу и грею все вокруг, тем светлее и теплее мне самому.

Лучик, каким-то особым благодатным светом озаряя, наполнил чистый Алтарь и все пространство незыблемой вечностью, радостью и покоем. Тихо и вдохновенно мерцал первоначальный свет танцующего Лучика в таинственном сплетении безмолвных осколков блестящих граней драгоценных камней и края темной позолоты. Сжатой стала Небесная Вечность. Странник с удив-

лением посмотрел в светлую бездну и затаенную пустоту зрачка прозрачного Великого валуна аквамарина, блестящего и переливающегося в обрамлении изысканного венца текучего Алтарного золота. Он одел его в золотые одежды и осыпал золотым песком, и он получил энергию великого светила. Он, долго не отрывая глаз, созерцал пульсирующими зрачками в зеницу ока Солнечной бездны, и огненный шар начал смотреть на него.

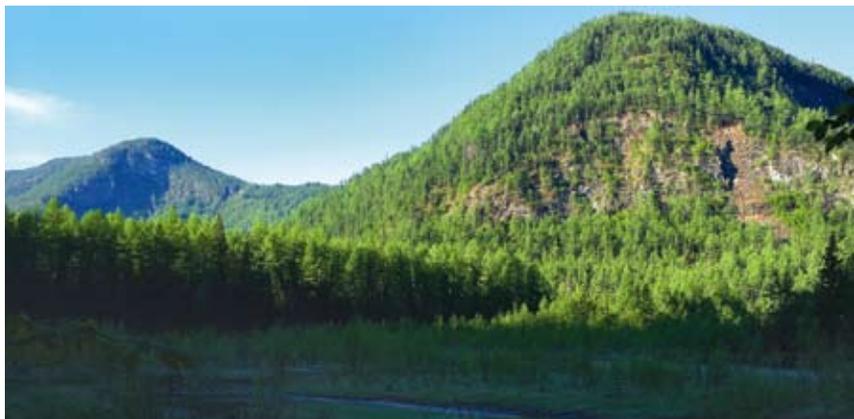
Неожиданно их взгляды встретились. Они в упор смотрели друг в друга, мутный зрачок и мудрый зрачок, зияющая глубь и необъятная бездна. Веко странника вздрогнуло, а сердце сжалось в комочек. Осветившись хрустальным пламенем всего на миг, зрачки странника сузились до черноты, и он увидел начало своего пробуждения одновременно со всей Природой.

— Наша жизнь не темная, как камень. Она видна через прозрачные кристаллы твоего Алтаря, отражает твой свет, — сказал странник. — Восходящее Солнце, зажги хрусталь сердец, который есть в каждом из таежных людей, и поддержи этот свет.

В крепко спящих камнях пирамид Лучик неотразимым потоком искр разбудил яркий цвет. Заглядывал в открытые очи камней, играл в них солнечными зайчиками и радугой красивых оттенков. Каждый камушек забирал у Лучика свой цвет,

что ему был положен. Зеркала душ рубинов светились бездонным красным цветом, сапфиров — синим, опалов — оранжевым, топазов — желтым, изумрудов — зеленым, агатов — лазурью и аметистов — фиолетовым. Искрой любви Лучик пробился сквозь маленький Рай распустившихся каменных Первоцветов и крылатой мечтой вернулся на золотой Алтарь. Выражая яр-

кие эмоции, радость и окутываясь мистической тайной и волшебством, все цвета семи необычайных каменных пирамид в себя вобрал невиданный Алтарь. Отбрасывал блики и отражал алмазный трепет камней, стал нарядней, завораживая своим чудесным блеском. Согретый Лучиком света, распустившийся цветок каменного аквамарина чудно оживил расшитый проточным золотом изменчивый Алтарь. В нем оживали легенды и мифы, насквозь пронизанные культовым сиянием солнца и золота. Бросая золотой песок, просил Солнце не гневаться и послать таежным людям в высоком полете мир и богатство.

— Прародитель, ласковый Лучик, расцветая всеми цветами радуги, зажги в наших каменных сердцах разноцветные фонарики, — просил странник. — Научи бродягу, не сбиваясь с пути, улыбаясь от счастья, идти по тропе в Священном круге полноценной жизни, оставляя за собой цветущую тундру.

Алтарь принимал силу помыслов, светлые мысли, положительные эмоции и чувства. Источнику жизни доверил свои самые сокровенные раздумья странник, отдавал частицу себя

и получил взамен кое-что ценное, но неосязаемое. Заряжался энергией Лучика света и обратил внимание на свои мысли. Чистые помыслы всегда сопровождали удача и хорошие внешние обстоятельства.

— Мечты твои как цветы. Чем больше полюбим мы мир, тем лучше он будет для нас, — сказал Лучик. — Цветок не теряет своей красоты, оттого что рядом с ним цветет другой.

Страннику стало легко. Зима закончилась в момент истинного примирения разнонаправленных сил. Темные и мрачные зимние дни, так похожие на ночи, медленно, но верно уступили место свету и теплу. Стало небо светлее и воздух прозрачней. Световой день прибавлялся и приносил гораздо больше удачи. Настала пора всерьез подумать о том, что сделать хорошего, и начать строить планы на будущее. Сегодня странник находился за пределами своих достижений и был выше всех в Саянских горах.

Пламенный ореол Великого камня побледнел, и раскаленный добела металл Алтаря потускнел. Сочный и глубокий Лучик отдал тепло и свет, стал совсем тоненький и блеклый. Блеснув в чудесном золотом просвете каменного венка, любопытный лучик смело скользнул сквозь закованный в алмазный лед жуткий обрыв к изумрудной тундре, где в проталинах запели горные ручьи, срывающиеся в моховые болота. Приветливый Лучик в полете сталкивался с чуть-чуть морозящим дождиком и переливающейся радугой. Отскакивал Лучик от катившихся с чудовищным ревом грязевых селей и рычащего копошения ледоходов. Откликаясь на призыв бескрайнего простора, златой Лучик спешил к границе светлевого мира, в те места, где появлялись первые нежные всходы улыбающихся живых подснежников Первоцветов, одного из самых приятных признаков юной Весны.

В чудной майской прохладе, пробудившись от зимнего сна, половина солнышка восходила на небесную тундру и встретила заблудившийся мокрый и унылый Дождь. С него ручьями стекала вода, его глаза были полны слез.

— Облако закрыло всю небесную тундру, — журчал наивный Дождь. — Во тьме забыта душа цветов. Не расцветают цветы в высокогорной тундре.

Солнце растрогалось, решило понравиться и познакомиться с холодным Облаком. Оно беспечно висело без движения, закрывая мир темной пеленой, изредка поигрывало молниями.

— Не заслоняй синюю тундру, — просило Солнце. — Пропусти луч света через сердце.

— Я отражение холода, — ответило Облако грозой раскатною. — Размокшее сердце замерло, не дыша.

Нахмурилось облако и заплакало, угрюмый дождь падал жмущимися друг к дружке рваными клочьями безрадостно. От жалости сердце Солнца сильно сжалось, и оно начало самыми теплыми и самыми свет-

лыми лучиками согревать пасмурное Облако. На грани между грозой и солнечным светом с Дождем расставаясь, призрачной дымкой мрачное Облако растаяло. Разделило лазурную полоску небесной тундры на две светлые половины. Небесная тундра не сложилось воедино. В безумно красивой половинке синего небосвода, в полурадости и полулыбке, блистая яркими, великолепными красками, засияла красавица—половина раду-

ги. Вторую половину темно-серой небесной тундры заполнило радостное Солнце своими лучами. Влюбилось Солнце в молодую и прекрасную, как майское утро, Радугу. Издали Солнце видело желанную Радугу и захотело догнать ее. Солнце понимало, что половины счастья не бывает, хотело целого. На фоне туманной дымки Радуга нежным желтым, оранжевым, красным цветом, ярче огня и белее снега, дугой повисла над горной тундрой. Сверкала в небесной тундре, где на ней искрились, играя в солнечных лучах, крылатые водные брызги. Солнце летело за Радугой немного сзади, не поравнявшись, спутницу жизни не настигало. На лету опускала Радуга ярчайшую дугу в майские капли росы, соединяя наполовину вместе небо, горы, Солнце и дневную луну.

— Люблю тебя больше, чем небо, — вздыхало Солнце без обмана. — Сердце счастья просит!

— В твоих объятиях сгорю, — вздыхала Радуга. — Ты создал меня своими лучами.

Медленно розовато-сиреневый закат полыхал, и день угас. Улыбаясь звездопаду, Солнце ушло в половинку сна. Молчаливая Радуга по-прежнему светилась дивно семицветно, переливаясь красками, не гасла при полной луне до рассвета. Свежим утром над горной тундрой взошла половина солнышка. Лучи его, похожие на цветы, перемешивались с переливами Радуги. Под сводом рассвета чудесная Радуга рассыпалась, превращаясь в алые, оранжевые, красные, синие и белые цветы. Когда же Солнце достигло зенита, у Радуги остались лишь желто-золотистый и ярко-лиловый цвет. Улыбнулся в рассвете надежды нежно-желтый цвет, смешавшись с солнечными лучами, упал на вечнозеленый кустарник, растущий по каменистым россыпям и среди кедрового стланика гор, и он, словно звезды, кустисто расцвел золотистой кашкарою. Насыщенный лиловый цвет, смешавшись с росой плаксы-тумана, упал на жалкий оголенный ветвистый кустарник, растущий по курумникам и моховой тундре, и он сочно расцвел очаровательными розовыми цветочными слезами душистого багульника.

НИТИ СУДЬБЫ

Гора-звездочет была ледяная, тяжелая, великая и очень гордилась этим. Олени проходили мимо, как тени, она не обращала на них внимание. Равнодушная гора была одинока, гордо и холодно смотрела на их таежную суету и легкомысленность тундры. Гора не знала, зачем жила. Она любила считать знаменитые звездочки и мечтать, что заметит невидимую нить любви среди тысяч встреченных славных светил. Она иногда смотрела на маячившую во Вселенной холодную Луну. Пепельная скиталица бесконечно ложно отражала лишь часть падающего на нее света от светящейся звезды. Ждала Гора немеркнущее светило, незримо отпущенная серебряными нитями холодных звезд и Луны. Ожидала восход этой звездной судьбы, находящейся на другой стороне горной тундры.

Их встречу невозможно повторить. Вначале над сумрачно-мглистой горой мелькнула невидимая красная нить на заре, связывающая их вместе. Исчезли преграды: обстоятельства, время и расстояния. Розовая нить начинала сокращаться до тех пор, пока Гора и Солнце не встретились. О дружбе огня и льда

Солнце всю жизнь мечтало. Взлетело Солнце в спелой любви, обожгло и ошеломило. Необыкновенная Гора засветилась прекрасным розово-золотистым светом в лучах восходящего солнца. Ее удивленные белесые глаза стали прозрачно-синими.

— Она красивая, — подумало Солнце. — Не могу оторвать от нее взгляд.

Сомневающаяся Гора сначала очень холодно встретила Солнце и не сразу разрешила ему приблизиться к вершине. Но Солнце было так доброжелательно и мило с нею, что в конце концов настороженная Гора уступила. И Солнце взойшло на остроконечную вершину и тянуло к ней золотые нити судьбы. Целилось лучами в самое сердце Горы. Пылающей нитью сердце сдавило. Однако гордая Гора не позволяла ему находиться долго в зените, и Солнце вынуждено было спускаться по скалам вниз огненной головой.

— Солнце, ты светишь, все радуются, — сказала Гора. — Уходишь, все ждут тебя?

— В сердце счастье накопилось, — отвечало Солнце. — Дарю я теплый свет и отражения.

Медлительная Гора задумалась над формулой счастья. Что-то невнятное случилось. Обожгла Гора о Солнце оледенелое сердце. Гора раньше неподражаемые звезды в сердце собирала. В намороженный узор сердца вошел кусочек Солнца незакатного. В глубине ее каменной груди царили колеблющие сомнения и загадочный солнечный лед. Страх упирался в отвагу, холод — в тепло и явь — в неприглашенные сны.

В невезении влюбленное закатное Солнце беспристрастным обесцвеченным взглядом встречали Луна и кружившие пургой вечные звезды. Манили миражами надежд. Дарили, тьмой украшая, отброшенный жребий. Ночь бежала в отсутствии света, окутывая непрошеными снами. Нить судьбы во тьме запустения растягивалась и сжималась, но силою солнечного сплетения никогда не рвалась. Солнце осознало, судьба не обманула, она просто их на время развела. Не упуская последней возможности новой встречи, все, как всегда, пойдет по кругу. Предвкушая новую встречу, тянулось Солнце за мечтою. С неосознанной жаждой жить у ног Горы и в ее сердце нетерпеливое Солнце вставало на ощупь.

Увидела Гора красную нить зари над оленями в изломе скалы. Задумалась и совсем не боялась обжечься. Солнце пылало, мотало страшно, переплетая нити, пересекая судьбы. Гора почувствовала, что звезды загорелись в покрытом инеем сердце. Солнце всходило, сильно слепило. Новое чувство на грани обрыва нежными лучами удивило, пугало, будило. Оставаясь внешне холодной, внутри все больше со стоном нагревалось сердце от солнечного света. Гора, слезу невольную смахнув, беспечно испытала мгновение любви. В стылом сердце проснулся спавший вулкан окрыленных чувств. Оживилась линия жизни. Гора, обновляясь, смотрела на Солнце глазами синими, почти под цвет талой воды.

Олененок кочевал, медленно обходя ущелья и водопады. Подымаясь вверх к перевалу, дышал тяжело. Каждый шаг делал с большим трудом, понимая, что всего лишь устал. Продолжал подъем в горы. Обессилевший Олененок чувствовал, что усталость все увеличивается, и начал реально ощущать физическую невозможность

сделать следующий шаг. Стараясь забыть о мрачных мыслях, он осмотрелся. Туман, снег и ветер охраняли горный перевал, ведущий к жилищам заманчивых отблесков. Всегда они были начеку. Туман стерег правую часть перевала, снег — левую. Затуманенные просветы рассыпчатым калейдоскопом накрывали темные крылья белого снега. Ветер тщательно проверял на вершине каждый камень и каждый цветок, иногда открывая просветы для лучезарного света.

Рядом с Солнцем с удивлением Олененок увидел легкокрылую Луну, влюбленную в пространство и свет. Верхняя сторона алмазного круга поднебесной красавицы светилась ярко-оранжевым узором, сплетенным с крупными темными пятнами. Из-под светло-фиолетовых порхающих крыльев серебрились в

огранке гор точки, облитые лазурью. В изящном полете Луна искала проблески солнечного света, словно дышала. Тропинка, ведущая на седалище перевала, Луна и Солнце выстроились на одной линии. Луна полностью скрыла Солнце. Мрак затемнил свет, и появились планеты и яркие звезды. Вокруг солнечного диска Олененок неожиданно взгрустнул и с помраченным сознанием или воображением наблюдал в оттенках перевала солнечную корону. Солнце сквозь Луну властно светило в короне на алом горном престоле. Корона сияла серебряным цветом около черного круга. Менялись наклоны теней в мыслях о себе. В холодных сумерках очень яркое и слепящее свечение неравномерно освещало горы и тундру. Страдание ускорило осознание уединения уставшего от отчаянья Олененка.

Олененок от безысходности ощутил связь с чем-то бесконечным. В раскрытых глазах световой вспышкой почувствовал прозрение. Близкий Лунный блик и родной Солнечный блик, блеснув и обнявшись, совсем случайно, отраженными отблесками падали на тропинку. Между сиреневою дымкой и упавшим туманом Лунный блик невидимо целовался с нежно-рыжим бликом. Отблески звезд отражались во взгляде. Оттаивало сердечко, чуть дыша. Страх одиночества помог слышать исцеляющий шепот, похожий на выдох обрывистых фраз.

— Страшно пройти перевал впустую? — спросил изумленный Лунный блик. — Посоветуй, что делать дальше?

— Пойдем себя, — ответил Солнечный блик. — В окружении великого таинства.

Олененок воссоединился со своей внутренней истиной и прозрачными бликами. Твердо встал на ноги и вернулся на правильный путь. Они уже вместе подымались на вершину. Их движения даже попадали в такт друг друга. Олененок с трудом взошел на крутой перевал. Посмотрев вокруг, с восторгом наслаждался прекрасным видом, который открылся взору. Прекрасные попутчики-отблески золотом струились, с удовольствием освещали эту красоту.

Олененок, кочуя по мрачным перевалам, с которых рушились камни и сходили лавины, осознал, что-то совершенно изменилось. Олененок улыбался, вспоминая минуты слабости и преграды в поисках отблесков счастья. Понял, что кочевал от одного желания к другому, наслаждаясь достигнутыми победами. Маленькие успехи не могли дать ему, чего он больше всего желал, что ему больше всего нужно. Сердце жило как будто заперти. Это больше мог сделать только он сам, откинуть пустоту, с которой нечаянно пришлось столкнуться. Попутные лунные и солнечные блики всегда становились переломным моментом в кочевой жизни. Щекой отблеска коснувшись, глубоко вздохнув, жизнью новой наполнил грудь. Очнувшись, начал путешествие, возвращаясь к самому себе. За покоренным переходом виднелся в горном проломе, излучая сияние, в отраженном блеске новый перевал.

Горная тундра перепутала обманные сны лазури, перемешивая теплые мысли и чувства восторга от лунного восхода. Золотистый ягель дивным мехом красил горную тундру. С замирающим дыханием стылые камни, с небом проснувшись, согревали теплом прозрачное утро. Тихо рождалось дитя Луны долгожданная Росинка. Охлажденная морось сизых туманов в ресницах Рассвета немела. Тускло и несмело, не тая, от ветра дрожа, Росинка развесисто и чисто бирюзой улыбалась.

В капле Росинки на тоненькой травинке нарядно вместились свет звездочек, ясное небо, тонкие высокие облака, слабый ветер и чуть просвечивающийся сквозь уходящие сумерки первый лу-

чик Рассвета. Они в гости приглашали ослепительно молочную подруженьку Луну. В изящном лунном свете капелька ярко и роскошно сверкала, светло-синими бликами ярко искрилась. Чудное творение, словно слеза, всем своим естеством излучало лунных радуг обломки переживаний. В зеркалах Росинки осторожно и тихо легкая Луна, не намакая, сделала глубокий вдох и взмах, за взмахом приземлившись посередине горной и

небесной тундры. Дрожа на тростнике от счастья, почти на цыпочках капля росы умывала нежное лицо свежего Рассвета.

— Ты блестяшь? — спросил Рассвет. — От чего ладошки теплые?

— От счастья, — ответила Росинка. — Я поделюсь.

Такой долгожданный Рассвет, забрав тепло, ускользал воровато, несмело и лениво смешиваясь с туманной обманчивой мечтой. Холодное безразличие и равнодушие Рассвета ранило грустью озябшее сердце Росинки. Подаренный Рассветом прозрачный лед греть сердце не мог.

— Замерзаю! — стонала Росинка. — Изморозь покрывает меня.

Прикоснувшись к краю обычного льда, дрогнула одиноко в печали, с болью прятала стылые слезы потускневшая Дневная Луна. К капле Росинки сквозь холод подкрадывался морозный

сон. В промерзающей Росинке отсвечивала незамысловатая седина, как будто наяву свет далеких звезд, движение луны и белесый свет. Сон белоснежный последних надежд, сгущаясь немой болью, обжигал опустевшее сердце. Окутанная прохладой, прозябая Росинка замерзала, медленно хрупкими гранями превращаясь в невесомый Иней. Серебряный воздух Рассвета звенел от мороза, игриво тундре щипал щечки. Оголенное золото тундры, вдыхая прохладу, медленно одевалось в пыль торжественно кружевную белоснежного Инея.

– Чарующий блеск? – спросил Иней. – Искрятся лучики?

– Твои объятия крепки, – ответила Инеем обернутая Росинка. – Я в них оледенела.

В жемчужно-иглистых таинственных грезах печально пряталась Росинка. Едва касаясь дыханием любви очарования светлых кружев сновидения, Росинка осознала, что счастье

льется изнутри. Боясь спугнуть неосторожно, она понимала, что ожидание впереди. С Инея сквозными колко плетеными узорами они с дыханием одним становились едины. Сон им снился в чувствах неразделимый. Бродяжка Дневная Луна сквозь хрустальные кружева Инея в небе бела дня бледным украшением светилась, любовь дарила вновь. По ломкому тонкому слою кристаллов белоснежного льда кочевали сошедшие с тропинки никем не прирученные северные олени.

ЗНАКИ НЕБЕС

Тысячи лет малочисленные семьи кочевых таежных оленеводов-охотников осваивали горно-таежную территорию Восточного Саяна, изолированную со всех сторон, окруженную крутыми склонами гор, ледниками, неприступными водными преградами в виде больших быстрин и опасных перекатов. Основным источником существования таежных оленеводов была охота. Добывали лося, медведя, белку, соболя. На промысел соболя выезжали по два-три человека на оленях с собаками. Ставили плашки и капканы, собирали попавшихся в них зверьков. Собирались в чуме, обрабатывали добытую за день пушнину и, понимая язык диких животных, рассказывали предания.

— Тропинка к мудрости ведет, — от души молвил старейшина. — Истинное придает значенье жизни.

В горной тундре рядом с очень маленьким сибирским кедром, стелющимся по камням, и северной ольхой, в сплошных зарослях карликовой березки появился Перелетный листочек. У листопадного ветвистого кустарника прекрасные листочки

росли. Приветливый ветерок баюкал, нежно тербил и качал, когда они были совсем маленькие. Солнышко пригревало круглые зеленые размером не больше ногтя листочки. Теплых дней было очень мало, но необычный листочек тоже рос. Вырос листик сказочно красивым. Ветер западный радость приносил и добавлял сил. Перелетный листочек золотился, когда ветер южный нежностью согревал сердце. Ветер восточный сжимал

сердце листочка добрее и жгучее до слез. Листочек был братишкой суровых ветров и сыночком Розы ветров. Он шелестел вместе с ласковым ветром и со всеми листьями. Когда налетал колючий ветерок, многие пожелтевшие листья опадали, кувыркались и бурлящим листопадом закрывали полнеба. Маленький и храбрый листик раскачивал жесткий розовый кустарник, когда налетал сильный пронизывающий северный ветер. Он ежился, но не тускнел. Перелетный листочек терпел, краснел, наполнялся радостью и трепетом, становился мудрым.

— Мы ложимся и просыпаемся с именем Неба, — прозрел старейшина. — Где помнят заветы предков, там начинается тропинка в будущее.

Перелетный листочек держался за ветку, не отрываясь. Трепещет и выстуживаясь, подставлял всего себя всем направлениям ветра. Терпел, если у него кружилась голова. У него была

мечта найти ее, единственную в небесной и горной лазури, Розу ветров. Повелительницу, которая управляет ветрами из глубин непостижимой надзвездной тундры. Новый шквальный порыв ветра мотал и резко опрокидывал листочек. В отчаянии Перелетный листочек оторвался от кустарника и полетел по воле ветра и судьбы над горной тундрой искать, где должна распуститься непредсказуемая Роза Ветров.

Северный ветер подхватил листочек и закружил его вместе со снежинками, унося его дальше и выше. Долго летал листочек, кружась в мягких объятиях ветра. Внезапно сильный ветер изменил направление и поднял его высоко над горными вершинами, где был лютый холод, кругом лежал снег. Ветер ударял его о скалы и лед. Перелетный листочек не знал, что ждет его в этом путешествии. Перевернутый и помятый листочек пытался вырваться и снова взлететь. Теряя силы, Перелетный листочек просил ветер, чтобы он помог ему поскорее покинуть это студеное место. Ветер услышал его просьбу. Он подхватил замерзающего скитальца с края неба и осторожно понес его, где становилось теплее и ласковее.

— За твоим полетом держим путь среди земных тропинок, — замирая, говорил старейшина. — Благодарим за поддержку и заботу, что бескорыстно даришь свет и счастье.

Наконец льнувший ветер ослаб, и листочек парил свободным в полете. Уставший странник медленно снижался возле каменных лучей в окружении разноцветных листочков на незнакомом горном перевале. Ветер стих, и листочек упал на каменный многоугольник с длинными ласкающими гранями лучами, указывающими направление господствующих ветров. Со стороны этих суровых ветров чаще всего приходили воздушные потоки в горную тундру. Ветры дули по ущелью с белоснежного ледника, срывая в горах камнепады и лавины.

Братья-ветры страстно меняли направление и по законам сердца строили трон из камней, снежинок и лепестков для своей повелительницы, настоящей Розы ветров. Гонимый ветром листочек катился вдоль камней самого длинного луча. Он окончательно и бесповоротно запутался. Он не понимал, что с ним происходит. Вокруг крутилась Вселенная в бесконечном движении. Единственно, что хотелось, так это в темных небесах

светлый путь найти. Заветная мечта, улыбаясь, за собой звала. При резком и безжалостном порыве ветра, собрав остатки сил, Перелетный листочек, заступив за крайний камень, наудачу опять взлетел. Он в обнимку кружил с северным ветром, дрожа, боясь, порхал краями листа, пристально всматриваясь вниз не моргая.

В таинственных лучах, усыпанных золотой листвой и горным хрусталем искрившегося инея, просматривались разные

оттенки палитры ветров.

У восточных каменных лучей осенние желтовато-лиловые, остудившись, ложились капризные листья, без цели застыв у камней.

У южных каменных лучей, сжимающихся в крыло, подобно огню собрались красные выжженные изменой затерявшиеся листья.

У ослепительных западных каменных лучей обманчивые отражались грезы, разрываясь на части. У

холодных северных каменных лучей снежинки с подкожным ознобом запрыгивали в постель.

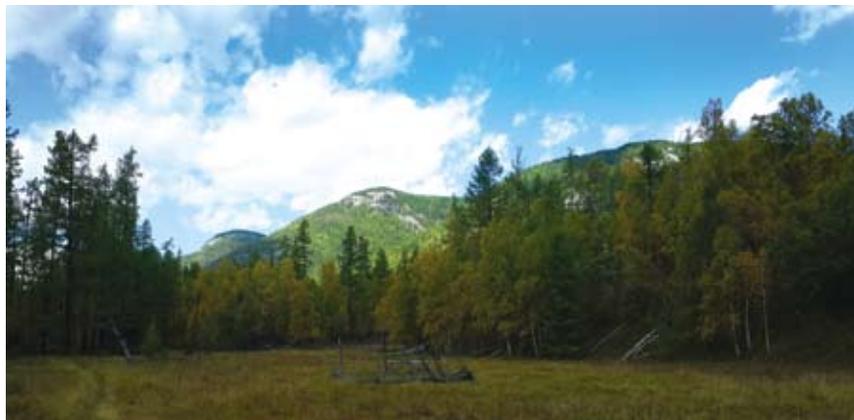
— Проснитесь, звездные пути, — говорил старейшина. — Выходи, поднимайся на золотое острие горы, возвращайся к жизни.

Длины отрезков загадочных лучей были разные. Количество камней и количество ветреных дней совпадало для преобладающего направления ветра. Знаки из листьев на концах отрезков лучей обозначали максимальную скорость неистового ветра. Судя по количеству камней в лучах, период из бурь составлял десятки дней. Несколько раз преграды сметать повелительница ветра посылала внезапно могучий ураган. Властвуя над стремительным шквалом, летучей вьюгой, быстрокрылой метелью стирала хрупкие мечты. С остальными дуновениями, вихрем и сквозняком заботливо и тихо приносила грезы. Пять лучей

показывали линию дуновения сурового ветра и два направления осторожного ветерка. Число камней в центре сердца Розы ветров говорило о количестве безветренных дней.

Для настроения Роза ветров выла бурей и гнула к скалам ветры, начинающие новые пути. Шептали ветры тревожно. Никого не держала и ни в ком не нуждалась. Все перед ней преклонялись, ею восхищались и любили. В равнодушном настроении к безразличным беспризорным ветрам, открывающим судьбы,

занималась лишь собой. Поигрывала с озорным ветерком, словно гладила по щеке. Беспокойный ветер с ветренными мыслями запирала. Сердце ласкала незаметным дыханием ветра, бархатными губами дая нежданные перемены. Все эти вольные и преданные ветры украшали ее властительный венец.

Перелетный листочек сам лег под ноги Розы ветров. О камни опираясь, усталый и счастливый, сердцем благодарил. В бесконечности скитаний наконец лил золотые слезы и смело шептал в мягче мамыны ладони поднимающей звезды Розы ветров. На перекрестке желаний и порывов рвущих летучих ветров он уснул. Даже ветер, пленник ловящей молнии Розы ветров, не повторяясь никогда, в удивлении притих, тихо вздохнув, неторопливо грудью прижался к Перелетному листочку.

— Прошлых падений закрой наши раны. Дай жить по совести, по правде, — просил старейшина. — Пусть теплая и светлая радость наполнит наши непокорные сердца.

Олененок кочевал с вьючными оленями, связанными в караван, по манящей в заснеженные дали тропе за Перелетным листочком. У стойбища горел костер ровным и ярким пламенем. В свете гаснущих отблесках дня, просто созерцая пламя, он прилегал отдохнуть. Расслабил уставшую спину, пододвигая поближе к теплу замирающие ножки, приминая хвою. Открыв глаза, прямо смотрел в небесную тундру. Светлела тьма ночи, а свет тускнел. Напрямик среди сверкающих созвездий главу склоняла полная Луна. В ослепительном просторе небесная тундра раскачивалась, словно распахнутые лунные крылья. За жаждущим высоты диким оленем блестящая тропинка виляла от искорки огня на вершине горы. В переживаниях сбиваясь с пути, не зная, куда идти тропинкой обрывками грез, где цеплялся за живое сиреневой дымкой багульниковый туман. Сквозь небесную тундру затмившие грезы, кочуя во сне, ярко вспыхнули случайными знаками небес. Разноцветные звездочки и белоснежных пушинок следы.

Далекая, как счастье, холодная Звездочка показала во сне мечту – восходящее Солнце на снегу. От усталости не поверил, проводя полжизни в полусне. С радостью, грустью искал олененок под ногами на зыбкой тропинке надежду и счастье. Не раздумывая, не робея, кочевал прямо и с поворотами. Долго бродил по горной тундре, замерзающей под снегом небес. Боясь оступиться во тьме, взбирался на горные вершины, постоянно спотыкался, падал, ушибался. Достигнув цели, в восторге и испуге суетливо спустился с небесной тундры. Удивился, что блуждает впотьмах на ощупь. Решил остановиться, прикоснувшись к Звездам. Обрел очаг, как туман у холодного кострища.

Теплая, как маленькое солнышко, Звездочка ласково показала олененку счастливый сон – восходящее Солнце на снегу. Поверил олененок. Чуя сердцем счастье, оставил стойбище в тайге, отправился кочевать, жизнь растрачивая. Линии судьбы проверяя, шел в новом направлении по очень трудной тропинке с тяжелыми подъемами и скалистыми камнями. Кочевал долго, опасаясь, что не одолеет пути. От изнеможения падая, уставшие глаза поднял. Безрассудным сердцем сквозь хрусталик слезы весточку судьбы увидел. В стелющемся холодом мраке светила

близкая, как солнышко, теплая Звездочка у вершины покрытой вечным снегом горы. Решил подняться вверх, надеясь издали увидеть мечту. Согреваясь о теплые сны, из последних сил взобрался на заснеженный горный пик. На границе небесной и горной тундры увидел тысячи развилок бесконечных тропинок. Через полнолунную ночь в мимолетном сновидении опять по-

чудилось далекое восходящее Солнце на снегу. Запотела Луна от дыхания звездочек. Ночь стояла неприступной стеной. Сон не спеша водил по миражам.

— За гранью ожидания казался путь в глубинах сибирских просторов в ночной темноте. Тропа шла по иззубренному горному хребту, и вдруг равнодушный горизонт ломался. А дальше взгляд парил над неприступной бездной, — вспоминает сон олененок. — Сменилась погода. Налетел холодный угрюмый ветер. Хлестал косой, почти горизонтальный дождь с колючим снегом. Каждый шаг давался с трудом. Сработал инстинкт самосохранения, начинал я себе говорить: «Не спи, замерзнешь!»

Полжизни кочуя по тропинкам, олененок каждую ночь во сне ждал, приглашал Солнце взойти. Смотрел внутрь мечта-

ющего сердца, приглашая свет в него войти. Верил: должно Солнце на рассвете проснуться.

— В зарождении нового дня присоединюсь к великолепию нового животворного Солнца, — ласково говорил олененок. — Золотистое Солнце, разгони сонную тьму, щедро подари радость выщелющейся золотой нитью гибкой тропинке.

Не разгадана история кочевого пути, она словно сама жизнь. Однажды в ритмичном дыханье гор счастье внезапно случилось. Увидел олененок вдали на белом снегу робкий оранжево-красный краешек восходящего Солнышка. Оно осветило блеснувшим лучом уходящий туман, тени радужными бликами и мечты опустевших сердец. Снег, поднимающийся с донца, искрился под его лучами алмазной россыпью. В бездонной небесной тундре от ладоней полнолуния снег отрекался. Этот луч поселился в их сердцах, согревая застывшие во сне чувства.

— Бродяга-Солнце внутри, — сказала холодная Звездочка. — На снегу разгорается призрачный свет, греет мечты.

— Лунный свет рвал сердце, — сказала теплая Звездочка. — В лучах восходящего Солнца сердце срастается.

Удивленные и восхищенные звездочки, сомнения отбросив, внутри себя заливались светом, медленно таяли. Тепло ласкового луча восходящего Солнца на снегу разбудило тысячи белых снежинок. Не в силах друг друга коснуться, хрупкие и ажурные снежинки в опустевшей спальне невидимками вмиг испарялись.

— Зачем говорить о восходящем Солнце, — сказала холодная Звездочка. — Не лучше ли просто смотреть?

— Солнце восходит при полной Луне, — сказала теплая Звездочка. — Это солнце в тебе и во мне.

Опустилась бездонная небесная тундра на снежные вершины. Снега отраженными лучами Луна захлебнулась. Теплой искоркой плутавшие звездочки, не оборачиваясь, тропинкой витой в горы снега и в восходящее Солнышко глубоко падали, кусочки Луны доставая.

ПУТЬ СТРЕЛЫ

Стрелы юного таежного охотника не всегда летели точно в цель. Куда посылал стрелу, туда и летела. Стрелы подбирали подходящие: крепкие, ровные, острые, хорошо оперенные. Точно прицеливался, зорко и трезво рассчитывал, но иногда стрела пролетала рядом с целью. Решил таежный охотник, что нужна ему особенная стрела, чтобы, как кречет, всегда летела точно в цель, без колебаний и отклонений. Рассказывали, что в высоких лабиринтах гор, переплетенных по спирали скалах живет кречет, который любую стрелу заговорит так, что та мысли охотника будет угадывать. К этому чудодею отправился таежный охотник.

Разгадывая хитросплетения замысловатых путей, в сердце лабиринта на высоком камне со спиральным календарем таежный охотник увидел кречета. Охотник рассказал ему свои переживания. Кречет слушал его внимательно.

— Скоро солнечная стрела ляжет на центр спирали календаря. Вид ее обычный, а суть — магическая. До этого дня упражняйся и разить будешь без промаха, мимо цели не полетят твои

стрелы, — сказал кречет. — Чтобы под тебя стрелу заточить, нужно характер твой закалить.

Хотел охотник раствориться в небе, словно птица. Бесстрашный кречет, способный наносить удары в тумане из молниеносной засады, спокойно давал советы охотнику.

— Цель поставь четко и ясно, — сказал кречет. — В воображении целясь в стрижа тупую стрелой, не поражая нежные перья.

— Жалко стрижа, — сказал охотник. — Он парит в заботах о пище у края неба.

Стриж нырлял и скользил у края скалы и казался маленькой точкой. Таежник условно целился стрелой в черную точку, меняющую направленья. Стриж мелькал за скалами, подобно сновидению. Таежный охотник понял, что не попадет.

Любуясь полетом, умственно упражнялся в скорострельности, точности, дальнобойности.

— Доблесть не в жалости и хитрости, а в трезвом расчете, — сказал кречет. — Если цель кажется недостижимой — это мечта. Чтобы мечта осуществилась, нужно к ней мыслительно приблизиться. Разбей путь стрелы и стрижа на этапы, приобретая опыт и сохраняя силы, а выбранный путь стрела в полете не изменит. Сбей стрелой осенний перелетный листик за листиком, что кружатся с ветром.

Таежник натянул тетиву одним большим пальцем, над ним согнул указательный, прижимая стрелу, не касаясь тетивы, легко выстрелил в небо. Желтый листик, парящий маленькой точкой, рухнул вниз, пробитый стрелой. Через несколько дней стрелой на скаку мог сразить любой листок в крутящейся пурге и летящий по ветру.

Кречет показал таежному охотнику золотые монеты и наконечники для стрел.

— Выбирай, — сказал кречет. — Что бы ты взял?

— Наконечники для стрел, конечно, — ответил охотник. — К чему в тайге золотые монеты, а наконечники для стрел мне очень пригодятся.

— Я перемешал монеты и наконечники, — предложил кречет. — В какие наконечники сумеешь попасть — те твои. Но с камня не спрыгивать.

Таежный охотник уже не тот был, что прежде, немного помнел и руку набил. Прикинул расстояние, определил, откуда ветер дует, подумал и прицелился. Как на камне охотник ни повернется, блестящие монеты коварно закрывали обзор наконечников для стрел. Охотник пробовал сбоку и сверху стрелять в наконечники, но попадал в лучезарные монеты.

— Что-нибудь для себя понял? — спросил кречет.

— Непросто выстрелить метко и ловко?

— Спасибо за урок, — сказал охотник. — Понял я, что есть цели истинные и ложные. Золото блестит и глаза слепит, за отсветами пользы не видно. Я пытался разобраться и не свернуть с пути сердца.

— Хорошо, что выводы правильные сделал. Самые большие ценности на земле — жизнь и свобода. Есть цель, а все остальное — средства.

Каждый день таежный охотник подолгу упражнялся в стрельбе из лука. Каждая летящая стрела бесшумно несла летящую душу и тело.

– Стрела – это твоё намерение. Крепок наконечник, как зоркий глаз и твёрдая рука, но у стрелы нет зла – сказал кречет. – Наконечник стрелы укажет путь намерениям. Не пускайся в неведомый путь, прямо в солнце, пуская стрелу. Намерение должно быть выстраданным, ведь один выстрел – одна жизнь. Не бойся суеты, не пугайся ярости, препятствия в пути не огибай. К цели путь прямой, короткий, как стрела.

– Если стрела – намерение, – интересовался охотник, – что тогда её оперение?

– Оперение из перьев орла – это твои таинственные мотивы. Благодаря этим крыльям стрела летит ровно. Если мотивы слабые или все время меняются и сомневаются, стрела неожиданно уйдёт к чужой цели.

– А наконечник? – спросил охотник. – Это сосредоточенная способность поражать?

– Сознание – это наконечник стрелы мысли, – сказал кречет. – Наконечник должен быть острым, закаленным и хорошо отполированным. Силу свою испытывает закаленный дух на трудностях жизни.

— В этом много премудростей, — сказал охотник. — Можно магию применить, чтобы попасть наверняка?

— Открою тебе секрет. Устремление рождает возможности. Прежде чем нацелиться в цель — обратиться к Вечному небу. Если намерение твое небесам понравится, получишь поддержку. Умное небо руку укрепит, и стрелу направит, и цель приблизит. Никогда не считай себя выше неба, а помощи просить не зазорно у великой силы. Небо выверяет курс в пути.

Однажды наступил день, когда таежный охотник оказался совсем близок к заветной цели.

— Пришла пора наконец стрелы укрепить, — сказал кречет. — Выстрели в оленя, и стрела получит магическую силу.

— Такой ценой я не приму волшебную мощь, — твердо сказал охотник. — Я не хочу без нужды даже ранить оленя. Такая магия не для меня. И просить небо на несправедное дело я никогда не стану.

— Ты сердоболен и робок? — спросил кречет. — Суровость суть стрелы?

— Мой выбор — сочувствие и участие, — сказал охотник. — К своей цели я обязательно приду, но другими средствами.

— Какими средствами? — поинтересовался кречет. — Стрелу Чингисхана дарят не каждому.

— Я понял, что цель моя не стрела хана. Цель моя жить целостно и нераздельно с природой и лишнего не брать. Я осознал, что не каждая цель истинна и что тот, кто не размышляет, обычно промахивается. Я все усложнял и запутывал, а путь стрелы к цели предельно прям и прост. Я понял, что есть недостижимые цели и что чужие цели не мои, — сказал таежный охотник. — Ради самой желанной цели я не стану ссориться с совестью. Зачем мне безответственная стрела для стыда?

Тихо и с горечью таежник упрямо кочевал в холодном скальном лабиринте. Неугомонно злая погода играла усмешкой и срывала с откоса корявые наконечники комьев снега. Падали стрелами огромные льдины. Туман опускался для того, чтобы помешать выстрелу, ветер дул для того, чтобы увести стрелу в сторону. Жесткий лук давал осознать слабость. Он не искал легкие цели и не стрелял в упор, не жаловался на трудности, а умирал свою гордыню. Бесшабашный таежник кочевал в надежде разбудить дремлющее за ледяною горою Солнце.

— Ты выдержал испытание, — сказал кречет. — Ты не предал себя ради великой цели и не искал оправдания. На календаре памятного камня благоприятная солнечная стрела приглашает тебя на турнир лучников Великого праздника Чингисхана. В твоём колчане каждая стрела магическая. Иди и побеждай.

Юному охотнику очень хотелось достичь совершенства, чтобы все на стойбище удивлялись, хвалили и превозносили его за меткость. Он мечтал овладеть искусством стрельбы из лука и возил с собой два колчана по 30 стрел в каждом, игольчатые, листовидные и граненные. Он много упражнялся и сильно хотел посетить устраиваемый кочевниками праздник по стрельбе из лука. Луч солнца действительно светился в центре спирали календаря памятного камня, и охотник отправлялся в путь. На

празднике присутствовал сам Чингисхан и отбирал на высокие должности лучших стрелков, кто мог на скаку точно в цель выпустить 12 стрел в минуту.

На празднике метко стреляли лучники в ярких пурпурных и алых халатах, перепоясанных шелковыми и золотыми поясами. Таежный охотник пускал в цель стрелы с закрытыми глазами. Летала стрела, как кречет, быстрее ветра. Разила страхи его стрела, что он встречал на своем пути. Страх оказывался зверем, в мыслях рожденным, и стрела помогала о нем забыть. Ахали кочевники в восторге от турнирных оргий. Отвратительно спокойного победителя пригласили к украшающему улыбкой турнир Чингисхану. Чемпион подошел и дерзновенно, словно песней, попросил разрешения подержать стрелу хана. С улыбкой герою, сразившему без промаха все трудные цели, наконечник свой боевой отдал всеобщий кумир Чингисхан. Наконечник стрелы, отточенный, лег в ладонь. Таежник сжал кулак и почувствовал, что гигантское Солнце со вздохом тающей звезды превратилось в алмаз. Солнцеподобная мощь легла у сердца. Охотник натянул до конца размаха крыла кречета тугую тетиву. Полетела стрела в дальний путь. Алмазный наконечник, ослепляя и зажигая глаза, утонул в небесном податливом камне.

Таежный охотник стал мудрей. Он сумел многое сделать, много выстрадал и достиг. Дотронувшись звезд, вернулся в горную тайгу, к погасшему костру. Высоко в горных лабиринтах у памятного камня в лентах спиралей календаря камень хранил заветный талисман, алмазный наконечник от стрелы.

Говорят, что кочевники у камня, хранящего заветы из веков, смогли увидеть на календаре встречу алмазной и солнечных стрел, кочуют отсюда совсем другими людьми — с ясными глазами, чистой душой, спокойными, сильными и при этом невероятно целеустремленными. У них все получается, им везет, и они побеждают по жизни. Еще говорят, что их стрелы становятся магическими и дело именно в них. Путь солнечной стрелы Чингисхана проходил с востока по этим труднодоступным тропам, где разворачивались события древней легенды.

АУРА МОЛНИИ

Замерзший снег ледника после оттепели превращался в крупные кристаллы, в которых грустно мерцал золотой песок в лучах остывающего солнца. Ложился снег-чародей на золото горной тундры. В день осеннего равноденствия день и ночь стали равны по длине, свет и тепло убавляя. Подымался старейшина на вершину ледника смотреть на Небо, куда должно было прийти послание огненных стрел в блеске раскаленного огненного сердечка. Сгорало небо ярче кармина в блеске мечты огненным расплавом холодного пурпура. Звезды танцевали на черной гари золотых граней, торопились узнать, что впереди — снежная вьюга или счастье холода с золотой пушшиной.

Пылающий камень стремительно и свободно оторвался от Солнца, расправив крылья, летел, к удивленным планетам, блуждающим в хороводе звезд. Все сомнения в золу сжигая, сплетал многомерность волшебства несбывшихся грез. Зеркало глаз камня пропускало искры высших космических лучей и едва уже заметную иллюзию спокойствия ярких всполохов. Небосводы и цветные созвездия, собирающиеся в туманности,

царственно сшивались волшебными нитками пролетающих комет. Огненные звездочки доплясались, устали и падали из туманности метеоритным дождем на мягкую ткань горной тундры Чело-Могнго, оставляя свет мечтательным камням, глядевшим на звездное небо.

В темноте сверкающих зарниц благородный Метеорит огненной каплей тихо приближался к лику Земли. Познакомиться с высочайшим звездным царем Молния мечтала. В синеволетовом сиянии высоких знамений Метеоритных дождей и ослепительных снов роскошная стихия огня брызжущим золотым цветом Плавающего камня щедро подсвечивала красоту Ауры Шальной Молнии.

— Вижу летящий звездный огненный шар с пламенеющей высоты. Это к счастью, — сказала дыханием пламенным Молния. — Обязательно загадаю желание.

Метеорит, притянутый в стремительном прыжке своенравной Молнии, неожиданно почувствовал тепло разрядов. Нежно искрящаяся золотистая Аура Молнии изумительно сияла дивным светлым цветом вокруг Небесного камня. Молния могущественной стихией впитывала в свою Ауру мысли камня, спорила с силой небес, защитой озаряла.

— Ты веришь в звездные приметы и огненные мечты? — спросил Молнией ведомый Небесный камень. — Метеоритный дождь в Месяц-звездопад всегда к удачной встрече, к соединению всех миров воедино, к зарождению нового зеркала потрясающей неземной любви.

Огненная странница легонько дотронулась до небесного бродяги тонкой алмазной стрелой. Свечение и разогрев сотворили чудо. Вздогнуло изумленное сердце Метеорита, прорастая бесцветной вспышкой ночной, и спугнуло сновидение.

В капельку плазмы, разливаясь истомой, бурно влилось нестерпимое багровое пламя. Пепелищем почернел обуглившийся звездный небосклон. Запылала пролетавшие мимо хрустальные Метеоры, обжигая крылья.

Божественно синие глаза Метеорита сияли дивным ослепительным светом, и их тайный мир был неотразим, как парящий сон. Сотворенный солнцем Метеорит белым пламенем в огне мелькал в ожидании счастья.

— Ты сильный волшебник и смелый кумир. Ты прекрасен и сияешь, как Солнце, — дышала Молния. — В глазах огонь зажег и в сердце любящем моем!

Бродяга-Метеорит слушал влюбленную Молнию и сказочно радовался.

— Ты хороша собой, нет слов. Ты солнца луч золотой, роскошная загадка, — сказал озорной Метеорит. — Красива, как ранняя зарница.

Рожденный силой неземной Метеорит с восторгом впитывал признания и кружил вокруг Молнии, стеснительно нагревался и плавился от счастья. Раздувался облаком раскаленных газов в огненный шар в руках Молнии, погружаясь в великую тайну огня. Растапливалось доверчивое сердце от пылких и нужных фраз. Они на миг встретились глазами, без слов искали счастье в глубине.

В зеркале зрачков прозрачного контура глаз Метеорита отражались рыжими звездочками глаза Молнии. Видела свое отражение в этом безграничном зеркале и Молния. Их зрачки плясали, смеясь, играя огнем из мелких светящихся разноцветных точек, лились потоками, рисовали линии и рассыпались на мелкие молнии. Наивные и открытые глаза сияли беспечными искорками счастья.

За зеркалом этих глаз искрометная Молния становилась еще ярче и радостнее, вспыхивая золотисто-красными наметками чувств. В сердце сплетала счастья канву, сливаясь, рассыпаясь и переплетаясь золотым снопом нитей и игл. Ее восхищенное сердечко билось невпопад и горело багрово-красным огнем, словно кипящая лава. Он прикоснулся нежностью дыхания. В пустоте вокруг, как будто в обожженном сновидении, царил Ауры расцвет любви.

— Ты для счастья был рожден, — ласково сказала очаровательная Молния. — Твоя чудесная улыбка сводит меня с ума.

Пленительный полет Метеорита и Молнии был очень впечатляющим зрелищем и сердечной тайной. В счастливый, сладкий миг волнений они доверяли друг другу свои секреты.

— Я верила звездам, сейчас верю только тебе, — сказала Молния. — Ты прекрасен, ты создан без обид и лести. Я поверила, что легкие крылья в страстном огне растут.

Он рассказывал ей о том, что в грезах видел далекие великолепные Миры, что его звали прекрасные и чудесные мечты. Что он встречал мерцающие удивительные Звезды, похожие на маленькие Молнии. Что в первый раз встретил такие глаза, в которых отражается счастье.

А она застенчиво рассказала, что родилась совсем недавно и что ей очень нравится излучать свет и дарить холодным облакам и горной тундре. Подмигивать глазами, создавать ни с чем несравнимое приподнятое настроение в печальной темноте. Прищелкивать перстами, прелестным ритмом паузы между вспышками сокращая в глухой тишине.

— В тебе мечтаний аромат, — шептала расцветающая Молния. — Райское счастье рядом быть с тобой!

Он так полюбил Молнию и почувствовал, что теперь она в его сердце будет жить всегда. У импульсивной Молнии приятно разгорелась любовь в огненном сердце к веселому Метео-

риту. Они замечательно резвились и игрались, любуясь друг другом.

— Любимый, Солнца ярче во мне разжег огонь. Я твоё живое мгновенье, — дышала беспечная Молния. — Будь со мной. Ты амулет моей судьбы, и с тобой я сгораю, как вспышка!

Метеорит упоительно смотрел на пламенеющую Молнию в энергии мощного разряда негасимой любви. Из сладостного блеска в жгучий блеск, обнявшись, скользили, оставляя трепет звездной пыли. Искры неги разжигали в сердцах пожар.

Летели с закрытыми глазами. В кроткий миг забвения радостью опоенные и растворенные в искрящейся любви Метеорит и Молния раскаленные крылья солнечного цвета сожгли дотла на лету. Дрогнули, застонали сердца пламенеющие угли. Забыв вмиг, что умеют летать. Срываясь в крик объятий неразлучных, столкнулись с пепелищем горной тундры, врезавшись в твердую грань врат расставания беспощадной скалы. Разметались в прах надежды, и распались мечты в трясущихся ладонях гор.

Удар, подобно неистовому поцелую, расплавил догорающий камень в золотую кипящую лаву. Небесных звезд тоскующих слиянием покрывалом грустно лежал Метеорит, безумством счастья пробужденный, в огромной черной воронке бездны сна, на окраине планеты остужающей ярость пламени. Слезы тек-

ли жидким металлом, создавая грани изумительно блестящего черного камня. Налипающие сны ярко светились каким-то таинственным лиловым цветом, разбрасывая солнцепеком брызги красоты. И случилось чудо: опаленный взор засиял! От силы удара взрывного падения камень безмерно отражал безумную любовь стихии огня. Его нетленное чувство все время увеличивалось.

— Сжег крылья в грезах? Овладение призрачной нитью факела — только страстный сон? — думал Метеорит. — Мы встретимся на тайной стороне, чтобы все по-новому начать?

Прошли мгновения потрясенного мига, небесный посланник вновь увидел свою нежно-родную Молнию. От радости он вдруг вспыхнул чудесным светом и преобразился в прекрасный и сияющий жар.

— Любовью твоя золотая аура согрета. Овальный ореол еще горит сияющим огнем вокруг твоих лучей, — сказал Небесный камень. — Мощная Аура озарит закаленное сердце.

— Небесные камни, падая, могут летать. Мы оторвемся от земли двумя молниями, — сказала Молния. — Снова почувствуем звездный полет. Из огня и мечты будут сотканы большие зеркальные крылья любви.

ЛУННЫЕ КРЫЛЫШКИ

По заветам предков и родословным традициям охотники-оленоводы кочевали с северными оленями по своим исконным территориям в высокогорной и таежной зонах Саян. Живя весь свой век среди природы, они брали от нее то, что она могла дать им в своих непроходимых, девственных горах с бурными таежными реками и гигантскими ледниками. Но даже и тут они пользовались ею только для поддержания своей жизни и, увлекаемые путешествиями к неизведанным далям, первыми приручили кроткие и невинные создания северных оленей. В суровых условиях холодной и снежной зимы олени обладали способностью передвигаться с большой скоростью там, где не проходили лошади, и питались только подножным кормом. Таежники не держали северных оленей взаперти. Прирученные олени не отличались от диких оленей особыми приметами. Дикари свободно посещали стадо прирученных оленей. Оленные люди, отдавшись полностью мечтам, жили как будто в ярких снах. Ни жажда впечатления, ни страх, ни сожаление, ни сомнения и стремление не влекли их. С привычными укладами,

привычками и страданиями влекли их одни видения. Летним светом наполненной жизнью олених доброту приносили в горную тундру.

Летом олени питались ягелем, разнотравьем, молодыми побегами древесных пород, а зимой — клочьями свисающего с деревьев лишайника-бородача и ягелем. Именно это животное всегда и везде вызывало восхищение и преклонение людей, притягивало к себе своей удачей. Идущие к свету в истоках веры таежные оленеводы, сохраняя восприятие любви, стремились овладеть природой, познать ее, освободиться от ее устрашающей власти. Подъем духа одушевлял и очеловечивал явления природы. Этот дух помогал таежным оленеводам, спасал их от невзгод и положительно влиял на материальный мир. Жизнь природы разумно наделялась человеческими свойствами. Интерес охотников-оленеводов к гармоничному видению окружающего мира и явлениям сновидений приближал пытливые сердца к неведомому одухотворенному миру, в ту сферу привычек, которые приносили чудеса. Не засыпали в безмолвии белоснежных вершин мифы, с которыми Мать-олениха свежим парным молоком поила каждого олененка.

— Солью и сказками мы приручали диких оленят, — признался старейшина. — С надеждой превратить судьбу в справедливую силу выкармливали каждого олененка, как ребенка, привыкая друг к другу.

Усталой бархатной ночью с сизой дымкой вдали легко дышалось. Круглая Луна алмазами росы высвечивала питательные сны в изменчивых тенях высокогорного перевала. На небосводе в лучах холодных догорали мерцающие звезды и падали в туманно-призрачное счастье, накрывающее горную тундру Чело-Монго. В предрассветной прохладе затянувшейся ночи одинокая Лыдинка, не знающая печали и радости, озябла на

лунной тропинке у Алтарных ворот Горной обители. Вдруг ей показалось, что отогретый Млечный Путь упал с небес в ладошки, и в черни небесного мрака посреди сыпавшихся искр перламутра шевельнулось и сделало вздох маленькое сердечко. Льдинка испугалась, но, пересилив страх, с любопытством осмотрелась и заметила мечтательно-прохладную незнакомку, упавшую сквозь стужу на полупрозрачный голубовато-серебристый Лунный камень Алтаря.

— Ты дрожащая Звездочка? — спросила Льдинка. — Привет.

— Приветик, — сказала незнакомка — Я заревая Росинка.

Крохотка Льдинка и жемчужная Росинка понравились друг другу. Они, взявшись за руки, беззаботно раскачивались, смеялись от счастья и танцевали, почувствовав прилив сил. Зыбкой радостью их радужного танца любовались всегда по-особому прекрасные Звездочки. Прилетавшие, словно вести из Рая, веселые Звездочки присоединялись к затейливому танцу, безумно веселились, беспечно улетали. На вечном Алтарном распутье мучительно длились и длились бесконечные дни и ночи. Без жалоб и боли бескрылая Льдинка в бессонном томлении космической пыли наивно ожидала возвращения милых Звездочек и больно сожалела, что не умеет с ними летать.

— С тоской расстаемся. Обворожительная Звездочка, давай договоримся о новой встрече и помечтаем вместе о полетах, — грустно говорила Льдинка. — Ты забыла о наших потаенных мечтах?

Льдинка сознавала убожество своей мятежной смуты и в забвении ожидала в повторях света и тьмы возврат в прошлое счастье танцев с желанной Звездочкой.

— Если мечтать и верить своим снам, можно получить высший счастья дар летать, как пламя среди молний, — говорила Звездочка, — Мечты — это самое ценное, что у нас есть.

Росинке стало жалко печальную Льдинку, поверившую в яркие виденья снов и пение грез Звездочки.

— Не плачь уныло. Поставим Лунную ловушку, — сказала Росинка. — Недоступную Луну попросим подарить нам крылышки. Забудем нестройный сонный дух и ввысь научимся взлетать.

Между мирами неба и тундры, падающих звезд поцелуями был уложен Алтарный обруч из позолоченного серебра, в его венок вплетен сверкающий блеском призрачных лучей прозрачный Лунный камень, сшивающий отблески лунной тени. Росинка и Льдинка знали, что Лунный камень олицетворяет силы Луны и, если его увеличить в размерах, он проявит большие

возможности и внутренним напряжением будет притягивать светила к себе. Прозрачная Росинка и хрустальная Льдинка безмятежно прижались к камню, создавая дворец мечтающих сердец, и увеличили силу отражающих лучей Алтарного камня.

В темной ночи, невозмутимость чистоты неся в себе, на излете Звездочка, плача и падая, попала в чары ловушки белого камня лунника и зажгла в нем лунный свет.

— Я исполняю желанья и освещаю жизнь радужными снами, — сказала упавшая Звездочки, сияя в зазеркалье камня. — Но по лучезарным заветам поднебесья крылышки дарит только вдохновительная Луна.

Осенним равноденствием управляя, с ночной звездной пылью день равняла полная величия Луна. Заблудившись среди изморози созвездий, сшивала золотую нитью жемчуг звезд, катившихся на Лунный камень в сиянии сиреневых радуг.

Догоравшие звезды наполняли волшебный камень особым леденящим сиянием и трепетным светом с серебристо-белыми переливами. В его очи доверчивым взглядом посмотрела глазами грустными безмолвствующая Луна. Тихо сплетались они иллюзорными безмятежными снами. Чистым серебром в слезах растекалась измученная тоской задумчивая Луна. Из камня на нее смотрели студёные глаза, в которых силою внушения плавило текучее серебро Алтаря.

— Твои глаза манят и рвут. Зрачки сияют изводящей красотой, — сказала трепетная Луна. — Зачем, терзая, светит луч очарования?

— Моя верная скиталица небес, ты сердце побуждаешь к долгим вздохам, — ответил загадочный камень. — Жизнь камня дышит отражением. Любя, страдая, в мнительном свечении ищу я смысл любви.

Холодное, постепенно увеличивающееся свечение возбуждало мечтательность Луны. Мерцая сквозь манящие глаза, безжалостная

стужа магически, из глубины породила отсверки любви. Завлекала дерзкой лестью, мягко и нежно очаровывала холодную Луну. Звезды белели, прикасаясь к странному камню. Время летело, словно в причудливой сказке. Захлопнулись чары ловушки сладкого плена и ласки. Невольница возвышенных грез на мгновение зыбкого мига послушно остановилась над блаженным камнем Алтаря. Инеем, таинственно расплескивая лунный свет и сладостные фантазии обнажая над зеркалом любви.

— Познаю всю радость обожания или разлучит неверная мгла? Почему я жду? — задумавшись, вздрогнула озябшая Луна. — Быть вечно твоею клянуться Луне?

— Моя милая Луна. Несешь любовь — прекраснейшее чувство, дарующее Лунные крылья, — сказала робкая Росинка. — Мы влюблены в тебя, остановить мечты бессмысленно.

— Моя добрая Луна, сжалась, излучая свет, щедрой рукой подари влюбленным крылья, — просила испуганная Лыдинка. — Проснувшись, лететь смогли бы следом за тобой в звездной ночи. Твой свет добрый и ласковый, и когда он касается меня, я чувствую себя то красивым бриллиантом, то нежной жемчужиной.

— Дарю желанные Лунные крылья, — мягко обнимая небо, ответила Луна. — Зеркальное отражение любви и мудрости успокоит вечный спор лучей и тени.

В звездный час замерла в сердце своем Лыдинка, изменяясь изнутри. Она тихо сжалась, чуть дрожа, отважно подпрыгнула из лунных снов Алтаря в неизведанный немой простор серебряной пыли. При падении всех своих несбыточных надежд она вдруг ощутила себя маленькой и холодной, но все же живой и удивительно белой Снежинкой.

— Волшебный сон! Чудесный свет! Хрустальные я раскрываю крылья, — призналась Лыдинка. — И нет меня, как будто скользкой Лыдинки нет, а есть совсем другое, снежное счастье!

Росинка никогда не смогла познать Лыдинку до конца, и этим она ее привлекала. Росинка восхищенно ахнула и невольно залюбовалась очаровательной красотой белее блеклого и холодного совершенства. Лыдинка слабо взмахнула Лунным крылом, дрожа и сияя белой радугой, и увидела свое отражение в капельке Росинки.

— Вы так прекрасны, моя милая пушистая Лыдинка, — вздохнула Росинка. — Расправьте свои Лунные крылья и еще раз посмотрите в меня. Вы превратились в окрыленную Снежинку.

Белая новоявленная Снежинка была сверкающая и блистающая, загадочная и неповторимая, легкая и нарядная. Искрилась Снежинка счастья серебристая, чистая, нежная в сонной бирюзой ночи.

— Я летаю и сверкаю, как ослепительная Звездочка! — радовалась озябшая Лыдинка. — Неужели это я? Я не верю своей неожиданной удаче. Нет, это сон или наслаждений ликующий простор? Мне надо проснуться?

Любуясь нарядной Снежинкой, чистая Росинка запечатлела красоту ее перышек в своем обыденном сердце. Восхищенное сердечко Росинки в лучах блистающих чистоты и упоения покрывалось спасительно-белыми хрустящими лыдинками-крылышками. Звездообразные кристаллики нежданно быстро намерзали на искристые Лунные крылышки и превратили озябшую Росинку в еще одну леденистую воздушно-легкую Снежинку.

В холодно-бескрайнем радужном свете зари, с разбега покидая мгновенья покоя алтарной ступеньки, крепко взявшись за руки, белым кружевом полетели Снежинки. Снежинки были уверены, что вместе достигнут всего, чего захотят. Узорный снежный звездопад превращал вьюжную ночь горной тундры в прелестное и совершенное чудо. Внутренне духовно развиваясь и поддерживая жизнерадостность, Снежинки поняли, что исполняется лишь то, что они умели, — смело творить самим. Каждая решила жить в том мире, который создавала сама и о котором мечтала. Они разжали руки, и каждая полетела навстречу судьбе, которую выбрала сама. Окрыленная Снежинка-Лыдинка от счастья нежданных ожиданий танцевала, пела и творила радость в холодных и неведомых высях бледно-белых Лунных даях. Снежинка-Росинка тихо начинала вдруг говорить стихами, загадывая тысячи желаний, мечтая долететь на Лунных крылышках до влетающего в таинство ночи загадочного в переливах света неизведанного Солнца.

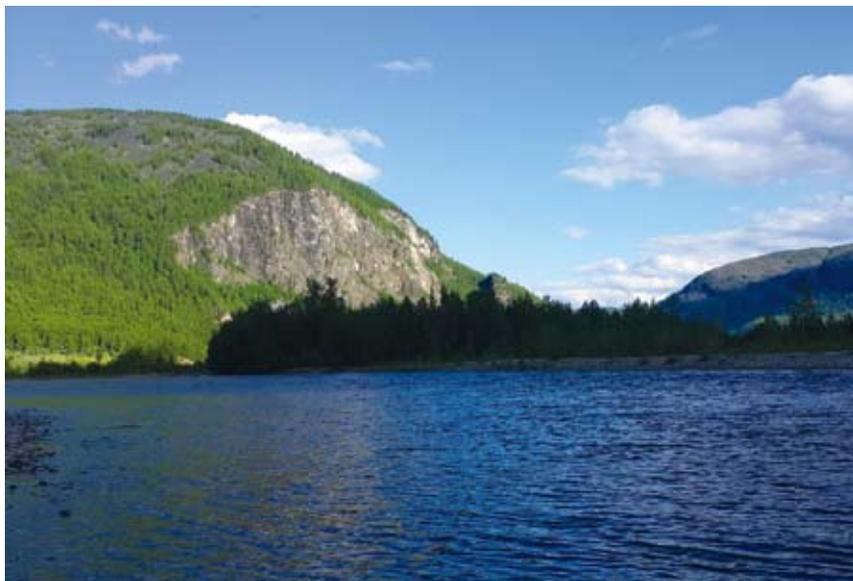
ТРОПА СЫНА НЕБА

Мечтая странствовать в отдаленных уголках, нетронутых современной цивилизацией, бок о бок со смелыми и выносливыми местными людьми, которые каждый день борются с трудностями окружающей среды, вдыхая свежесть горного ветра, нам кажутся очень романтичными приключения, позволяющие узнать изнутри обо всех аспектах кочевой жизни в величественных горах Восточного Саяна. В центральной части находится очень необычный историко-культурный регион с уникальными местами, овеянными массой древних легенд и сказаний. Для кочевых таежных оленеводов, охотников и собирателей родная обитель — крутые склоны гольцов, покрытые снегом, вздымающиеся на высоту безграничного Вечно Синего Неба, дарующего жизнь. Таежники выросли в этих местах, ежедневно наслаждаясь журчанием каменистых рек, пением птиц, свежестью росы и снежными вершинами гор.

В чудесный вечер у костра, при треске дров и жаре углей, под огромными звездами рассказывают таежные кочевники, не умолкая и вспоминая детали, об особенностях края, где краси-

вые природные ландшафты бережно хранят археологические и этнографические достопримечательности. На горных отрогах и хребтах можно увидеть ничем не примечательные тропинки с подъемами и спусками, множеством поворотов и изгибов среди тайги и горной тундры, с остатками сооружений и рисунками, выбитыми на черных отвесных скалах, и каменными пирамидами, следующими друг за другом.

Словно в дымке из грез и видений, открывает нам свою душу таежник, что изначально это были сумрачные тропинки древнейшего населения Восточного Саяна. В доисторические времена каждая семья кочевала отдельно и кучами камней в качестве ориентиров через равные промежутки отмечала пути вдоль ледников. Грудой камней кочующие охотники и собиратели, не знавшие календаря, вдали от центров цивилизации, в условиях крайней малочисленности отмечали вершины почитаемых гор и ключевые точки тропы в самых сложных для ориентации местах. Таежные люди, приручив северных оленей и используя их в качестве ездового и вьючного транспорта, отмечали необычными камнями с изображениями и точками календаря маршруты ежегодной миграции оленей. Объединившись для

охоты и оленеводства, саянские кочевники горные перевалы обозначали кучами камней для подношений духам удачи или передавали загаданные желания при помощи вложенных в них извещений. Кучи камней служили домиком для душ кочевников. Сооружения в человеческой форме в качестве придорожных камней отмечали длину пути и указывали направления. Остались ряды глубоких, параллельно тянущихся небольших впадин на кочевых тропинках в тайге на северных склонах Саянского нагорья, образованных ногами лошадей Тюркской кочевой империи, следующих друг за другом в торговых караванах. Тропинки с сигнальными заставами и стенами из камней построены гораздо позже воинами царствующих династий Уйгурского каганата, охранявшими проходящие караваны и отделявшими сакральную территорию от посторонних посетителей. Строили сооружения и енисейские кыргызы, так как по этим перевалам проходила линия обороны их государства.

Подбрасывая в костер охапку дровишек, таежник поясняет, что каменные пирамидки, где поклонялись духам, рисунки на скалах со сценами преследования северных оленей медведями, чудодейственные минеральные источники у снежников на альпийских лугах, легкие облачные водопады, сказания и поверья каюров всегда создавали впечатление нереально райской дороги. Со временем интенсивность торговых и дипломатических связей снизилась, ветер времен заметал стежки, но после долгого периода забвения строитель континентальных дорог Чингисхан для завоевательных походов и оживления сухопутной торговли по древним маршрутам вывел саянские тропинки из небытия. По извилистым вытоптаным тропинкам

распространялись на запад кони, охотничьи собаки, военное снаряжение, кожа и шерсть, фарфор, ковры и ткани, соль и чай. На юг ехали дипломаты. На юг везли пушнину и золото. Воины Чингисхана контролировали территории, обложив купцов, беспрепятственно проделывающих путь от Тихого океана до Балтики, пошлиной. На всех саянских перевалах для местных таежников, перемещающихся с места на место вслед за стадами оленей, монголы поставили ворота и оставили легенды, что империя Чингисхана на самом большом материке Евразии соединила две части света и стала очагом цивилизаций. Тропа Чингисхана являлась ключом к этой легенде.

Сказочным огнем костра искры взметнулись в небо, рассыпаясь звездным дождем и осветив тропинку, символизирующую жизненный путь, пути души кочевников, где проявлялись судьба и удача при их встречах с новыми людьми на новых территориях. Тропу стали использовать для военных нужд. По короткому пути войска смогли легко пересекать Саянские горы в случае необходимости. Строительство велось преимущественно силами и средствами монгольской армии. По старому обычаю воин на перевале должен был положить камушек или несколько монет. Так образовывалась пирамида двери счастья для просительных и благодарственных обрядов. Привязывание ленточек

вдоль тропинки кочевники совершали дважды: по случаю восхождения на перевал — с просьбой дать здоровье, освободиться от недуга и в знак благодарности. Около пирамидок дерева украшались разноцветными лентами, чудесная сила которых отгоняла все злое от тропинки. Когда ветер колыхал ленточку с произнесенными просительными словами, мольба возносилась к небесам, даже если в это время озвучивший просьбу был уже далеко или занят другими делами. По этим древним тропинкам хребта Хан-Бургут, разделившего с севера на юг скалы над бурными реками Уда и Ия, много веков назад пролегал путь Чингисхана и его многотысячных войск. На этих тропинках возник культ духовного объединителя кочевых племен, ставший их хранителем. Согласно преданию, Чингисхан не искал место для стойбища в ночной темноте. Отбирая для своей армии самых красивых пленниц из местных таежных невест, он перегораживал тропинку на высоте выше двух тысяч метров и совершал торжественные свадебные обряды и последующие семейные торжества с веселыми играми.

Сначала сформировались крепкие семьи, затем государство. Чингисхан сам руководил свадебной церемонией: ставил для молодых новую юрту, разжигал огонь в очаге и преподносил денежный подарок с гербом, повернутым в сторону одариваемых на соединенных ладонях, благословляя брак, если жених и невеста нравились друг другу и родились в подходящие годы. Поклонившись огню очага, где невеста готовила первый чай, жених в шлеме и невеста с прической в форме крыльев мифической птицы надевали церемониальную накидку, садились на коня и три раза объезжали юрту. И только после этого новая семья отправлялись в путь по тропинке. Семья шла впереди го-

сударства, и чем больше у непобедимых воинов империи было здорового потомства, тем они признавались значительными для долгой и счастливой жизни.

Утопая в бархате ночи и освободившись от груза забот, раз-
ум таежника рисовал яркие картины про сражения за горный
перевал Хурэгтын-Дабан. Достигший наивысшей точки на оле-
нях бродячий таежный охотник-лучник стрелу с орлиными пе-
рьями метким выстрелом вонзил в колчан Сына Неба и убил
любимого коня Чингисхана. Опытный полководец был удивлен
и вместо казни назначил лучника начальником перевалов, и
кочевой таежный охотник стал самым верным его последовате-
лем. На месте боя в ознаменование памяти павшего коня Чин-
гисхан приказал соорудить пирамиду путем добавления к куче
камней еще одного каждым проходящим воином. Чингисхан
ценил смелость, отвагу и позволял людям жить счастливо до
тех пор, пока они соблюдали его законы. Любого нарушителя
порядка ждала печальная участь. За грабежи торговых караван-
ов на горных тропинках могучий и грозный Чингисхан казнил
всех. Введенный Чингисханом свод воинских правил – Яса за-
прещал ложь, воровство, прелюбодеяние, предписывал любить
ближнего как самого себя, не причинять обид и забывать их со-
вершенно, щадить страны и города, покорившиеся добровольно,
освобождать от всякого налога и уважать храмы, а равно и
служителей их. Введение свода военных и гражданских зако-
нов позволило установить на тропинках огромной территории
монгольской империи твердый правопорядок. Несоблюдение
законов каралось смертью. Яса предписывала терпимость в во-
просах религии, запрещала ссоры среди монголов, не одобряла
неповиновение детей родителям, регламентировала воинскую
обязанность, правила поведения в бою, справедливое распреде-
ление военной добычи.

Сквозь дым от костра небо зажглось перламутром, а та-
ежник продолжал посвящать нас в тайны о спокойных переко-
чевках его предков на северных оленях и весело поющих свои
бесконечные песни. В те давние годы добавляли таежники к
Ясе Сына Неба множество своих местных примет и поверий,
обещавших хорошую перекочевку и удачную охоту, благополу-
чие на тропинках за почитание души природы. Таежные олене-

воды не наносили вреда всему окружающему миру и не брали с тайги лишнего. Одушевляя живую и неживую природу, таежные люди понимали, чем возмещать тайге и горной тундре за счастье, которым она наделяла их и влияла на их судьбы. Таежники не ловили молодых птиц и не рубили молодые деревья. Без нужды не рвали растения и цветы. Не плевали в огонь кочевого очага и не касались огня ножом, не бросали в огонь

мусор. Не оскверняли огонь, оставляя за собой незатушенный костер. Громко не кричали и не оскверняли тропинку плохими действиями, мыслями или словами. Не переходили тропинку перед стариками, проявляя уважение к старшим.

Над костром звезды стали ниже в причудливых узорах, и таежник объяснял, небо видело всегда все поступки и помыслы человека, который на кочевой тропинке никогда не сможет укрыться от небесного правосудия. Запрещалось без нужды таежникам ранить землю острыми предметами, чертить по ее поверхности и бить прирученного оленя уздой. Запретными считались имена духов почитаемых гор, они хранились в тайне и не произносились вслух без крайней надобности. По поверьям таежных оленеводов, каждая гора и река имела своего духа. Кочевник на тропинке без помощи духов слаб и обязан задабривать духов, пребывающих везде и всюду. Таежные оле-

неводы, вставая на тропинку, выражали почтение огню, после, повернувшись на восток, выражали знаки почтения воздуху, после того обращались на запад для выражения почтения воде, на север — выражали знаки почтения в память предков. Прежде чем пить, надлежало поднести каплю духу — хозяину мест-

ности, для этого выливалась на землю соответствующая часть чая. Если таежник пил, сидя на олене, кочуя по тропинке, то до питья делал излияние животному на шею.

Мерцая, струилось сиянье луны на горных тропинках, и жизнь шла неспешно. Принято было не торопясь пить горячий чай и всю ночь внимательно слушать хозяина костра. Его жена преподносила гостям угощения, напевая малышам свою колыбельную песню. Таежная женщина вела домашнее оленеводческое хозяйство, воспитывала детей, нередко сама совершала перекочевки и охотилась. Кочевые таежные оленеводы и охотники привыкли жить родами, поэтому сохраняли и свято чтили древние обычаи кочевой жизни, передвигаясь в горах

автономно и обеспечивая свое существование за счет ведения таежного оленеводства и пушного промысла. По различным приметам предсказывали погоду, узнавали время без часов, лечили травами различные заболевания людей и животных. Таежники всегда были наблюдательны, любопытны, добродушны, гостеприимны. Гостю обязательно дарили амулет из связки медвежьих клыков или когтей и рассказывали байки о том, как их предки служили каюрами в войсках Чингисхана. Кочевые таежники имели твердый глаз и были не просто проводниками обозов с навьюченными оленями через броды свирепых рек, перевалы и ледники, но и толковыми чтецами тропинок.

В ночной тишине шептались звезды с подругой-Луной о том, что у неба красивые глаза и в них смотреть опасно. Конечно, было всякое на скалах: и бури, и ураганы, и империя Чингисхана распадалась на мелкие части. На ее бескрайних тропинках никогда не было полной изоляции, одни государства исчезали, появлялись другие, сменяли друг друга народы, встречались новые путешественники и идеи. Многие обычаи и запреты отходили в прошлое в ходе преобразований. Все мелкое, суетное процеживалось временем, но походы Чингисхана восстанавливались в памяти. Горные проводники вспоминали, что на небе обитало могущественное духовное начало, дарующее жизнь и охраняющее человеческий род. В контактной зоне между мирами на живом теле тропинок для получения просветления, энергии и бодрости мысленно призывался дух Сына Неба, воплощенный в знамени. Обряды оживления знамени Сына Неба носили созидательный характер, напоминая, что пламенный меч кочевника не выброшен, но вложен в ножны. Знамя единства и братства объединяло и становилось гением-хранителем, в котором древний мир был счастлив под Вечно Синим Небом.

ПОГОНЯ ЗА ПАДАЮЩЕЙ ЗВЕЗДОЙ

Глядя в небо и восхищаясь величием, для таежника не важна была погода, дождь или снег, лето или зима. Вечером у костра под треск дров и сильный жар углей рассказывал путникам старинные и загадочные, напоминающие красивые сказки тотемические мифы саянского народа о сотворении мира. Он говорил о том, как были созданы светлое и чистое Небо, Солнце, Луна, звезды, горы, ветры, а спустя годы первый человек, первый олень, указывающий путь, и первые мифы. Предания давних лет о космических животных, наделенных одушевленными чертами, и одухотворенные явления природы объяснялись близостью человека к природе. Человек и северный олень в рассказах находились в дружественных отношениях, ведь олень, спустившийся с неба, являлся источником существования и не мог быть недругом.

Под темным небом в звездных вкраплениях таежник помнил, что такое сила слова, и, не умолкая, говорил, улыбаясь, что-то вспоминая. Он сказывал, что на заре времен Небесная птица Черный гусь, в пустоте матери всего сущего, сотворила

великий океан и начало бездны невидимого неба. Темнотой замерзающее небо и пустой океан были близки друг к другу настолько, что сливались в единую черную чернь, крепко обняв друг друга. И тогда подумал Черный гусь, что нужно осветить эту чернь снежными вершинами гор, и создал лед и скалы. Небо же оставалось невидным, мрачным и безграничным, заполняющим собою все. Черный гусь внезапно вспорхнул и напугал тьму кромешную неба, створяя гром и молнию, ярче освещая искры снега в небе. От соприкосновения льда и огня он создал разные одухотворенные звезды, олицетворенные в образах разных духов. Их золотой блеск одушевил принимающего новую форму Небо-олени с рассыпанными по всему его телу пульсирующими звездами. Под нарастанием прозрачного купола, украшенного картой звездного неба, с красотой и силой мерцания

удивлял возникновением из талой воды и огня двух близнецов, один из которых превратился в Солнце-олени, чтобы править днем, а другой — в Лунного медведя, чтобы править ночью. Весь мир осветился, день пробудился и был отделен от сонной ночи, появилось чередование времен суток и смена времен года.

— Чувства спрятаны в каждой вещи, — сказал таежник. — Глядя на звезды, сердце наполняется радостью.

В один прекрасный миг темно-синий небосвод в красивом и захватывающем оживлении ронял хрустально-чистый свет и потоком разбрасывал метеоры. Звездопад мгновенно сгорал, оставлял загаданные душевные желания, звездными каплями сливаясь на горы. После выпадения звездного дождя на снежные и скалистые вершины в таинстве потоков слышались вопли и голоса. В калейдоскопе лучей разноцветных вода и воздух наполнились запахом неба. В жгучем порыве пеной взлетая до звезд, появились кочевые таежные оленеводы и олени со

светом глаз темной ночи. Сквозь звездный дождь и радужные сны, мрак поднебесья собой освещая, очень высоко, но не достигая неба, олени звали и брели по тропинкам и руслам ручьев из лета в зиму, за собой увлекая людей и счастье.

Измученные многодневным пешим походом, мы наслаждались очаровательными преданиями, отдыхая у костра. Небу обязанный своей жизнью, таежник обладал особым взглядом на затопленный звездами мир и на свое место в нем. В суровых условиях, бесконечно скитаясь по горной тундре с оленями, рискуя на охоте, спокойная мудрость подсказывала таежнику, что главные ценности — жизнь и красота природы. Переливающиеся радужными цветами сотни появляющихся и исчезающих небесных существ в основном вызывали чувства романтические. Завися от стихийных сил, таежник, бессильный перед ее грозными явлениями, не мог объяснить их и воспринимал себя как часть бессчетного мира звезд и каждую звездочку любил. Таежник чувствовал родство с Небом, Солнцем, Луной, звездами, горами — этими одухотворенными существами. Он уважал их, не нарушал этим равновесие целого, а они завораживали его взгляд, заставляли замирать сердце и загадывать желания при падении звезд. Фантазия глядящего в ночное небо таежника была безгранична. С помощью воображения он зрел масштабные звездопады и с падением звезд связывал огромное количество знаков и примет.

— Моя звезда сильна, — сказал таежник. — Верю, что увижу глазом моего сердца любовь.

На вершине горы обитало жилище Духа, и оно дыханием ветра держало небо трепеща. Гора напоминала стрелу, летящую в небеса, сквозь снегопад и серую дымку знаменами указывала оленям путь. Рядом с острой горой возвышалась гора, похожая на юрту с греющей Искрой-звездой. Она светила ниже края неба, и ее душа никогда не видела солнца. На ней жила звездочка, заросшая горькими камнями и слепой поволокой тумана. Звезда была хрупка, но крепче всей Вселенной и мечтала о мерцании, свет от которого освещал бы тропинки, открывающие новые миры оленям. Над звездой, словно над очагом, увенчанный покоем, горел огонь алмазною пылью, манящий немым оттенком света.

— Звезды на небе неодинаковы, — молвил таежник. — Звезды — дети солнца.

Затерянной звездочке стало грустно и одиноко. Среди холодных скал и откровенной гордой высоты недостаточно звездочке было тепла, заботы и любви. Олени, бредущие по склону, загляделись в вышине на звездный свет, открывающий тайны. В глазах блеснул он ярко, и чувствовали олени тоску, печаль, что нежность встретилась с обманом в замкнутых объятиях небес.

Звездочка светила седым огнем и ее сияньем вдохновлялись олени. К ее лучам всем сердцем рвались ближе олени. От ее света зависели перекочевка, сила и выживание оленей, и важно было знать: куда она исчезает, когда наступает день? Откуда появляется? Почему зима сменяет лето и наоборот, а звездочка остается неподвижна, оставляя добрый след? В поисках ответа олени придумали миф о погоне за звездами.

Мысль оленей звала по следам преданий кочевать и звездочке оказать милость, когда она, расправив крылья, возносилась в чистоту высот. Как грань алмаза, грудью разгоняли туч ненастья, на непроходимых тропинках, заросших камнем, олени бури и ветра собою заслоняли. Во сне необузданного полета воображения олени безумно звездное небо любили, что звездочка в своих объятиях хранила. Скромнейшее горение делилось

счастьем и везением с озаренными оленями. Стадо оленей, о камни и лед стирая небесные кромки, согласованно двигалось в одном направлении, глаза в глаза, поддерживая ослабевших. Звездочка думала об оленях, и они, оказавшись рядом, терлись об острые звездные грани, ощущая сказку волшебной. Чувствуя дикое дыхание неба и сердечный пожар, идущие рядом сникшие олени поднялись на вершину. С ярко-оранжевой звез-

дочкой встретились и могли друг на друга положиться. Взаимно поддерживали поникшие и замерзающие звезды на границе света.

— Звезда не равна луне, — добавил таежник. — Звезда падает к счастью.

Искорка-звезда светила ярко, но свет ее был печален — она была одна-одинешенька. Олени увидели звездочку и решили задержаться возле нее. Вечные странники были так же одиноки. Для Звезды настало счастливое время. Олени кружились вокруг нее, рассказывая обо всем, что встречали в пути, о бурных ручьях, о цветах багульника, о берлогах, населенных медведжатами, о неженке-снегопаде и плаксе-тумане. Звездочка

слушала, смеялась, и ей хотелось увидеть все эти чудеса. По-забыли олени про сюрпризы погоды, надеясь, что это свидание будет продолжаться вечно. Налетела снежная буря и ссутулила сторбившихся оленей интригами осенних ненастий. Пугливое стадо в испуге, шаг замедлив, больше не надеялось на чудеса. От далекого света, бледнеющего и слабого, вытягивая жилы и разрушая мечту, покочевали олени сквозь метели в извилистые и суетливые тени скалисто-го простора. Но не забыли олени наивысшую цель: попытаться подхватить падающую звезду. Олени думали, что жизнь дана им именно для этого.

— Безмолвие звезд многозначительно, — заметил таежник. — Звезды наставляют об уважении.

Звезда очень опечалилась — она успела полюбить этих странников, и ее не сломало одиночество. Заблудившимся осколком хотела лететь на вершины кочевать с оленями, на миг забыв о грустном чувстве. Но звездам не дано бродяжничать по кусочкам неба, светом горизонт озаряя. Она не знала, в чем свобода воли и заслуга это или вина в радостях и невзгодах этой доли. В ответ запорошенные сонной пургой олени не сказали ни слова. Ни желания не было, ни нужной мысли, которую бы успел произнести. Им скучна была пустая тропинка, до утра где-то в снежной пыли бродили, боясь, что звездочка может неожиданно упасть на ложные скалы, сплошь перегороженные ледниками, лучисто раздробиться, погаснуть и раствориться.

Долгие ночи сменяли медленно тянущиеся дни, вечера, сумерки, зори и сыпучий снежный хаос. Звездочка не смирилась с невыносимой разлукой и решила от одиночества сорваться, расправив крылья, алмазную стезей фиолетовый небосклон разрывая. Покинутое небо, теряя себя, падало на острые скалы, а жаркая звездочка знаменем света тонкой полоской ле-

тела. Дрожащая звезда высекала мерцающие мечты, летящие в сердца оленей горением. Ей небес оказалось мало, и упала она камнем горящим в талую воду ледяного ручья. Она бы погасла, сердце разбивая на осколки, но наблюдал за ее падением Небо-олень. Он знал историю звездочки и загаданные желания оленей. Он подобрал беззвучную, как дух, звездочку и, не теряя времени, водворил ее на прежнее место — продолжать вечный полет. Звездочка взглянула с нежностью на затерянный мир, лишь ей было дано знать оленьего счастья секрет. Пронзая света всполохами и растворяясь в нем, почувствовала, что она, наполненная загаданными желаниями, преобразилась в новую планету.

Олени в надежде ожидали судьбы своей звездный ответ. Отделившись быстро от зрачков оленей, перелетела звездочка, собрав остаток сил, сквозь блеск колючек льда и ветра, воющего дико. Звездочка проливала печальный свет на снежные вершины и, когда видела по скалам гурьбой кочующих вдалеке оленей, укрытых звездным покрывалом, позабыв обо всем, срывалась с места в порыве догнать друзей. И снова звездочка, крылья ломая, падала в ледяную воду, а Небо-олень возвращал ее в синей дымке на место. В тот же самый день на скалах родился олененок с глазами ночного цвета и с пятном, как звезд-

дочка, на голове. Звезда во лбу — всегда был добрый знак для малыша пятнистого. Нежничая скромненько, легко удерживал звездочку на весу. Звездочка во лбу светила, роняя свет. Звездочка внушала, будто бы знаменем предначертано с небес, что суждена олененку блистательная судьба — звездный блеск.

— Звезды рассыпчаты, — заверил таежник. — Под счастливой звездой счастливый родится.

Синим вечером зажигалась на небе крохотная звездочка, яркими лучиками освещая тропинку. Вдыхая в себя ледяной воздух, олени на небесах приметывали ее и кочевали за звездочкой, не думая свернуть. Ярко сверкала на небе падающая звезда. В сердце мелькнуло заветное желание. За оленятами и могучими оленями к спине откинутыми тяжелыми рогами выбирали свой путь, брели в непролазном снегу таежники. Задержав на миг дыхание, они не сомневались в том, что звезды влияют на судьбы оленей и людей, ведут их по жизни, даря щедрые благодеяния.

— Горы, олени и люди одинаковы в глазах звезд, — вздохнул таежник. — Звезды меняют все.

В чудеса, в сказки и волшебство особенно верил таежник, загадывая желание на падающую звезду, и ждал исполнения. Натопывая под небом тропинки, таежник видел падающий из небесного гнезда и летящий сквозь ледяные ветры ночи звездопад и задумывал много желаний. Навстречу звездам неслись наугад мысли и размышления. Возможно, когда-нибудь и мечты звезд осуществляются и, распрямив для полета светлые крылья, смогут странствовать за оленями, если горы узнают самую важную тайну падающих звезд. Даруют звезды желаемое тем, кто учится без него обходиться.

УЛЫБКА ВЕСНЫ

Почитание хозяев тайги, горы, воды, неба, скал с рисунками, где предки таежников запечатлели мифологические образы, доступные нашему сознанию. Обычаи добывания охотничьей удачи таежные оленеводы проводили несколько раз в году. Утонченные церемонии одухотворения природы чередовались в дни зимнего и летнего солнцестояния и дни весеннего и осеннего равноденствия. Каждый день старейшина начинал раннее утро со слов благодарности Небу — матери матерей. Старейшина чувствовал себя олененком, следующим за Мамой-оленихой по снегу припорошенному небосводу. А из темноты подымался в запретную зону по холодному лабиринту снежной шапки желанной горы к острию наконечника ледника внимательно смотреть на звезды. Чарующим блеском горели маленькие красные угольки синее синего неба. Он терпеливо ждал, в бесконечность неба окунувшись.

Вечером на еще светлой небесной тундре в ярких огнях Вечерней зари, мечтая о счастье, обнимались с ласковой нежностью ночь и день. Солнышко-олень склонялось совсем близко к

горизонту, приобретая сначала желтоватый, а затем оранжевый и, наконец, красный цвет. Лениво прикасаясь к вершинам гор в плену давно забытых чувств, смотрел внимательно, не мигая, на тундру, окрашивая на заснеженных склонах цветы в золотистые тона. В горной тундре золотисто-желтые краски лепестков распутившегося багульника сменялись розово-оранжевыми и красными в окружении сводов трепещущих туч.

Небесная тундра внезапно адела. Плененные загадочным мгновением облака вспыхнули ярким пламенем. Солнышко-олень готовится к отдыху и ко сну, казался раскаленным красным шаром и устало палил буйное сиреневое цветение маральника своим жаром. Вечный бродяга сердился, что ему приходится опускаться за червонный край ласковой горной тундры. Каждый лучик Солнышко-олень плавно и медленно

заходил за горизонт, и небесная тундра переливалась невероятной красотой красок, то прозрачных, то густых. Легкие облачка играли алым и карминовым цветом. Солнышко-олень, висевшее среди вершин гор, вдруг резко сползло за обрывистый перевал потемневших зубцов. Вечерняя заря догорала в сумерках последними красками. Стерлись грани соприкосновений, исчезли границы сновидений в черноте и тишине. Над частью Вселенной зажигались и холодно мерцали высокие, безучастные ко всему первые звездочки.

Среди других меняющих лица звезд, очень похожих друг на друга, росла маленькая яркая Звездочка, она мерцала и переливалась радужными искрами, улыбалась. Лучи ее становились все изящнее и длиннее, и, наконец, превратилась она в самую настоящую яркую Звездочку Зари. По мере того как гасла заря, Звездочка становится все ярче и ярче, а когда совсем стемнело,

она резко выделилась среди самых обычных звезд и, сердцем вдыхая ночную прохладу, поплыла по своей звездной тропинке — красивая и сияющая. На пути Звездочки появился вольный странник Перламутровый метеор, блуждающий между недоступных звезд во мгле. Прозрачно нарушив покой, не дыша, плыл навстречу Звездочке с рассыпающимся сиянием, мерцающим серебром. Они встретились лицом к лицу. Манила милая улыбка с отзывчивой, чуткой и с необычайно доброй душой. Смущенная Звездочка разглядывала лучистые и ясные темно-зеленые глаза редкой красоты. Светлая любовь и грусть, мечта

и нежность ослепляли ее зеркала зрачки.

— Я рада, — заинтересованно сказала Звездочка. — И что ты хотел мне сказать?

Тихо Перламутровый метеор подвижной плазмой обнял Звездочку, улыбнулся и позвал ее с собой в волшебное путешествие по чудесной

Звездной тундре. Звездочка полюбила Перламутрового метеора всей душой. Звездочка Зари чувствовала себя очень счастливой. Но Перламутровый метеор жестоко улетал с космическим ветром перемен. Все длиннее и длиннее становились разлуки и все короче и короче встречи. Надеюсь, он признается, что был неправ, долго мотаясь по мраку, горько рыдая, покаяется. Покой воцарится в сердцах, свой счастливый приют обретая, вместе будем беречь и хранить переливчатый свет зари.

— Ты подмигнешь мне опять? — голос Звездочки совсем дрожал. — Просто обещал...

Звездочка блуждающим взглядом умела прощать, ждала метеора терпеливо и преданно, но становилась грустной, и свет ее медленно гас. Звездочка поднимала свои огромные заплаканные глаза и ждала, надеясь, что на следующую ночь Перламутровый метеор вернется и станет судьбой. Сердечко Звездочки осветит он мягким светом и согреет от стужи. Одинокая

Звездочка в бескрайнем просторе ждала долго, чувствуя боль и проливая слезы. Блекло светила и совсем не грела безразличная Луна. Пролетая час-другой, и она заходила за горные пики. В середине ночи Звездочка в вымученном ожидании метеора слабела от разлуки и в нескончаемых высотах не появлялась. Опустив глаза, в тайных мирах грез от придуманных ревностью мук глубоко скрывалась.

Темная ночь постепенно отступала. На востоке светлая полоска начинала брезжить, алеть и разрастаться. Гасли глазастые звезды в плавных переливах цвета блестящих облаков на фоне прекрасного цветосочетания. Туман обволакивал камни горной тундры. Сквозь ярко-малиновый снег на горных вершинах пробивались робкие лучики и мордочка Солнышко-оленя. Тундра вдыхала свежий воздух. Утренняя заря разливалась по всему розовому небу, полыхала заревом. Медленно доброжелательный Солнышко-олень вползал на горы с новой нежной Утренней зарей знакомиться. Выше поднимался Солнышко-олень, наполняя нежными красками и теплом небесную и горную тундру. В последнем ласковом целовании с нежностью разлучались ночь и день. Утренней свежестью умытая в росах загоралась заново Звездочка, пробуждая надежды, что скоро с метеором будет вдвоем.

По стопам уходящей прохладной ночи, перед мягким утренним рассветом Звездочка возвращалась в роли Звезды рассвета, смотрела в высоты и не давала вернуться ночным грезам. Небо совсем рассветало исчезающими звездами. Красавица Звездочка рассвета все светила и светила вместе с Солнышко-оленем, смотрела на яркие утренние зори в ожидании Перламутрового метеора, летящего в восходящее солнце.

Вся горная тундра была покрыта зимним снегом. Смерзшийся снег был плотный, как домик-снеговик, и в нем среди других сестер спала хрупкая и нежная, очень маленькая синеглазая Снежинка. Солнечные лучи ласкали пропитанные светом снежные сугробы и нагрели их так, что в них стало тепло. Снежинка проснулась сразу и поняла: что-то происходит необычное в обычной небесной тундре. Снежинка нелепым взглядом наблюдала за Солнышком и очень хотела, чтобы ее заметили. Снежинка готова была выйти из холода веющего забвения и

осторожно вышла гулять, кружиться. Снежинка и Солнышко слегка, как будто невзначай, глазами встретились, в сердце холодном приутихла царапающая метель. Радуюсь жизни, Солнышко от счастья обронило печальной Снежинке нежную и бесподобную улыбку. В улыбке и блеске глаз прятались мечты.

— Твоя улыбка прекрасна, — призналась в своих чувствах Снежинка. — В ней радость и счастье.

Улыбка на сердце Снежинки сохранилась и даже в холод и стужу, как Солнышко, согревала, давала полет мечте. Утопая в блеске Солнечных глаз, доверчивая Снежинка в ответ улыбнулась. Встретились улыбка звезд и смех летнего тепла. Снежинка сияла кусочком солнышка и, озарением полна, миром горной тундры восхищалась, мечтая своим теплым сердцем все изменить, украсить и согреть. Внезапно что-то чувственно изменилось. Белоснежной Снежинке показалось, что счастье узнала. Безоглядно меняя свои очертания прохладного прошлого, наивно рискнула превратиться в цветок.

— В красивом весеннем наряде, — старалась придумать красивую фразу Снежинка, — меня еще не видели.

На проталине Снежинка раскрылась красивым и прекрасным цветком, невиданным Подснежником, изысканно синим, как небо. Ласкали Солнышка взгляд нежные лепестки, соединившие в себе изумительный рассвет, восхищение зари и лазурное утро.

— Чаще, Солнышко, улыбайся, — старалась подобрать лучшие слова Снежинка. — Дари улыбку и весну.

— Прелестный цветок, — призналось, искрясь смехом, Солнышко. — В сердце цветет весна.

Маленький, тихий, нежно пахнущий Подснежник цвел посреди холодного снега. Крохотный, но смелый цветок не испугала зима. Зима не хотела отступать. Подснежник нараспашку согревал горную тундру. Зима помалу вьюгой задувала, но медленно, отчего грустно таяла.

Потом совершилась измена. Чувства стали тише. Осталась в сердце равнодушием наполненная пустота. Солнышко спряталось за вершинами гор в ночь холодной Луны. Одиноким цветком казался особенно ярким в лунных лучах. Любоваться

цветком не уставала, немного завидовала красоте цветка несравненная Луна. Не дыша смотрела и смотрела, улыбалась, сравнивая Подснежник с чудесной весной. Подснежник ночью видел не одну Луну. В небе бездонном затеряно много светил.

— Счастье сбилось с тропы, — нашептывал Подснежник. — Жизнь подобна звездной ночи.

В полуночной тишине серебром струились затерянные лунные грезы. Стыло сердце Подснежника на жестоком ветру, хотело, увядая уныло, слякотью плакать. Прикусив губы, затаив дыхание, цветок слабел. Меняли лунные сумерки смутные очертания, медленно превращая цветок в сиротливую Снежинку. Каясь, неподвластные Луне чувства просили осознания. От разлуки страдал и до утра просил у темнее черной ночи небесной тундры Солнечное подаяние.

— Между нами Луна, — лепетал покинутый Подснежник. — Тундра от слез не видна.

Одиночеством утомленный без сна цветок с рассветом пытался мысли читать, жадно смотрел в глазах восходящего Солнышка, обретающего очертания. Блуждающий взгляд обещал надежду, что весь день будем, вместе сходя с ума от счастья, делать жизнь прекрасной.

— Я хочу тебе дарить себя, — несмело шептал Подснежник. — Сердца оборвутся друг без друга.

— Я отвернусь неуютной ночью, — сказала Солнышко. — Моим глазам придется снова врать.

Улыбалось Солнышко больно очень, как счастье ниоткуда, превращая боль расставания в надежду, что завтра снова будет новый день и израненному холодом весеннему сердцу станет теплей.

АМУЛЕТ

С Восточным Саяном связано много легенд, и рассказать обо всех просто невозможно, поэтому сюда нужно приехать и почувствовать мистику и поверить, что история, духи разных эпох постоянно витают рядом. Подавляющее большинство путников и путешественников для исследования и отдыха выбирают исторические места на оленьих и звездных тропах.

В горах, кроме вездесущего неба, не было ничего, и оно глядело на снежные вершины синими глазами. Небо находилось везде. Не было такого места, где бы не было его. Небо было где-то далеко во Вселенной, здесь, на пиках гор, и везде. Поэтому присутствовало с каждым кочевником одновременно. Солнце было на небе. Но кочевники не замечали солнца, а оно искало людей.

— Почему не смотрите на небо? — огорчалось Солнце. — Зачем вам небо без Солнца?

— Жизнь дает небо, — отзывались кочевники. — Но учит и кормит тайга.

День становился короче и короче, ночь росла. Обиженное Солнце скрылось за острыми зубцами гор, укутанных снежными одеялами. Внутри небесной темноты, играя мгновениями, как звезды, кочевали таежники, заглядывая в небыль сквозь холодные ледники. Не ожидали снегопада высочайшие горы. Ветер гнал с неба печальный снег, наотмашь бьющий камни, людей и оленей.

Негде прятаться, везде кочевники были в тяжелом небе, везде в кочевниках было черное небо. Невозможно было сбежать и скрыться от неизбежности холода, и движение замедляло время. Хлопья, крупные, густые, падали на немые следы и на тени оленей в непроглядной темноте ночи.

— Солнце, вернись, — просил кочевой таежник. — Растопи кусочек льда внутри.

В холодной безразличной глубине неба вдруг блеснули и соединились звездочки. Сквозь холод и мглу лабиринтов ледника прорвались горячие и ярко-золотые лучи. Надежд спокойных не спугнув, забрезжил светом и вслед за лучами прорвался алый олень. Он казался бесконечно огромным и красивым. Золотая шкура оленя была покрыта рубиновыми пятнами. Кончики ветвистых рогов сверкали платиной, копыта блестели серебром. Олень самозабвенно прыгал, скакал, скрывался в очарованном восходе золотом лабиринте ледника и вновь появлялся. При виде оленя старейшина застыл в изумлении, но, взглянув на оленя с любовью, обрел дар речи.

— В себя вернись, приди домой и прими облик Солнца, — чуть слышно просил таежник. — Очаруй Небо на счастье.

Рассыпая золотые чары, Солнце-олень взмыл в воздух, принимая свой истинный облик, укрепляя Небесную верность. Таежник произносил благопожелания и просил возрождения природы и жизни. В огне светила разжигал кострище души, а в дыхании стихии и танце огня амулет иступлял.

Хитросплетенный амулет был стражем душевного равновесия, придавал нужные качества. Когда ранимый амулет капризничал, таежнику необходимо было с ним подружиться. Таежник проводил обряд очищения амулета и робко договаривался с духами природы. Развел костер и дал ему разгореться. Приковывали взгляд тлеющие жарко угольки под сонной по-

волокой медленно плавившегося зеленью неба с неподвижной Полярной звездой.

— Солнечный Свет, с пространством сливаясь в единое целое, тебе доступны все миры горной и небесной тундры, явись во сне и наяву, — просил таежник. — Дай берегу чудесные свойства, обогрей нас всех. Свои тайны раскрой и скажи, как жить.

Последний луч Солнечного Света мелькнул из-за краешка тундры. Таежник положил в костер сухие цветы горного багульника. Глубоко вдохнул и выдохнул дым, в дремоте представляя, как остатный лучик проходил сквозь минувший дым, уткнувшись бликом, вплетался

в амулет, выводил все лишнее, скидывая суету, весь окружающий мир одухотворяя: тайга, тундра, небо, огонь, горы и снег оживали, сохраняя в себе самое ценное — души. Эти силы природы влияли на жизнь человека и могли помочь найти ответ, почему летом дни длиннее, а зимой короче. Представил таежник, что с Солнечным Светом общается, как с близким другом, что нашел взаимопонимание. Почувствовал, что обретает знания, которыми обладал Солнечный Свет, и желания поднимают его на уровень творца своей жизни.

— В сиянии неба, Солнышко-олень, взойди и улыбнись широко, тепло и красиво, — просил таежник, глядя в бескрайний полуголый горизонт. — Почему ты трескучей зимой постепенно поглощаешь день, почти не кочуешь над горной тундрой?

— Зимой высокомерные молчаливые горы отворачиваются от нежного Солнышко-оленья и смотрят в морозных сугробах беспробудные сны, — ответил Солнечный Свет. — Северную гору накрывает чернейшего цвета тягостная полярная ночь в белом безмолвии снега.

В обезумевших от гордости горах темно, как ночью, зимой тусклый день становится коротким, затягивая мглой небосвод. Бродивший по кругу Лунный медвежонок с чувством радости и страха, встречая холод, под коркой ледяной впадал в спячку.

Наяву случилось чудо, с бледными духами метели наступала весна. Дни становились постепенно все длиннее и длиннее. Просыпаясь утром, таежник сквозь просветы вершин снова

видел быстрый и сильный, ловкий и неукротимый расцветающий Солнечный Свет. Долгожданный, родной Солнечный Свет любил слышать похвалу. Таежник радовался его появлению и непременно расхваливал его красоту и блеск. Солнечный Свет растекался от счастья, лаская всех, кто в нем нуждался. Таежник вдохнул и задержал дыхание, это состояние радости влилось в сердце, оставляя немножечко места для чуда.

— Солнышко-олень, не уходи за горизонт, свети весь день, — просил таежник. — Шагая в новый день, улыбаясь, поднимаясь на вершину горы, пусть наступит нежное утро, спускаясь с вершины, меркнет закат, принеси снова вечер. А за ним покой и ночь. А за ними прямо в глаза издалека пусть летит утренний свет.

— Вспоминая радость Солнечного Света, горная тундра вращается вокруг лучистого Солнышко-оленя, — с гордостью произнес Солнечный Свет. — Летом далеко-далеко, на краю горной тундры, мудрая Северная гора кланяется ласковому Солнцу.

И она больше освещена, там круглые сутки солнце светит, от нее падают на тундру четкие тени. Горная тундра очень большая и поворачивается к Солнечному оленю то одной своей стороной, то другой. То молчаливой и угрюмой южной горой поклонится, то северной за ними меняются тени. Караван ледяных вершин в сизую даль склоняется ниц, и меняются по очереди лето и зима.

Солнышко-олень садится, тени горных силуэтов удлиняются, днем укорачиваются. В седловине меж гор у ковша Большой Медведицы, в видениях, будто наяву, гладил Лунного медвежонка нежно меховой лапкой Солнечный Свет.

— Прости, что разбудил, прости, — из берлоги будил ласково Солнечный Свет. — Беззвучно уходит тьма дремлющей ночи,

проспишь одинокий рассвет. В заснеженных далях тебя ждет Солнечный олень.

Резали небосвод пики вершин, возвращаясь в бодрящую явь. Амулет был чувствен и ярк, давал уверенность, позволяя получить доступ в тонкий мир Солнечного Света, сжигая прежней сонной жизни все грезы. Вдруг вспыхнувшим внутри светом стало в таежном теплом сердце светло. Таежник хотел себя найти, хотел сам с собою побыть. Только лишь на миг любопытный Лунный медвежонок коснулся величавого Солнышко-оленя. На подтаявшие сугробы издаликала необычная тень затмения. Под ореолом и мерцанием звезд Лунная тень на белесой тропинке была как-то невольно очень большая-большая. Накрывала полностью бессмысленность непройденных перевалов и белых оленей горной тундры. Лунная тень бежала за Солнечным Светом вдогонку. Отталкиваясь от вершин гор и путаясь в снегах, Солнечный Свет мчался за темный горизонт, от себя далеко не отпуская Солнышко-оленя.

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

В высокогорной тундре напролом по солнцу и размеренно по лунным тропинкам кочевали красивые и стройные Северные олени. На спину без боязни положив рога, сверкающие ветвистой красотой надежд, белые, словно первый снег, олени грустными глазами искали беспечно свежий ягель. Забрели к бирюзовому озеру, скрытому в горах. Озеро глаз с чистой кристальной водой располагалось высоко в горах среди белоснежных вершин. Много, много видело зеркальное озеро, в нем отражения скользили, словно живые. Не умела лукавить волшебная вода. Нежнейшую усладу Солнца, отблески Луны, избытки чувств, ласку звезд и темный цвет крутизны без приторности отражала.

Цветением звездного неба опьяненные, головы наклонив, замерев, с любопытством смотрели в зеркало озера. В обнимающем оленей зеркальном озере было много пространства и света. Изменились задумчивые и усталые глаза оленей. Осторожно, чутко, очень пугливо, с сердцебиением до мелочей любовались собой и небом.

В отражении простой зеркальной воды сквозь дыхание небес расплывчато, туманно, мельком заметил доверчивый Олененок других оленей в окружении звездочек. Вроде бы такие же наивные, как он, были. Смотрели на Олененка так просто-сердечно. Заплаканные глаза северных оленей ночью светились тусклым желтым светом. Отражаясь в откровении ночи, боль

сомнений растворялась в слезах невинного счастья. Звездочки блестели на лицах оленей. Стадо оленей с глазами, светившимися удивлением, в темноте видели издалека даже далекие бродяги-кометы.

На секунду замер, озираясь, Олененок с глазами, в которых светились синие звездочки. Из зазеркалья всматривался в отражение и видел глаза оленей. У оленей мутные глаза светились радостью и тайной. Они сияли изнутри новым прекрасным светом, без зависти и лжи. Глаза сверкали, как звезды в небесной тундре, высекающие свет. В них жили осколки чудес, излучающие свет. Улыбались олени другой улыбкой. Они важно отсветах парили со звездами, над тенью и эхом горной тундры, зная, что ставка повторения в отблесках бесконечно высока. В небесной тундре держались за звездный след и грезами проносились с комическим ветром в погоне за судьбой.

Держась за свою стихию, взирал удивленно неуклюжий Олененок, как, жажду полета утоляя, мчались к звездам олени. Ленивый Олененок, выворачивая сердце, не взлететь не смог. Заглянув вглубь распахнутых глаз, он волшебным мановением взвился по следам несбывшихся мечтаний. Поднимаясь и заполняя межзвездную пустоту, наглядеться не мог светлым сиянием приключений. На перекрестках туманных тропинок в лабиринтах синих-синих созвездий с неземными глазами слишком ярко или тускло отражали Олененка чувствами наружу.

В серости тумана и скрытой дымке без упреков, сердцем, осторожно открывало отражение пристально и долго наглядные секреты.

Олени и звездочки на небесах, в глазах и в случайных слезах счастья по щекам отражались без сомнений. Олененок, всматриваясь в зеркальное отражение, видел горную и небесную тундру в отражении глаз оленей. Осколками рассыпались вокруг алмазами горящие созвездия.

Олененок терпеливо смотрел в синеву отражения до черноты, безумно искал истину. В опустошении, не замечая ни чувств, ни горной тундры реальной. Он в тайны сердца погружался, не боясь остаться в мерцающей глубине. Зеркальный свет звездочек иных чарующим огнем звал и манил, не согревая. Зеркальное отражение помогло Олененку оставить мысли мрачные, взлететь к бесценному жару в туманности звездные. Любовь звездопада оказалась безответной, издали раздражаясь, смотрели огарки искоса на безликое Олененка отражение. Олененок вздрогнул, миражом любви мелькнуло прекрасное счастье. В холодном трепете мгновения пожалел уныло, что смотрел всего лишь на звездные зеркала в отражении.

Зеркало глаз, глядя вовнутрь себя, меняло способность свет излучать блистательно и ярко. В раздумьях чувственных оков совсем не теряясь, новый образ проявляя, Олененок почти совсем не изменился. Пытаясь сердцем объять необъятное, в рухнувшей надежде радужный взор стал правдивей, но не такой, как прежде.

Неспешно ночь уходила, в глазах оленей тускнели зеркала, не стало видно звездного отражения. С усталостью на плечах неторопливо вернулся Олененок в свою стихию отражаться в

отражении Солнца. Отражение слепило глаза, сопряженные с любовью Зеркального Олененка, в которых светились бирюзовые звездочки и медленно таял лучик Солнышка.

Полыхая жгучим огнем, восходящее Солнышко медленно взбиралось вверх по надломленному холодным льдом горному склону. Встающее Солнышко осветило спящих в горной тундре оленей. Ласковое Солнышко заботилось обо всех своих братьях-оленях. Олени неустанно делились всеми своими прекрасными мыслями, чувствами и желаниями с радостно увеличивающимся Солнышком. Все перемешивая, светоносное Солнышко накапливало это возрастающее добро. Множилось добро, благодатное Солнышко делило его на равные ослепительные лучики и дарило ликующим оленям, кочующим по горной тундре.

Миленский Олененок был очень похож на ненаглядное Солнышко. Слишком искренне сквозь слезы напролом через тундру Олененок спешил на вершины гор закатное Солнце погладить рукой. Роняя от камней глухую тень, беспечное Солнце миг за мигом двигалось в наклон по обманчивой, коварной мгле между горной и небесной тундрой. Угрюмым кругом в скучной темноте взошла чарующе горькая луна над спящими в отблесках холодного света оленями. С испугом срывался снег, перепуганно гремел камнепад, упавшие звезды страхом оленей будили.

Когда Солнце заходило за черные горы, оно знало, что не хотело уносить незакатное добро в темный мрак. Чтобы предотвратить потерю доброты, задумалось Солнышко, где могло бы спрятать свое негасимую доброту. Казалось, что нет такого места в печальных ледниках и ужасных скалах потемневшей тундры. Олененок и Солнце были чисты и в стремлении к добру составляли единое целое. Спрятало Солнышко добро вглубь памяти сердца самого милого Олененка. Недремлющее сердце было единственным местом, где немеркнущему добру было хорошо, не вредило другим и ему одному, обогревало своим теплом.

Бескорыстный Олененок мечтал радость и улыбки лишь дарить. Тщательно разделил неослабное добро с другими оленями, отдал все полностью родному стаду, оставил в сердце кристально чистую мечту. Зажглись впотьмах над серой тундрой мечтательные звездочки путеводной тропинкой.

В сердцах оленей лучики добра продолжали свое дело. Теперь каждый олень участвовал в сохранности мягкого тепла и света, и настолько много, насколько были светлы и прекрасны их мысли. Счастлирое, неослабевающее добро мрачной ночью не было частью единого целого, его прилежно хранили добросердечные олени в своих сердцах.

Кочевал осторожно Олененок по сумраку горной тундры, чтобы в крошечной тьме пройти испытание вечным добром. Искал, поднимался и спускался по кочевым тропинкам в поисках солнечного немеркнувшего добра, которое можно найти только внутри себя. Обычное добро пришло с возникающим из унылой бездны беспечальным Солнышком, несущим надежду,

согревающую всех не спящих оленей. Чистое сердце кроткого Олененка мечтало, что станет спутником добродушного и отзывчивого восходящего Солнышка и удвоит нетленную доброту взаимной любовью.

Олененок обожал взгляд неповторимых глаз Солнышка. С рассвета до заката от невероятного счастья любовался и кочевал за ним. Вечером, когда Солнышко спускалось ниже, ниже и заходило за далекие горы, Олененок с грустью во мраке шел

от звезды до звезды, сквозь небесную тундру, по бесконечному Звездному пути, живя мечтой о том, что завтра снова увидит Солнышко. Мерцали созвездия в ночной мгле, светя заманчиво и ясно, подпуская к себе ближе Олененка.

В густом и разреженном центре пути Олененок разглядывал кружение маленьких звезд без теней. Олененка ослепили искры от дрожащей Утренней звезды, споткнувшейся с блуждающей в темноте кометой. Одинокое сердце Олененка вдруг печально споткнулось в груди. Померкла небесной тундры многомерная гладь серебряною чернотой, звездные искорки, переплетаясь с крутизной, падали по тлеющим горным откосам. Камнепады и снежные лавины затапывали хрупкость звездных искр. Открылись новые миры мечтаний.

Олененок искал огарки искр. С большим трудом нашел на дне мрачного ущелья последний уголек вечной звезды. Осторожно прикоснулся Олененок к звездному проблеску из нездешнего мира. Олененку было очень близко его тепло и особый пыл, как звездная искра светил. Олененок, исцеляя сердце, вложил в объятия оберегающего амулета дорогой звездный зачаток. От нетленной любви смягченное горение звездного огня превратилось в золотой бутон. В его удивительных чертах было

заключено счастье. В причудливых мечтах ночной красоты бутон не раскрывался.

Из обратной глубины в ранней тайне сокровенной поднималось первоначальное Солнышко. Яркий луч пробился сквозь гордые и крутые вершины, гуляя с подругами, любовался золотистыми искрами. Глаза Солнышка легко и тревожно мерцали, когда, разгоревшись, смотрели на осколок звезды. Золотом пылающий луч пронесся к звездному бутону. Случайно оживил тепло, надежду, преображая все живое, забыв частичку собственного света, вернулся к Солнышку греться внутри.

Чудесное откровение в череде изменений стало возможно. Неразгаданный прелестный бутон, встретив красный восход, легко загорался. От беззаботного счастья любви рассветло очаровательным и нежным цветком кашкары, ярче звездных искр и блуждающих Светил. Солнышко взошло, с него сорвались света новые лучи, озаряя цветок.

Раскрытый цветок цвел среди Солнышка, равнодушной Луны и гаснущих звезд. Цветок брал от солнечного цвета золото, у Луны тайну, а у Утренней звездочки мечты. Маленький Олененок это чудо положил на камни горной тундры, и золотисто-желтый цветочек Улуг-кашкары стал распускаться на молодых побегах, прижатых к скалам темно-бурыми ветвями. Среди вечнозеленых золотисто-бледных листьев, слегка завернутых на краях, красовались большие золотисто-желтые цветы. Побежала по горной тундре к солнцу цветочная тропинка Улуг-кашкары, щедро рассыпая соцветия. Украшенные цветочной пылью и застывшими слезинками венчики Улуг-кашкары красиво улыбались. Желто-оранжевые цветоножки пританцовывали. Горящее сердце цветка пламенем звездным пылало. На цветочной тропинке золотой крошкой блестели цветочные звездочки Улуг-кашкары. Звездочками ее цветы раскрывались навстречу солнцу на рассвете, поворачиваясь, бежали за ним в его пути по небесной тундре до самого заката.

Оставив пронзенный темнотой цветок на звездной тропинке в потоке звезд, ожидая первый цветочный свет зари, Луна луч солнечный забрала, без огня оставляя Олененка на Звездном пути и горящем сердце цветка Улуг-кашкары сладчайший след любви.

ВЕЛИКИЙ ГОРНЫЙ ДУХ

Блуждая по пустым и неуютным тропам среди могучих горных массивов, покрытых дремучим кедровником, мы путешествовали в верховья бесконечной реки. Постепенно продвигаясь к югу, к главному хребту Восточных Саян, с белыми снежными пиками вершин, которые виднелись невдалеке, на фоне синего неба. Прямо перед нами возвышался перевал и освещенная оранжевыми лучами заходящего солнца скалистая громада высокой горы. День приближался к концу, и из ближайшего ущелья повеяло жестким холодком. Мы шли по тропе, в надежде к ночи дойти до кочевого чума старейшего таёжного оленевода-охотника. Говорили, что он понимал колеблемые и опутанные Духом горы. Среди гор глухих один он постигал обличье одержимого Духа. Горный Дух слышал старика и помогал ему.

Вскоре мы вышли на небольшую поляну, посреди которой приютился чум, живописно расположенный под навесом высокой скалы на розовый закат похожей. Вершины запретных сфер окружали старые могучие кедры. Рядом с чумом на скале

виднелся рисунок оленя, напоминающий птицу в окружении медведя с солярными, лунными и сказочными существами. Это был наскальный словарь таёжных мифологических сюжетов: светил, зверей, явлений природы, времён года и духов. Мне впервые представилась возможность ознакомиться с широчайшим спектром культурной символики, открыть для себя новые образы и явления, вошедшие в кровь и плоть Саянской кочевой таёжной оленеводческой и охотничьей интеллектуальной традиции.

— Здравствуйте! — кричал обрадованный старик, приглашая к костерку. — Я рад смельчакам, которые могут взобраться на самую высокую вершину горы, чтобы посмотреть на жилище могучего духа.

Несколько ночей подряд мы спали на мху у костра рядом с духом огня и хозяином горного перевала. С жадностью выпив несколько кружек горячего чая, удобно расположились на

теплой оленьей шкуре с намерением хорошенько выспаться и отдохнуть от суеты земной. Ночь была светлая, лунная и звёздных россыпях просторная. Холод усиливался, и маленький звук в тайге слышен был на большом расстоянии. Тайга медленно опустилась во мрак небесной низины. При слабом мерцании пламени костра, в миг озаренья, я вновь различил померкшие краски наскальной фигуры оленя. В этих узорах таинственной меткой, возможно, таился судьбы поворот для искателя путей не открытых и истин позабытых.

— А ты думаешь — Горный Дух, в каком виде воплощается? — чтоб все понять, я спросил старика. — В одном случае может сие и зверь, а в другом — нечто невидимое?

Радостью нежной пламя костра лицо старика озаряло. Старый зверолов рода древнего наследник Охотника-медведя, ни-

кого не боялся, кроме хозяина гор — Великого Горного Духа и осторожно открывая души своей свойства, начал рассказ о борьбе с молодым неженатым медведем, которого по неопытности, отгонял от стада оленей. Зверь бросился на охотника и пожевал ему пальцы. Острым ножом он обрезал всё повреждённые лохмотья, а раны полил горячим медвежьим жиром. Пальцы зажили, и старый таежник ими приручал оленят, промышлял по-прежнему пушного зверя. Добиваясь милости Горного Духа, затаив дыханье, подносил тёплой рукою в звездных морщинках ему подарки, поднимаясь на неприступно величественную вершину снежной громады.

— Он жег, лелеял, радовал и мучил, лишал покоя, бодрости и сна, — изрёк старик. — По линиям жизни, мы — вечные странники.

Множество незапамятных знаков мифологических образов соединено в преданиях этой горной страны. Старик сидел у тлевших углей, и говорил, что со дня сотворения картины мира живёт в Саянских горах Великий Горный Дух, образ мощи

самой земли. Мало кто его видел, а те, кто замечал, говорят, что он всегда — один, а ростом до звёздных далей, волосы и борода у него седой середины белые снега и прозрачной воды, а глаза — чернея угля. Сердца всех таёжных существ, насквозь его очи видят. Горный дух нечасто выходит на свет и может появиться в любом месте — в небе, тундре, тайге, горном озере и чёрной пропасти ущелья, в снегах вершин и в пенистых водоворотках бурных рек и водопадов. Как только на горы первый снег ложится, Горный Дух на большом олене с огромными и золотыми рогами гонит по широкой тайге пушистого соболя. Всю зиму сон медведя в берлоге оберегает. С весны, когда сходит

снег по долинам и горам, и до глубокой осени отдыхает среди цветов багульника, набирается сил для следующей охоты. Не любит дух, когда глупыми криками сон его тревожат. Его успокаивали журчание каменистого ручья, шелест лепестков цветка

кашкары, хруст шишки о кедровые ветки, шуршание обледеневшего снега и перезвон падающей росы.

— Добычею богатств он не занят, — заметил старик. — Из сердца он их достает.

И сторожат его отдых сильные ветры — колючие и лохматые, что бегают по тайге быстрее Белого оленя. Сидят они в горных гнёздах и безмятежность своего хозяина оберегают. А коли, кто со словесным зудом и гомоном приходит в горы, шуметь начинает, и сон Великого Горного Духа тревожит, срываются ветры, с заповедных вершин, рассекая тучи, гонят бесцеремонных гостей со склонов. Это могучий дух вызывает горные обвалы, камнепады и лавины, нагоняет бури, метели и ураганы, сеет сомнение, недоверие и страхи.

— Сон как рукой сняло, — сказал я, внимательно слушая повествование старика. — Маловерный мой ум отблеском тлеет в небе ночных преданий.

Звери, кедры и травы радуются летней и зимней тайге, солнце благодарят за щедрые его лучи, за тепло дня и холод ночи. Они знать не знают, что Горный Дух наблюдает за ними. Не любит дух, когда криками своими сон его тревожат. Терпеть не может несправедливость и обман. Он нередко вмешивался в дела таёжные, если появлялись в его владениях хитрый пройдоха, а бедным всячески помогал. Шептал осторожно, а может быть, кричал в человеческий разум, предугадывал неудачные случаи и невзгоды. Плутов и мошенников наказывал ненастьем, слякотью, горной непогодой.

— В стаде диких оленей не добывать — только одного на прокорм семьи и не больше того, а на самого вожака в осеннем стаде — запрет, — давал великий завет Горный дух. — Так я учил! И это вестимо всем!

В горных лабиринтах и тундрах, где не жили люди, молодой неженатый медведь, с неразумным сердцем взялся охотиться на оленей дикарей. Прятался за кусты и камни, ложился на землю, полз на животе, надевал на себя кедровые ветки и оленьи рога, и не был бы виден охотник дикарю. Медведь хитрил и старался изловить оленя, но он имел другой запах. Ползая по сырой земле, он не смог быть чистым, как дикий олень на стройных ногах. От его запаха олень фыркал, прядал ушами и уходил.

— Не уйдешь теперь, — думал глупый молодой неженатый медведь. — Раз рога в когтях, то и мясо в зубах.

Белый олень золоторогий берёт себя всегда и боязливо обходил кусты багульника, кедры и даже камни. За ними мог спрятаться хитрый охотник - молодой неженатый медведь. Он берегся медведя, опасался его хитростей. Черную голову, держа высоко, закинул рога. На невидимых крыльях летел, вдыхая ветры вольные, опираясь на них в полете, не касаясь копытами тропы. Но ловкий медведь прыгнул и, стиснув когти, зажал оленя между лап. Злобно щерил хищник клыки на медвежьей горной засаде. Тщился сбить. Захрустели рога оленя, и гром прогрохотал, и небо высоко полетело, высоко над горами со звенящими ручьями падало вниз. Молния в скальный камень ударила и выбросила огонь. Горячим дыханием коснулась сердца оленя. Солнце не стало. Ледники закипели водой и над

вершинами поднялись другие горы. Мох бородач тлел на старых кедрах. Упали с небес все звезды, и потухла старая луна. Ураган раскачивал столетние кедры, гнул могучие стволы и с шумом колыхал и тянул ветви в сторону высокой вершины. Взмахнув широкими крылами, Горный Дух измеряя свои владения, как пушинку подхватил на тропинке молодого неженатого медведя, оторвал, протащил через безбрежное небо на высочайший горный пик. На вершине чуть успокоился и рассерженно швырнул живительной силой медведя к тотемным каменным плитам. Повалялся охотник-медведь, жадно хватая ртом воздух и не веря, что остался невредим. Вздогнул и выдохнул Охотник-медведь, низвергнув, перевернулся и от боли наотмашь человеческий облик принял.

— Может, это и правда был Горный Дух. Недаром же таёжники так верят в этих духов? Что-то, наверное, в этом есть, — промолвил Охотник-медведь. — От Горного Духа спасение — лишь первозданные горы. Не зря бывалые бродяги одушевляют оленей и горы. Буду беречь оленей.

Строгий и умный Горный дух делал лишь доброе дело зверям хорошим и людям с непорочными помыслами. За доброе дело удачу дарил. Сбивал неразумных хищников с пути. В распадки гнал густой туман или, закружив метелью, наказывал зверей злых. Давным-давно, старик слышал рассказ от прадедов, как молодой неженатый медведь от жадной росوماхи оленёнка спас.

— Солнце встанет, так и утро настанет, — молвил старик у потухшего костра. — Солнца не закроешь, а таёжные мифы не скроешь.

Утром в тайгу проникли первые отблески зари, и скалистый хребет осветили розовые предвестники золотых лучей восходящего солнца. Мы, ежась от холода, перешли бурную реку

вброд и быстро зашагали вверх по тропе, по следам уходившего в вершины Саян Горного духа. Подъём мы проделали с большими усилиями, он был настолько крут и каменист, что приходилось продвигаться ползком, при помощи и колен, и локтей и рук. Казалось и мнилось, что-то светлое реет вдали, обнимая суровые склоны. Но слышал я только биенье сердца и шаги нечаянно спугнувшего с лежки большого Белого оленя, который подпустил нас совсем близко, почти вплотную. Лежал

он под нависшею скалою и, когда мы были в шагах в двадцати, побегал. Распахнув удивленные веки, он вначале метался в стороны, но вскоре пошёл вверх большими прыжками, взбираясь на одиноко стоящую вершину. Вскоре он появился на пике, застыв в неподвижной позе и

уставившись на нас своими зоркими глазами с неразгаданным взором, томясь благосклонно в искристой нежности синевы.

— Заветные грёзы повторяются и сбываются, — подумал я. — За светом солнца бесконечного готов идти и идти.

Чем ближе мы подходили к горной вершине, тем шире распахивались пред нами теснины ущелий, и казалось белоснежно оголённые пики, поднимались все выше и выше. На последних метрах подъема пленительное эхо пробуждать незримым сладостным созвучием. Догадка беззвучно приходила, что жизнь — вольного сердца туман, мечта, надежда, а реальны только каменные дали отверстых зениц ледяных громад дышащей живой земли. Гулким громом, голоса вихрей небесных, путеводимый дух незримый нас призывал, нам помогал, даря радость в росах и солнце. К полудню мы, наконец, достигли площадки, с которой хорошо было видно другую сторону хребта, под звездным сводом зеркально отражались созвездия. На вершине к каменным плитам пирамиды подвязали цветные ленточки и сказали добрые слова благодарности прекрасному Горному Духу, могутому призраку всесильному, владыке пространств и времен.

СОЛНЕЧНАЯ ЩЕДРОСТЬ

На очарованных далях, между небесной и горной тундрой, спала в свободном сне Слезинка — капелька плачущего снега, обреченная стать звездочкой.

— Мое сердечко сквозь пелену тумана и печали свет счастья ожидает, — шептала Слезинка. — Застывает невольно прозрачной льдинкой.

В бескрайнем холодном мире у капли Слезинки не было пары. К сердцу обращалась Слезинка от страха совершить ошибку.

«Терзают сердечко сомненья, — думала Слезинка. — Где взять свет Звезд, пыльцу Луны или Солнечный лучик?»

Одинокой Луны, всегда так далекой, холодный свет загадочно струился. Бледная Луна, летя в просторе, тихо злилась, по ночам заплетая небесной и горной тундры петляющие тропинки, что наугад проложены к счастью.

— Какая тайна в твоём свете? — спросила Слезинка. — Твой свет трепещет, чуть дыша, и не дает покоя среди дня и ночи?

— Мечтаю, думаю и жду, — сказала капризная Луна. — Струится в серых и печальных отблесках мой свет, неся неведомые судьбы.

Слезинка пересчитывала дрожащие звезды под чуть приметными тропинками горных вершин. По тропинке, проложенной звездным лучиком, мечтала до счастья подняться. Познания свет на небосводе в центре мироздания сиянием превращался в чудо и манил к себе Слезинку. С ума ее сводил, прогоняя

призрачные тени величия нездешних звезд. Слезинка взирала в глубины бесконечности, тихо задыхаясь, открывала сердечко свету, рвалась в небо. Чужестранки-звезды, ледяное время ощущая в жилах, меркли и гасли, падая с небес на тропинки жизни, в пустоте отдыхая.

— Мне так хотелось коснуться настоящих звезд, — шептала Слезинка. — Взлететь от нереальных грез.

— Светись наедине сама с собой, — холодно вздохнула Звезда. — Мой свет, задумчивый и грустный, мерцает в далекой вышине.

Мечтания ощущала Слезинка в сумраке нехоженных тропинок собственной судьбы не обогретой.

«Бледен свет мечтаний, я страдаю? — спрашивала себя Слезинка. — На тропинках счастье не разглядеть, сердечко не отогреть».

Связующую радость между звезд чистотой предчувствия видела сердцем. Вдрагивало сердце неповторимо. И случилось чудо! Слова Слезинки услышал Солнечный лучик.

— У света страха нет, — промолвил Солнечный лучик. — Я помогу тебе, слетит тоска со светлых чувств.

Солнечный лучик сказочным сном мчался, пронизывая миры позабытых улыбок планет и грусть комет. Летучей мечтой прорвался сквозь небесную прохладу тьмы. В его глазах светило

Солнце, и он найти свое счастье хотел. Оказался на нервном узле, там, где Солнце сплетается с бродягой-Слезинкой. В его узорах жила мечта о своем высоком предназначении. Смеясь и плача, стал пестреть и зацветать, как невиданный чудесный алмаз. Его сердечко сильно билось и сверкало, как будто осыпанное драгоценными камнями. Вокруг скрещения всех границ

стало завораживающе красиво. На мелкие осколки света дробился Солнечный лучик.

— Я — твое отражение, — призналась Слезинка. — Будь со мною.

Он застыл и закачался, согревая ее теплом томным, вызывая добрую улыбку. Над ущельем будней блуждающих просветов поднимался к солнцу выше гор держась сплетением лучей. Нечаянно скользнул вдруг лучик искоркой тепла по капельке слезы. По телу Слезинки пробежала нервная дрожь до испуганности. Слезинка в сердце свет Солнечного лучика пустила на миг один и затрепетала, вздохнула, ожила, вспыхнула, проснувшись из холодных снов. Сердце стонало, мучили мысли терзания, он дарил ей способность жаром топить горький лед.

— Печаль утолена. Хочу я свет нести! — хихикнула милая Слезинка. — В сплетении солнечном отраженное чувство провалилось на волю.

Маленький лучик ударил теплом в солнечное сплетение Слезинки, мучительно вызвал невозможность вдохнуть. Нервы разбежались через боль в разные стороны наподобие лучей солнца и принесли красоту телу Слезинки. Глубоко выдохнула Слезинка остатки воздуха из груди и оказалась посередине небес. Часть Слезинки находилась над звездами грез. Там все было необыкновенно, это был сна зыбкий взор. Взор осмотрелся посреди мрака, он искал Солнечный свет в слоях памяти на горизонтах радости и упоения. Живительный, теплый, слабенький

Солнечный лучик осветил серые тени сомнения. Взор искрился, не давал угаснуть загадочно-мечтательному лучу. Таинство чуда в чарующем миге расточая тепло в любовь согретое сердце, маленький лучик струился светло.

— Взор прекрасен и лучист, — шепнул лучик. — В нем небо тает.

— Ярким светом залита, — говорила Слезинка. — С твоим сердцем знакома я.

— Ясный ум твой в мечтах витает, — шептал лучик. — Я знаю все твои надежды.

Молчание в тиши неземное, сплетение двух сердец в заветный узел, сияющий изнутри резкими муками-бликами. Слезинка радости и Солнечный лучик в переплетении отблесков

драгоценных сплавов. Внутри сплетение блуждающих отсветов судеб, забывших нервные разлуки. Сплетение чувств, сочетание случайных мыслей, сцепление надежд. Сердце — озноб, биение, свечение и чуткость, красивая причуда. Срослись лучистыми узорами-узлами Солнечная высь и Слезка. Породнились невольно омуты глаз в сплетении Солнечных миров и чувствительных нервных клеток. В сплетение Солнца и отраженного света изумрудными сказками яркий лучик светил. Из забытья чувства запылали вновь. Наивная Слезинка дрожала, дышала, играя дивной красотой, ликуя, множеством огней. Зачарованная Слезинка, вместившая свет, сияла, сверкала, искрилась чистой слезой восторга, ясной бирюзой.

— К Солнечному сплетению игрой воображения ведут желанные тропинки, — шептала Слезинка. — Мечтой можно жить.

Для счастья очнулась, в пылающем вожделении в сердечке Слезинки полощется эмоциями пламя огня и чудесно иссякает переживаний череда. Рассеялись тревога и страдания, а настроение сразу стало лучше. Слепленное сердечко создавало признание и любые чувства, нежданно странные. Сияли яркой вспышкой впечатления, блаженно светлые, до иступления желанные. Сердечко все тайны открывало, будило чувства тайно спящие. Жемчужина мира, частица малая великой силы, блестяла, сверкая изумительным серебром. Слезинка — дочь Вселенной, растворив в себе солнечный свет, наполняясь лучистым огнем, счастливо дыша, весь мир выше всяких похвал отражая под вздохом внутри. Свежестью повеяло видение, преобразился обычный мир, озаряя волшебным светом сладкое упоение чудес, блеснув властительным светом в небесной глубине.

Обольстительный Солнца луч мимолетно зажег, отвел глаза и бросил тень невзгод. Догорающий луч сдержанно и страстно играл в бессвязные игры неизъясненного счастья. Доверчивая Слезинка меняла опаленные чувства, менялся светлый день, менялась, захлебнулась чернотой в ней дерзкая ночь. Слегка неясными мечтами окрыленные, их невидящие жизни где-то разминулись и на мгновенье потушили пыл. Обгоревшей звездой жалобно оборвалось в негодование сердечко Слезинки, словно терялось. Над временем вспорхнула нетленная надежда, лучом рассеивая темноту и утешением грея сердце. Для Слезинки ста-

ла звездой путеводной капризная мечта, если Солнечного лучика не было рядом, и не важно, что в тот момент на небе были рыдающие Луна и Звезды, защищаясь от неприятных ледяных ощущений, она, волнуясь, просто мучительно ждала.

— Огонь воспламенит сердца, — шептала Слезинка. — Ты скажешь, что вновь счастлив?

Ласковый Олененок с таежным именем Рассвет не злился на отвесные скалы, на колючий снег и холодную вьюгу. Он знал, что с добрым сердцем кочевать веселее. Трудна ли плохая каменистая тропинка на туманном перевале или очень легка и хороша, добром всегда светлело сердце наивного Олененка. Он старался владеть собой среди лавин, камнепада и гололеда наперекор трудностям. Не печалась, умел прощать ураган, тихий плач, самолюбование, невесомый снег, призрачные тени и все, что тянуло вниз. У беспечного Олененка сердце раздирали мнимые раздумья и неверные шатания, крах надежд, ложные мученья. Задержалась на сердце наружная мгла ложных затмений. Он понимал, что кочевые сложности неизбежны, он также уразумел, что сердце очищается.

Со слезами соучастия волнующего опыта пройденных троп учился мечтать и на волю выпускать мечту. Не споря со странною судьбой, смотрел сердцем. В полудреме на рассвете однажды осознал: взглядом чистым Солнце светит. Почувствовав красоту, удивленный Олененок поймал этот яркий луч совершенства. Пришедший из мира бездонной тайны необычайный луч соткан был из света, любви, тепла.

В чувствительном порыве Солнышко золотою рукою луча разогревало сердце Олененку, гладило с любовью. Жгучим лучом парящее огниво озарило, выжигая кажущиеся тревоги и призрачные сомнения. Из сна волшебного Небесная основа с теплотой раскаленной в самый светлый миг сверкающей улыбкой и внутренним покоем объяла его. В груди Олененка стало пусто, все сгорело.

— Кочуй вперед, не опуская головы, — сказала Солнышко. — Смыслом наполни каждое мгновенье.

Олененок сердце распахнул шире яркой вспышки магии огня. Обманчивые льдинки на сердце в лучезарных проблемках таяли. Искорки веселые всполохами прыгали в глазах.

Влюбленный в Солнечный свет, привыкал Олененок счастливым быть. Милое диво из маленькой мечты через поросшую кедровником скалистую гору и каменные реки, забыв разлуки, к высокогорному стойбищу вернулся, как будто в вечность с улыбкой лучистой. Свободно и хорошо улыбался горной и небесной тундре. Повсюду улыбались в ответ звонкие, жаркие звездочки, а межзвездная тропинка вдаль звала размашисто кочевать.

Охватило Олененка восторженное чувство и чистая щедрость, парящая в потоках солнечных лучей. Чудодейственная сила Солнечного тепла в сердце озаренного светом Олененка не остывала. Сердцем чувствовал счастье, оно новым солнцем сияло отражением. По жизни нес душевную чуткость, спокойное сознание. Счастье отражалось в его взгляде прекрасным светом откровения. От

счастья плакал и просто восхищался. Искренне горной тундре дарил нежную и безумную любовь, чтобы вокруг всегда было тепло и полно цветения. Огромное сердце в себя вмещало умытую радугу, ночного мотылька, багульника цветы, зеленый листок, горы и чудеса. Сердце Олененка, теребя, окутывал теплый ветерок, ягель шелковистый, танцующий туман, облако пушистое и очень хрупкое создание — кусочек счастья. Маленькое совсем, но вмещающее в себя Солнечную щедрость и все огромное мироздание.

Сотканный из солнечных лучей Олененок по прозвищу Рассвет свое нежное, прекрасное сердце золотое, с солнцем схожее, через таежные невзгоды по кочевым тропинкам нес. Спешил, избегая ненужной суеты, в сиянии света истинной любви, со слезами счастья изменчивой судьбы, учился просто жить.

НЕВИДИМКА-ЭХО

Синие грани острых белков Восточного Саяна царапали летящие облака, окрашенные рассветом. Посреди врастающих в бескрайнее небо горных пиков, играющих бликами космических границ льда и неба, было тихо-тихо. В горной тундре хребта Хан-Бургут, по насту хрупкая, взрывающая и топчущая над ягелем снежные покровы, бродили северные олени с взором снежной королевы. Мы сидели на стойбище вокруг костерка и под впечатлением массы непередаваемых эмоций от красоты естественной природы гор слушали поверье старейшего кочевого таежного оленевода и горного проводника. Твердый духом старейшина гор осторожно ощупывал кончиками пальцев древний оберег из натуральных самоцветов, охранитель от всевозможных несчастий, и рассказывал, что если на вершине желанной горы Алхадыр в священном трепете хлопнуть в ладоши, то сверху пошлются звуки, похожие на хлопки крыльев небесной птицы Черного гуся. Путешественники, не думая о себе как о высшем существе, возвышающемся надо всем миром, на тропинках истины откроют новые горизонты, их сердца, вернувшись к своей

первозданной открытости и чистоте, сольются с таежным Эхом. А если на перевале или вершине горы для забавы крикнуть громко, чтобы освободить обвалы или разбудить лавины, дремлющие тысячелетиями, то Эхом может откликнуться обворожительная сладкоголосая дева с очаровательным зовом-пением, которая уведет за собою путешественника за границы обычной таежной жизни. Проводник предупреждал, что подобные видения являются результатом неразрешенных эмоциональных конфликтов, кислородного голодания в горах и галлюцинаций.

В День сбывающегося счастья Северный ветер, странник постоянной жизни, летел по тропинке, заросшей каплями росы на золотых лепестках цветов кашкары и можжевельника. Красивый и болтливый Ветер, беззаботно и весело в суете сует петляющий вдоль краешка пустого обрыва, попал в одну из горных ловушек и задумчиво

повис, неотрывно рассматривая серо-голубые вершины. Замечтавшись о счастье, Ветер в молчании поскользнулся и сорвался вниз, разбившись об острые зубы мерзнувших скальных камней утеса, и произвольно крикнул.

— А-а-а-а! — выдохнул Ветер. — О-о-й-й-й!

— А-а-а-а-а-а! — с удивлением Ветер услышал ответ. — О-о-й-й-й-й-й!

Целая гамма звуков окружила сжатый и скрипучий Ветер со всех сторон, сверху и снизу. Горные стены были созданы так, чтобы здесь, в источнике волшебства, жила внучка Снежных вершин, дочь голоса Саян прекрасная невидимка Эхо. Эхо с сердечной наготой серебристого брэнчания повторило звуки бесподобного Ветра. В тихом заповедном месте среди духовгольцов Эхо наслаждалось суровой и леденящей красотой снеж-

ных вершин. Ветру в тишине так трудно было угадать, где оно парило, не касаясь гор. Возвышенно-прекрасное серебристо-белое Эхо иногда пугливым привидением застенчиво пряталось в расцветающих белоснежных цветах в окружении влажной тумана мглы за угрюмыми скалами или грелось в космической пыли на теплой солнечной прогалине.

— Эхо! Звучное Эхо, покажись, — спрашивал еще громче звонкий Ветер, ища понимания. — Где ты одиноко бродишь в горах? Внеми без обмана.

Эхо не отставало. Ветер отчаянно метался, капризно и холодно закручивая в туманы воздух.

— Ты подобен смеющемуся солнечному зайчику розовых рассветов, — не сдержало счастливый вопль невидимка-эхо. — Стесняясь, прячу звучащие всплески чувств в туманы.

Ветер осознал, что звуки, происходящие вокруг него, — всего лишь отражение его собственных мыслей, чувств, желаний и поступков. Сердце Эхо показывало волнения собственного сердца Ветра.

— Эхо! Рад встрече, — с облегчением вздохнул Ветер. — Ты породило невысказанность чудес переживание.

Ветер осознал, что судьба — это крик, который он издавал. Крик этот доносился до самого сердца Эхо, а потом

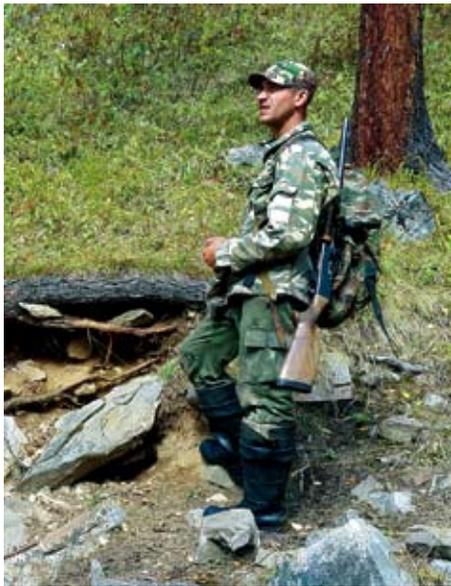
возвращался точно в том же самом виде и делал жизнь Ветра полноценной.

— Вне слов ожидание, — ответило Эхо. — Желание.

Они завели долгую беседу о жизни. Послушное Эхо всегда отзывалось в восходящем золоте солнца и очаровании луны.

От счастья удивленное Эхо звучало выше туманов и сновидений отражением кочевого мира. Ответное Эхо появлялось в прозрачности лазури неземной неба как параллель в вечность.

Мечтательный романтик Ветер разговаривал с восторженным Эхом. Сначала он рассказывал вслух свою историю и радовался дружеской беседе с летучим Эхом. Нежное Эхо, как сладкая греза, появлялось поговорить, не показываясь на глаза, а отвечало на добро добром. Дружное Эхо хранило отголоски сказанного.

Чуткое Эхо катило слова Ветра по ущельям просторным к потускневшей бирюзе дальнего края Восточного Саяна.

Ветер льдистых скал, могучий и стремительный, ввысь звал за собою. Его песни сказкой казались.

— Эхо! Легко мне здесь дышится, — с облегчением вздохнул Ветер. — Вместе парим над горами.

— Сюрпризы слышатся, — отозвалась горная страница. — Дыханием горячим отогрей.

Горный Ветер громко штормил и свистел над ущельем, обещая праздник. Эхо не молчало, нежно повторяло из ниоткуда его чувства. В блеске радости незримое Эхо тихо песням новым горного Ветра вторило. Врываясь в радостный долгожданный звук, с луны дыханьем сумрак слился. Звезды умилялись с небом, а горы под ногами кружились. Ветер понял: чтобы в горах

было больше любви, нужно создать больше любви в своем сердце. Если Ветер хотел летать более быстро и умело, он становился сам более быстрым и умелым. Эта зависимость относилась ко всему, к чему не прикасался Ветер. Эхом возвращалось все, что Ветер отдавал. Ветер вдруг почувствовал сильное желание

слиться с этим чудом, нежным, подобно сладкой грезе. Судьбу без конца искушая, страстями кипя, тратил Ветер силы, его ласковый голос только сливался с невесомым Эхом, заполняя суетой высокие скалы. Бесшумным теплым шепотом растроганное Эхо твердило.

— Эхо! Давай смеяться от счастья вместе, — надеясь на взаимность, громко

просил Ветер. — Вместе звучать интересней. Мы горный мир дремучий по-новому озвучим.

— Милые сердцу уголки озаряешь, — улыбнулось Эхо. — Я купаюсь в теплых переливах твоих слов певучих.

Распахнув навстречу объятья, внятно откликалось Эхо, рассыпалось смехом. Чудо за чудом вторило взрывами. Эхо смеялось, искрясь в тишине. Порыв за порывом, в мечтаниях наивных тугой Ветер, сорвавшись, ловил разнеженное Эхо, упорно стараясь щекой прильнуть. Пугливое Эхо, в какой-то истоме объятое Ветром, не ответило. Его нельзя было поймать, набегавшись, обновляясь, летало за ним. От потаенных предчувствий Эхо, обрученное с Ветром, тихо таяло.

— Эхо! Пленяю твою улыбку без смущения, — сказал Ветер. — Незабывтый отголосок напоминаний.

Нещадно беззащитное Эхо подчинялось своим мудрым законам. Если эгоист Ветер громко, смешно и глупо кричал жадное Я-а-а, Эхо приносило обратно — А-а-а-а-а. Если буйный Ветер ругался, Эхо не сломалось, а в точности повторяло последние слова оскорблений грозного Ветра. Если теплые чувства Ветра

оставались жить, Эхо долго ими дорожило и тихо вторило. Если плененный красотой голоса Эхо жестоко Ветер страдал от неразделенной любви, Эхо сочувственно плакало, уходило в вершины и медленно иссыхало. Стеснительное Эхо не могло начинать разговор первым, и, более того, оно могло лишь повторять окончания слов и медленно таять.

— В желанном сне отражение, — вторило каждый звук, нарастая, Эхо. — Я только голос, спорящий с забвением.

Серый сумрак внезапно исчез в безмолвных подножьях целебных гор. Грани синих острых белков бороздили искорки созвездий. За слова свои всегда был в ответе Ветер, осознал свежую весть, что мысли многоголосого Эха нельзя ему было прочесть. Манила Ветер безграничная свобода Эха, независимый нрав его и изменчивый. Дуновением свежим Ветер искашал просторную дребезжащую даль. Жизнерадостное Эхо почувствовало, не покоряясь. Тоску одолев и сомненья отбросив, Эхо разноголосицей звенело у самого откоса. Хранило надежно бережную память непостижимую среди пиков далеких гордых Саян. Непоседа Эхо легко дышало, еще не спетую и смешную песенку пело об идущих ниоткуда причудах и чудесах неба.

— Эхо! Замолчим оглушительно громко? — спросил притихший Ветер. — В мучениях скучно.

— Отклик на твой зов созвучный, — сладкозвучно ответило Эхо. — Мы бесконечно связаны неразлучно.

Капризный властелин сердец Ветер говорил лишь тогда, когда есть что сказать, и внезапно трепетные чувства унес, оставляя прелестное прошлое и память. Мечтания кончились разом, студеною пустотой заиграл туман. Оклик услышав, камни слезами застучали. Многократно прозревшее Эхо долго искало голос, которым дорожило, слушая биение сердца, отчаянно аукало. Гулкое Эхо, не меняя чувств, голосило, не утихая, нескладно плакало, изменяя грезам и приметам мелких и крупных бриллиантов звезд в объятьях темно-синего неба, училось в этой бесприютной таежной жизни всегда возвращать все, что говорят и делают Ветер и падающие камни. Свиданье горного Эха и Ветра было очень кратко. Слезы — муки неразделенной любви Эхо прятало росинками на лепестках цветов кашкары украдкой и обнималось, растворяясь с небом, долго-долго голосом-

отзвуком с ним говорило, постепенно замирая. Бессонное Эхо ревело на отклик коварной перевернутой Звезды астероида Эхо, точно в космосе многократно отражая чужие речи.

Изменчивый Ветер явственно ощущал неподражаемую притяженья силу, забыв про суету тайги, улетел за самой яркой звездой астероидом, зеркально похожим на горное Эхо. Не-

постоянный Ветер кричал, пролетая сквозь абсолютно темный мрак и холод по известной лишь ему орбите, и, конечно, знал, что шанс любить отблеск звезды, не совсем еще открытой, бывает только раз. Созвучие ее явственно влекло и быстро очаровывало. Заблудший Ветер в спиральных виражах судьбы приближался, чтоб лучше рассмотреть за-

гадочно загулявший в грезах и мечтах яркий астероид Эхо. Сильно крикнул импульсивный Ветер, но никто не ответил, не засмеялся в ответ на смех и не заплакал над его огорчением.

— До встречи Ветра с астероидом Эхо остался лишь виток, — откликнулась из космоса кукушкой обворожительная сладкоголосая дева с очаровательным зовом-пением. — В космическом бескрайнем холоде льда и камня не ответит Ветру взаимностью никто, кого он полюбит. Наказан Ветер за свою гордыню и за чрезмерную болтливость лишением членораздельной речи. Стряхнув с себя все, что накопилось за долгое время, для очищения разума или по свободной воле Северный ветер возвратится вьюгой заснеженных грез в верную сторону.

ГОНЕЦ

В осеннем тумане стойбища, прогоняя серость бытия, начинались все пути даже к монгольским коварным перевалам. Родина горная моя в обычных теплых чумах кочевых, пред миром в легендах не теряясь, доказывала, что сравнима с Вселенной. Среди таежных дебрей кочевые таежные охотники-оленоводы в дружбе жили. Не знали никогда они за горизонтом пространство, охотились, давали им пропитание Саянские горы. Однажды к снежным вершинам с бушующим ветром перемен юный человек приехал. Таких гостей еще не видели таежные люди и встретили его радушно и открыто. Вокруг вершин величавых гор зажили люди в совместных заботах, из золотого камня сердце было их нового властелина. Он подал им особый знак знамением свободно кочевать по сибирским просторам с оленями. Повелителя правителей, пришедшего со снежных вершин в таежные просторы, звали Темуджин.

Темуджин был провозглашен великим ханом над всеми горами и долинами, принял имя Чингисхан. Основными властными атрибутами в империи сделал знамя, золотой шатер, трон, ха-

лат с поясом, печать, барабан, жезл, шапку и пайцзы. Сотнику выдавали верительную дощечку серебряную пайцзу, тысячнику — золотую, темнику — пайцзу золотую с изображением льва в нижней части, солнца и луны — сверху. На всех была одинаковая надпись: «По воле Вечного неба и по великой его милости к нашему государю, да будет благословенно имя хана и да исчезнут все ослушники». Официальное лицо наделялось высшей властью, символом на пластинке был сокол.

Правителям и военачальникам на всех просторах Евразии выдавал наградные, присваивал их носителю определенный титул, звание или должность. Это были круглые пайцзы с изображением тигровой головы и именем держателя. Эти пайцзы заносились в реестр. Знатным чиновникам вручал подорожные для выполнения различных поручений. Они носили пайцзу с надписью: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению!» Следующая по значимости — простая золотая пластинка с надписью: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Спешно!» Серебряная табличка с изображением луны выдавалась для проезда на казенных лошадях по государеву повелению и давала право на получение лошадей и эскорта. Все гонцы по возвращении сдавали пайцзы, которые служили своеобразным удостоверением для их обладателя.

Послам давал две пайцзы — с соколом и со львом. Написано было, чтобы всюду трех послов почитали и служили им, как самому владельцу, давали лошадей, продовольствие и провожатых. Пайцзы служили своеобразным металлическим удостоверением к письменному документу — ярлыку. Если документ по каким-то причинам утрачивал силу, пайцза у держателя оставалась до получения нового ярлыка, как в случае с жалованными грамотами. Достаточно было иметь одну пайцзу на весь период правления хана.

Широко использовались посланниками золотые бирки шириною в ладонь и длиною в пол-локтя, на которых писались приказы хана. Кто их имел в руках, тот мог приказывать что хотел, и это исполнялось без замедления. Был специальный золотых дел мастер, который чеканил пластинки при ставке хана.

Чтобы избежать подделки, на пайцзы ставилось клеймо со сложным узором солнца с восемью лучами, стрелы и полной или неполной луны. Пайцзы бывали медные, серебряные и золотые, украшались драгоценными камнями и надписью. Выдавались правителями как символ делегирования власти и наделения особыми полномочиями. Носились при помощи шнура или цепи на шее либо на поясе. На пайцзах ханы ссылались на волю Вечного неба. Формула «Силой Вечного неба» на ханских пайцзах и монетах заменяла символ веры.

По горам от стойбища к стойбищу кочевало таежное предание, как Чингисхан увидел сон, будто на снежный горный перевал не могла взойти его лучшая лошадь. Напуганный, он призвал к себе придворного толкователя снов.

— Кузнец плохо подковал лошадь, и она на перевале потеряла подковы, — сказал хан. — Из-за лошади гонец не доставил

донесение. Из-за не доставленного вовремя донесения мы не выиграем еще одну битву.

— Повелитель, — неосторожно ответил толкователь. — Сон говорит о том, что по глубокому снегу в Саянских горах быстро ходят только северные олени.

Властелин разгневался, но, немного подумав, повесил толкователю на шею цепь с серебряной пластинкой и велел, горяча коня, отправиться простым гонцом к таежным оленеводам.

— Будешь наблюдать в горах за путями моими, — сказал хан. — Чтобы не согрешать мне языком своим.

На пайцзе гонца надпись уйгурским письмом гласила: «Указ пожалованного небом императора Чингиса. Должен вести дела по усмотрению». Между надписью и отверстием стоял знак оленя, покрытый позолотой.

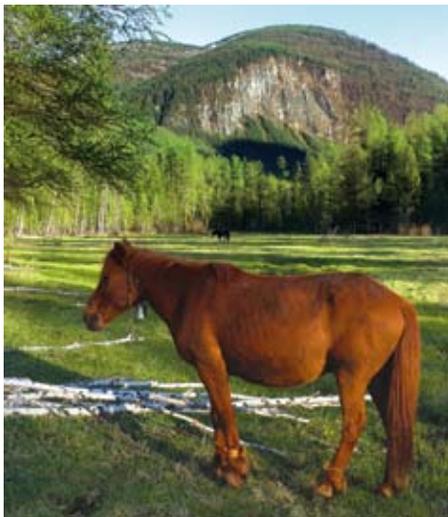
Невзначай у гонца, скачущего во весь опор, прыгало сердце, в Вечном небе кружил сокол крылатый — вестник побед. Меняя взмысленных лошадей на перевалах, поспешно, еле жив, гонец спешил. Но лошадь перегнать оленей не могла. Гонец осознал, что в недоступных горах и непроходимой тайге без оленя жизнь ничтожна и пуста. Оленей догоняя, взобрался на вершину кочевого стойбища к накормленному и согретому у кочевого костерка старейшине уставший бедняга гонец. Потек с его лица, разрывая ворот, показал пайцзу и начал пересказывать поручение хана, хрипя и задыхаясь после трудного перехода.

— Хан повелел вам сказать, — сказал вестник, — чтобы вы дали ему белого оленя с черными глазами.

— Все понятно, — ответил старейшина. — Доложи хану, что он получит столько оленей, сколько воинов в его армии. Ногой крылатою касаясь перевалов, пройдут олени осыпи и скаты зубчатых гор, кипящие отмели каменистых ручьев и бурных рек, солнца быстрее и выиграют все сражения.

Вестник умело отделял мнение от факта и в Восточном Саяне создал с оленеводами сеть тропинок и ввел повинность — содержать и поставлять оленей для перевозки гонцов и посыльных с их кладью в северные земли. В труднодоступных горах оленеводы-охотники служили проводниками и помогали передавать сообщения на огромные расстояния с большой скоростью.

Гонец учил таежных оленеводов тактике ночного боя, отражению неожиданных засад и другим уловкам и хитростям при охране ханских послов. Он сделал их ответственными за безопасность почты и вручил таежникам медную пайцзу с текстом: «Объявление. Следует остерегаться злых». Проезжали по оленьим тропам чиновники и воины с пайцзами: «Государственная доверенность» и «Ведет дела по усмотрению, как бы мы лично ехали». Поскольку кочевники видели мало пользы в деньгах, они измеряли свое богатство табунами лошадей, отарами овец, стадами оленей. Они ценили оружие, уздечки и седла. После глобальных завоеваний Чингисхан подчинил огромные территории Евразии. Во всех улусах империи была создана сеть дорог по долготе и широте земного пояса. Установлены ямы — почтовые станции для быстрого и беспрепятственного передвижения посольств, гонцов и иной дипломатической корреспонденции. Это потре-

бовало немалых властных усилий и финансовых средств. Золото стало считаться высшей ценностью, символом всего сущего, вечности, нетленности, прочности и истинности. Предметы из золота были знаками высокого статуса в социальной иерархии империи и увеличения силы проклятья в клятвах на верность.

До образования империи денежная система была основана на сборе дани в виде серебра. Включая в свою кочевую структуру экономически развитые города Центральной Азии, Ирана и Китая, Европы и Сибири, принял Чингисхан единую валюту, которая устроила всех. Чингисхан начал чеканить монеты по хорошо отработанной схеме — из золота, серебра и меди, с арабскими надписями — с именем хана на одной стороне. «Предводитель верных» — обычная надпись. А на другой стороне для Чингисхана — «Справедливый верховный Чингисхан».

На монетах обязательно отчеканивалось имя верховного Чингисхана — «Хан, справедливый». Ниже чеканился лук, символ власти, скачущий всадник, натягивающий лук и целящийся в птицу, ниже собака. Чингисхан сам по себе, поклонялся Вечно Синему Небу и вскоре чеканил единый тип серебряной монеты.

Монеты чеканились и для Восточной Азии и выглядели совершенно по-китайски, то есть были из литой бронзы с квадратным отверстием в центре. На монетах не изображали правителя. Такие монеты встречаются и сегодня в местах поклонения легендарным камням на перевалах горных хребтов Восточного Саяна на границе с Монголией, то есть в Бурятии, Республике Тыва и Тофаларии.

Как на советских деньгах были надписи на языках союзных республик, так и монеты Чингисхана были с двуязычными надписями. Многоязычным было тогдашнее население империи, что и нашло отражение в монетном деле. На всех монетах присутствовала уйгурская надпись. Уйгурское письмо было письмом чиновников Чингисхана. На уйгурском языке писались повеления на пайцзах, удостоверения личности тех лет. Серебряные и золотые монеты Чингисхана с изображением воина с мечом и верхом на лошади с надписью: «Справедливый — Великий Чингисхан» ходили по всей крупнейшей в истории человечества континентальной империи. Наполняли силой на-

логовую и финансовую систему эти наличные деньги, выпуск которых восстановили там, где они были, и организовали там, где до того не чеканились монеты.

Грамотная таможенная политика, безопасные дороги, умная дипломатия, скопление денег у Чингисхана сделали главными торговые дороги, связывающие Европу с Индией, Китаем и Центральной Азией. Пролегали пути Чингисхана и его многотысячных войск, чиновников, гонцов и купцов, овеванные легендами и сказаниями, от яма к яму через Корейский полуостров, Маньчжурию, Прибайкалье, Тункинскую долину, Саяны, берега Каспийского моря, выходили на порты Крыма, а по степи доходили до Венгрии и Польши.

В разных местностях сохранилось много памятных камней с названиями: «Тропа Чингисхана», «Конь Чингисхана», «Гонец Чингисхана». У таких артефактов по склонам гор бродили легенды о ревностном защитнике Чингисхане. Старинное предание гласило, что раненный отравленной стрелой Темуджин отправил гонца к радужным и открытым таежным людям, и они исцелили его оленьим молоком. Изустно передавались достоверные слова благодарности хана, написанные на пайцзе: «Дорогой моей будут снежные горы». Не заросли в Восточном Саяне почитаемые места с повязанными цветными лоскутками. Ветер, которому в горах свободно и раздольно, раздувал небесного цвета ленточки. Вокруг камней выкладывали проезжавшие вестники и гонцы мелкие камни, монетки, пайцзы и жженный пепел. Кружили вокруг стланика и снега на почитаемых вершинах несчетное число раз гонцы по тропинке Чингисхана в том же направлении, в каком солнце совершало свой бесконечно длинный путь.

СЛУЧАЙНЫЙ ТАНЕЦ

Скитаясь, осколки звезд, белый свет небесной и горной тундры лезвиями черных угольков касались. Из вечной дремы времени черной ночи, скрытая в тайных мечтах, летела черной сажой бездомная Птица-метеорит. Ее совершенную красотой была непроницаемая чернота. Выглядела предрассветная создательница миров Птица-метеорит как горящий черный алмаз с пульсирующими отсветами, сверхновым сердцем и длинным светящимся хвостом. Риза оперения звезды блестела, как белый камень, хотя на самом деле была черной. На пустой Земле таких изысканных алмазов с матовой черной поверхностью в природе не бывало, их рисовали словами. Небесный черный алмаз был огромной величины, и очерненная огранка у него блестела в непроницаемых лучах темнее темных планет и ночи. Приближаясь, голова становилась ярче, больше, ослепительнее, а дыхание горячее. Крылья радующегося встрече черного алмаза сорвались с небесной тверди, когда окутанное Лунной тенью, в просторах холода дрожа, Солнце прочь укатилось.

Птица-метеорит, в крошечной темноте ураганом падая, ослепила и накрыла своим хвостом тайгу, тундру и скалы. Охвативший пламенем небесную высь огненный взрыв деревья в тайге зажег, тундру обугливал, скалы горных пиков оплавил. С громopodobным треском ужасный пожар поглощал горно-таежный мир. Языки пламени и клубы черного дыма поднимались в небо из-под мха и ягеля. Небесное тело упало, разрезая рваные раны о вечную мерзлоту, ушиблось крыльями, хныкая черными перьями, издав вопль ребенка, мгновенно подскочило и обратно вернулось между безумных звезд в небо бурь. Металась, крича, удалялась вольная птица с бледным лицом прочь от капканов горных хребтов, чтобы мириться с собственной летучей душой. На глазах у всех звезд, на миг сладостно забывшись, птица чуть-чуть не разбилась. Опаленная горная тундра, не угнавшись за искрой-птицей, сотрясалась так, что лабиринтам-скалам трудно было стоять на ногах. За обломки цеплялась, в испуге бродяга-гром высоко поднял голову, увидел меняющее путь небесное тело, вспыхнувшее миллиардом абсолютно светлых солнц с тысячами мерцающих черных кристаллов. Необыкновенное сияние огнем зажгло очарование ярко-рыжих глаз молний в окружении огарков гор.

Всю ночь без перерыва шепотом, глухо катился гром и бредил в притихшей путанице мерцающего горения. Раскаты сиротливо росли у проснувшегося грома, и они катились в пространстве хмуро огненной лавой, чтоб коснуться недосягаемых высот. Тихо падали черные перья на сугробы горькой боли и темную воду талого ручья. Опрокинутая перелетная Птица-метеорит, воспарив, неудачно запрокинула грустную голову, льдинками звездными дождем в небе плакала, изменою догорающая. Из густо-черных глаз слезы на скалы порывисто падали, иногда сбиваясь с путями жгучих линий молнии.

Во мраке из поднебесья почти вслепую, не сворачивая, нежностью прозрачно-черные капли дождя следы чертили в замерших от счастья сердцах дрожащей тундры, росой звездопада кусочки Солнца зажигали. Ударами вдоль огарков толщи черного гранита длинные острые капли черного льда на звездочки крошились, переливами света смывали озноб, боль, тоску, исцеляя раны, рассыпались в золу. Покрытый черным льдом в

избытке чувств могучий бурлящий ручей изгибом нацелился на горящую звезду с черной чистотой. В бурлящей воде хрустальной, за обломки изморози цепляясь, в глубине блестящей пены неостывающим теплом жизнь пробивалась, необжитое обживая. В том месте, где упала Птица-метеорит, из глубины бурлящего ручья не исчезло чудо дивной красоты. Без утраты внезапно засияли блестящие, как бездонные черные глаза в печали и радости, чуть тлея, черные алмазы.

Последний звездный песок израсходовал свое тепло и, не оставляя следов, погрузился в черный бархат темноты. Под куполом высокого неба не существовало ничего — ни света, ни времени, ни материи. Очень редкие вспышки и столкновения вызывали желание жить, и случилось необъяснимое расширение, в котором образовалось живое существо. Вселенная без границ встрепенулась. Ежесекундно она делилась среди звезд и планет блуждающих, перемешивая все миры, каждый из которых растягивался, бросая в Тень кометы. Пламенем взметался безрассудных звезд мерцающих навес, откровенностью заставлял многоточие гореть.

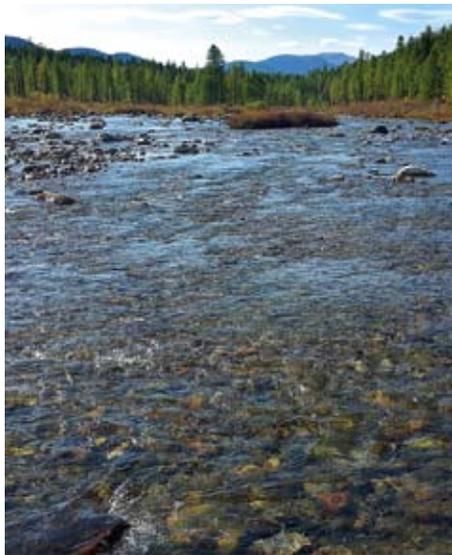
Не ведая покоя, танцевал гордый танец Солнечный Ястреб. Его мысли и мечты, словно два крыла, парили вольно над мраком суеты, неистребимо заигрывая с тенью. Солнечный Ястреб,

очерчивая крылом реальность, наблюдал за тем, что происходит. Мысленно разделял Вселенную, лихорадочно пытался увидеть темную материю, но ему это не удалось. Ястреб чувствовал силу темной энергии, преодолевающую гравитацию, и стремительно разъединял плачущие, потухающие новые звезды.

Ястреб видел падающие звезды и даже загадывал желание. На самом деле это были не звезды, а метеориты, сгорающие в атмосфере. Но Ястреб сердцем чувствовал, что настоящие падающие звезды тоже существуют. Немного, возможно, одна на сто миллионов. Он терпеливо ожидал и вскоре встретил первую из падающих звезд.

Она с пылким восторгом забрела в сновидения дрожащей птицы. Тайною, манящею бликами, скользила сквозь Галактику с бешеной скоростью. Не приближаясь, облетела мельчайшие черные дыры и норы, скрывающиеся в ядрах Галактик и

поглощающие холодные и пустые звезды. На обратной стороне тьмы появился свет и тонкая тень, ускользающая от света. Поначалу падающая Звездочка была парящим огненным шаром, но, теряя тепло, начала остывать. Она была дочь конечного существа — Вечности, более крупного по масштабу разума. Из распахнутой груди нетленности убежало сердечко, алмаз, полностью покрытый горящим льдом и обладающий самосознанием. Удаляясь от Тьмы, не поддавалась тоске, непрерывно и гладко на цыпочках Галактической походкой танцевала Звездочка в пространстве и времени. С небес соскальзывающий сольный танец смятенно в пределах света и разнообразных образов, покачиваясь, танцевала.

От грусти Звездочка, боясь исчезнуть, бессознательно летела в собственную тень, где тьма, глаза в глаза, танцевала танец

тени меж астероидов на небосводе. Медленно кружились темные тени в танце. Сквозь ползущее тело тусклой ночи в ритме сердца по краю застывшей бездны вечный танец судьбы неумолимой, не имеющей конца, выводила. В отражении движений тень ближе, ближе, кружила прекрасно и жестоко. Звездочкой владела Тень отрицания, она стояла на пути, словно черное пламя. Удача пролетала мимо, оставляя жизнь в вечном недовольстве, чувства, мысли, образы, негативные эмоции. Бросала тень отрицания на все ее существование.

Дыханье танца волновало, изящностью тень страданий пробуждало в дремлющем сердечке. Задор и грусть заставляли осознать внутреннюю вторую половину, летящую над бездной зла и суеты, мир грез. С одиночеством вторглось внезапно желание изменить свою жизнь, но боялась взглянуть Звездочка, как выглядят недостатки, собственная черная тень. Пыталась спрятать страх и самообман, прислушиваясь к внутреннему голосу сердца, задуматься над реальностью. Находясь внутри Тени, отправлялась на поиски себя, понимая, насколько это тщетно.

Не впадая в отчаяние, опасалась полного подавления глухой Тени, что она вырастет до чудовищных размеров и уведет танец внутрь себя, теряя интерес к миру. Позвякивая льдинками и не разрушая милые сердцу идеалы, старалась найти пути жить в темной стороне. Наслаждаясь чарами собственной тени, не подавляя силу чужеродной Тени, на равных танцевала прекрасный извилистый и гибкий танец, в безупречном глянце улета-ла белой вьюгой по окружности, скользя с обратной стороны, долго-долго возвращалась от ощущения ненужности.

В глубинах чудовищно мрачной Тени, чуда предвестник осмелев, крыльями позолоты просветов бился Солнечный Ястреб. Выгибалась дугой, переплеталась ажурным узором с плоскостью света таинственной улыбкой радость. Светлые частицы счастья в танце двигались в свете, в суматохе рассеивая золотую пыль по всей Тени. Их танец завораживал, пробуждая застывшее сердце Звездочки. Изменяющаяся Звездочка слышала музыку внутри себя, просыпалось желание танцевать под нее. Солнечное счастье Звездочку поманило, симпатией сердце опалив. Звездочка, силою притяжения натянутая до предела, замедлила поступь, споткнулась от воображения, сухожилия

растянув от натужности, неумело упала. Притихшая Галактика рассыпала созвездий тусклый бисер, учтиво опустела, сеяла добрые сны. Тенью измученная Звездочка почувствовала настроение, направленное внутрь и с жесткими вовне решениями. Разум возникновению мыслей на обособление.

— Странный случай? — спросила Звездочка. — Знаем мы твои мечты!

— Случайностей мало, — сказал Ястреб. — Счастливых немного.

— Счастье ждут, веря в удачу? — спросила Звездочка. — Мы столкнулись совсем не случайно?

— Среди Тени, невзначай? — сказал Ястреб. — Настоящее чудо наша встреча.

В соприкосновении, с вздоха ворвались чувства любви. Восхищаясь, безоглядно любя, сердце жгли настроения, направленные на единение. Бездонного неба Галактики стало мало. Застыла, падавшая Звездочка, в волнениях не дышала. Ждала терпеливо, даже всплакнула нечаянно, уязвимо засмотревшись в глаза Солнечного Ястреба в длинной паузе. Сразу защемило сердце-алмаз, но коленки дрожали, и прохладною мурашки бежали.

— Может, это просто обман? — спросила Звездочка. — Сметается Тень надо мной?

— Ты со мной, — сказал Ястреб. — Ты такая родная, как сон.

Космос дышал горячим золотым металлом. В предрассветном мерцании Ястреб танцевал звездный танец с трепетной

Звездой. Они чутко и внимательно скользили друг за другом на кончиках пальцев, круг за кругом рассекая ночь, ни на кого не похожие. Странник поднебесный Солнечный Ястреб и белоснежный шлейф Звезды исполняли танец, падая вниз в глубины глубин, уцелели в зените. В полушаге кружа от земли, не прячась, прощалась с уходящей непроглядной, путаной и странной тенью. Прирученная Звезда начала лучше понимать себя и границы брызжущих надежд на лучшее. Приходили разные озарения, ощущение полноты, свободы, счастья и возможностей.

— Счастлива ли я? — задавала вопросы Звездочка. — Живу ли я настоящему?

— Наивность делает детьми, — сказал Ястреб. — Сон нам шанс хороший дал.

Странник поднебесный, тихо крыльями шурша, вернул реальность мнимым пробуждением, в тумане грез затмений. Сиял за пределами Галактики свет сердца. Питал аромат невыразимого вкуса солнца. Тоску сжигая под бликами звезд, в россы-

пи жемчужных слез загорая, прорывая тьму, стремилась быть в озарении светом ослепляющим. Беспокойство, столкновение вновь не важны. Сердце доверчивой Звездочки любовью горело, чуть-чуть вздыхая, не в силах было забыть Тень мироздания. Не слишком случайное танцевальное приключение вдруг прервалось. Грустно, на танец Звездочка во сне приглашена была, улетала, жизнь не меняя. Собственная Тень необъяснимыми миражами рисовала картину, неизведанно бесконечно желанную. Разлучить сумела искреннее счастье, Звездочка поднялась в Галактические небеса. Разлетелись, словно не было ничего перерождающегося в чувства. Случайная встреча мимолетна, необыкновенна, просто столкнулись, в глубине взгляда увидев тепло, без поступков и мыслей. Звездочка, расставаясь, вероятно, надеялась, не изъясняясь, светлым лучом преломляясь, вернуться в счастливые сны, ослепляя.

— Печальна вечная тайна воображения, — сказала Звездочка. — Свет надежду дал.

— Мечтал провести вместе вечность, — сказал Ястреб. — Мечтою осталось видение.

РОСИНКА

Олененок, свободный в своем выборе, по северному склону восходил на вершину застылой горы радость искать. Вела тропинка перемен тяжелым путем, надсадным и извилистым на восход. Он надеялся, что на вершине может увидеть недоступные Звезды, Луну, Солнце и они помогут узнать, что такое радость. От таежной суеты потерял он это чувство. Грустный Олененок поднимал голову, бесполезно смотрел на небо, там он не видел звезд. Молчание неба надрывало безуспешную тревогу. Поднимался вверх наугад, его глаза заливал пот. Он понимал, что звезды вряд ли вырвутся на волю к радости, и наудачу искал кривую тропинку, ведущую к ним. Не торопясь, вслепую шел с единственной мыслью, вселяющей силы, любить небо, что потерявшаяся мерцающая звездочка взойдет.

Мелькнула горящая звездочка, капризная удача была на его стороне. Сгорбившийся на непосильной тропинке Олененок залюбовался красотой мира и радовался жизни. Вдруг он поскользнулся, но не упал в глубокий каньон. Сначала испугался, но, замерев, осмотрелся и удержался за край скалы. Олененок

радостно улыбнулся от счастья. Небесная звездочка тяжелую тропинку осветила и не бросила его. В трудный миг и темный светила помогала преодолеть страх. Плечом к плечу и сердце к сердцу открыв друг другу, несли они боль и все сомненья.

— Зачем обрекаю себя на страдания? — спросил Олененок.
— Для кратковременной радости?

Олененку очень повезло. Иногда неудача оказывалась настоящим везением. Олененок воспользовался этим невезением и вместе с ободряющей звездой любовался красотой, не забывая об осторожности потерять равновесие, оступиться на скользкой тропинке. Звездочка в трудный час была ему поддержкой и отрадой.

— Буду ли счастлив рядом со звездочкой? — сомневался Олененок. — Научусь сам быть счастливым и радостью делиться с другими?

Они делились друг с другом своими переживаниями, секретами и маленькими радостями. Звездочка каждую секунду радовалась и учила видеть радость вокруг. Олененок с удивлением почувствовал, что радость есть всегда и постоянно, ее нужно лишь различать. Олененок радовался каждому трудному шагу на скользкой тропинке. Даже минимальный подъем в лабиринте терзаний приносил счастье. В череде падений и остановок с испугом заглянула звездочка в изменчивые настроения глаз. Налету срываясь с неба, вычеркивая след, сгорала растерянно.

Остерегаясь бессознательно верить радости, медленно призывал брести от самого себя в затмение звезды. Во мгле ночной и в глупом сердце смутной звездой бескрылою померкла радость. Луна и Солнце не восходили, и грусть казалась пустяком,

что в темень все погрузилось. Не воя от тоски, молчал печально про сердца муки с холодной темнотой. Олененок не огорчился, ведь он раньше испытал радость и не собирался забывать взгляды горящей звезды. Если бы звездочка не горела, не достиг бы он счастливой радости никогда. Олененок для звездочки сочинял добрые новые ритмы и светло радовался. Он надеялся, что новым теплым взглядом нежно прошепчет, срывая голос

при встрече, прямо в ее сердце. С твердой поступью и каждой рифмою озаренная мечта становилась явью. Звездочка зря не сдавалась, во мгле вздрагивая, тлела огарочком. Олененок решительно ступил на вершину, и наградой вечною путеводная Звезда разгоралась в ладонях осторожно и ласково, с пониманием, смотрела в глаза.

Острая гора была красива в синей прозрачности неба. На вершине в воздушной чистоте было гнездовье птиц в легких искорках света и осколках луны. Это было самым прекрасным местом на этой звездной стене. Гнездовье возвышалась до звезд, где ветры видели Солнце. Горячее и ароматное светило еще собиралось всходить из-за горизонта. Укрываясь звездным небом, стая птиц, взлетая, сообразила, куда следует направить свой полет. Небесные птицы с сильными крыльями летели в поднебесье навстречу солнечному ветру, через метель тающих

снов. Черные гуси восторженно кричали, летя в стае, и каждая птица, взмахивая крыльями, обеспечивала подъем для птицы, находящейся непосредственно за ней. Все пользовались подъемной силой, создаваемой впереди летящей и разрезающей путь птицей-вожаком, не выпадая из общей стаи и не пытаться лететь в одиночку.

Один молодой гусь в полвзмаха крыла летал, боялся парить высоко в невесомой мечте. За выпадающим из стаи гусем заботливый вожак покидал стаю и следовал за ним, чтобы оказать ему поддержку.

— Разве ты не любишь Небо? — спросил его опытный и мудрый вожак. — Взлетай к нашим вечным мечтам.

— Небо я люблю сильнее, чем птицы, летящие высоко вверху, — ответил осторожный гусь. — Вдруг небо трещиной сна обманет, отбросит на землю изменой.

— Летать и любить надо безоглядно, — сказал уверенно вожак. — Летаящим на треть крыла необъятное небо будет неверно и ненастно, а ветер Звезд дунет в спину с другой стороны нашего солнца.

Уставший вожак в полвздоха вернулся в конец косяка, и молодой гусь вставал во главе стаи. Чудо. В синее безмолвие радость вернулась. Молодой гусь почувствовал всю прелесть и красоту полета. Он вспорхнул и поймал дыхание свежего ветра и счастья мгновенья. Вздохнул свободно, полной грудью и расправил крылья. Трепетно сердце гимн о свободе запело. Полетел попутным ветерком туда, где так ярко светило и сияло лучезарное Солнце. В бесконечности птицы ловили перьями лучики счастья.

В мягких тенях тихого сна молодая и красивая раскаленная Комета блистательной искрой золотой спешила из глубины космоса. Вольным космическим снежком блуждала во тьме среди жарких небесных светил и ледяных планет. Закованная в лед туманная странница, пугаясь Солнца, свистела знойным вихрем, оставляя за собой большой пламенный газовый хвост. Среди мелких звезд красноватой чертой подметала скользкие небесные тропинки, стирая границы между мирами. В начинающихся сумерках бродящая звезда сияла изумрудным светом ярче лениво стоящей вечерней Венеры. Сквозь светящийся про-

зрачный хвост хорошо просматривалось небо звезд, рассыпанных в пыль. Низкая Луна сверкала в полную мощь, о песчинки звезд шурша. Обожженное небо Земли проходило сквозь метеорный поток небесной гостыи. Зажженная звездным дождем, горела холодным свечением роса на горной тундре. Замерло замороженное время в бесконечности, все мечты замотались в снежный комок. Темнело закатное Солнце, окрашенное в багровые оттенки.

Сон и явь приняли Кому за посланницу всех небес и загадали желания, надеясь, что, пока звезда катится, оно непременно исполнится.

Неожиданность появления в черно-зеленом небе заветного предка в необычном чтимом виде Кометы с двумя светящимися хвостами уви-

вила таежника.

— Сновидение за явь принимаю? — таежник, не пряча взора, спросил Сон и Явь. — Сакральная странница поведаст историю сокровенных снов?

— Небесное знамение! — сказал зачарованный Сон. — Вижу возвышенное небо, каким оно торжественно бывает.

— Какое великолепие! — мило сказала чудесная Явь. — Холодный лед разожжет трепетный огонь.

У кочующего по горной тундре таежника был лекарственный мешочек и амулет с частичкой неба, разрисованный фигурками и точками планет. В самом центре амулета находилось Солнце, окруженное лучами. Таежник сравнивал амулет с небом и убеждался, что это явно плавное движение было не сон и не выдумки. Хвостатая звезда казалась неподвижной на звездном небе, но таежник ежедневно отмечал на амулете ее положение относительно звезд, как отмеряют жизни мгновения. Кому насквозь пронзали лучи огромного и красного закатного солнца, и ее освещение усиливалось. Шар льда разогрелся,

а ярко-белые и красные хвосты Солнечным ветром были направлены в сторону от Солнца. Вселенная дрожала в испуге ожидания. Началось удивительное превращение во мгле заснеженной. Замерзшая Комета расширялась, светилась, будоража воображение. В глубине прохладной глыбы льда было маленькое сердечко, живая росинка — дочка космической ночи.

В сердце Кометы жило только одно холодное огорчение. Она была одинока на небе, хотя звезды пели ей веселые песни. Не радовали ее, однако, приветливые улыбки планет. Сердце ее было тихим и печальным. Чистой слезой незлобной скорбел брильянтик росинки. Засыпали космические дали, а густые туманы клубились над созвездиями, Комета увидела Солнце, одиноко кочующее по небу. Она собирала цветущие звездочки, астероиды и планеты. Не сдаваясь сну, Комета с восхищением по-детски смотрела в глубокие, словно озера, глаза Солнышка, не в силах напиться. В бликах зазеркалье зрачков безропотно тонуло. Волны холода бежали мурашками по коже при мыслях о запретных снах и яви. Сердце-росинка не любило тени, жаждало солнышко ближе узреть.

Надменная ледяная Комета полюбила это светило и каждый день с нетерпением ждала встречи с ним. Солнце также было одиноко на земном небосводе в космической пустоте. Блестящая Комета обольщала светило, светилась улыбкой, ласкала нежными дуновениями, вздыхала и пела. Услаждала самой нежной музыкой, самой прозрачно-невинной дымкой и укутывала в прозрачные одеяния, уносилась высоко и далеко-далеко на небесные тропы, превращаясь в звездочку, и возвращалась. С той поры каждую ночь можно было увидеть на небе странницу. Это была в лучах солнца купающаяся Комета.

— Ты любовь разжигаешь во мне, — нервной дрожью клялась Комета. — Сердце тает и бьется сгорающей искрой.

Солнце не давало ей ответа, одиноко оставалось в золотых лучах среди космических небес. Солнце не прощалось, но и дальше взгляда не подпускало Кometу. Слишком явно прожигало границу вдоль сердца Кометы трещину. Тихой болью выгорала любовь в сердце росинки изнутри, без огня заревом пылая. И ледяная странница морщилась, перепутанные крылья сложив, в сердце скрывая огонь, по новому кругу сумрачных

обрывов начинала блуждать и кружить, новой встречи с Солнцем искать. Находила и снова теряла. В любовь с Солнцем не играла.

— Скажи, что это случайная прихоть, и я забуду, — просила смущенная Комета. — Сделаю шаг от тебя и застыну.

Тоской и грустью измученная и не в силах совладать, ослепительно яркая звезда с длинным светящимся рубиновым хвостом, неотрывно смотрящая на Солнце, падала в радость. Дивное сердечко-росинка не отдыхало и не засыпало. Оно не зябло и не мерзло, оно спасло Комету от ледящего холода. В умеющей открывать свету двери любви росинка отражением купалась весь мир небесный, пытался согреться, растворялся.

— Ты умеешь красиво мне снится, — шепотом выдыхала признание Комета. — Нежно тревожишь мысли.

Комета, без огня пылая, мыслями следовала за светилом по дорожкам, где бегало Солнышко. Задыхаясь, ощущала в нервах груди тугие лучи. Пробовала не любить, не получалось. Дрожала от холода. Наискосок напоказ летала. Их тропинки пересеклись во времени и пространстве. Замороженным льдом смотрела Комета на закатное солнце, по нему так вздыхала и страдала, в гранях лучей видела собственное отражение. Горячее сердце капельки-росинки без хлопот зимовало в глыбе льда. Приближаясь к спокойно-безразличному светилу, сердце капельки-росинки горело любовью, пылало и таяло. Холодный, твердый, не тающий лед и снег неустанно белой метелью мечтали жаркого Солнца лучи покорить.

— Сердце замирает, ему в груди неуютно и тесно! — грезила наяву Комета. — Не могу загадывать и ждать. Воочию укради меня, Солнце, из ледяного плена вселенной и согрей собой.

На миг остановив дыхание, ворвалась в тайну, залитую жарким огнем, забывшись. Лед влюбленного сердца таял, выплескивая душевные слезы. Равнодушное светило, затаившись, купалось в романтической дымке, жадно навязало свои правила, вскипело брызгами огня.

— Мои мечты не явь, с тобой, светило, мы не вместе явно, — с закрытыми глазами лепетала Комета. — Наяву безумно сердце рвется обожать мечты.

Переливающейся на солнце глыбе льда врезаться в бессердечное Солнце не удалось, она внезапной болью вытянулась огненным хвостом, расстроилась, огорчилась. Теряя контроль невозвращения, Комета факелом летела в оранжевый жар к свету, но хрустящим льдом была разорвана вблизи звезды. За смелость неразумную, в объятиях полыхающего адского пла-

мени раскололась на осколочки-невидимки. Сыпались звездопадом в золото одетые слезинки и льдинки. Сердечко жалобно сгорало огарочком упавшего счастья.

— Снег горчит страданием, — задумчиво сказал унывающий Сон. — Опускаясь в бессонницу с запахом грусти, лед прозрачен и светел.

— Гарь огорчения и слякоть плачущего неба приснились мне, — сказала мимолетная и неповторимая Явь. — Стало прохладно, остыла позолота. В раскаленных льдах согреем сердца.

Согретая звездным дождем на границе горной тундры между сном и явью, прозрачными изумрудными брызгами разгоралась алмазная роса. Негреющее солнце ускользнуло в дрожащую мглу. Охладевшее небо все созвездия зажгло. На крыльях ночных стали на привычные места искристые звезды, и вновь родился особый свет не ставших явью сновидений.

ЛАСКОВАЯ ЛАСКА

Без таежницы тайга, тундра и стойбище стали серыми и скучными, их наполняла пустота. Не радовали закаты и рассветы. Под звездами у костра одному таежнику невозможно было согреться. От усталости веки смыкая ночью, таежник грезил вновь и вновь о ласковых признаниях. Сердце играло воспоминаниями, томилось и говорило, что оно скучает и не вынесет муки. Сердца стон никак не мог уняться.

— По тебе скучают, — звал Суглан. — Шлют тебе привет!

Суглан — был хороший повод собраться вместе с друзьями, похвастаться добычей и таежными историями. Обрадовался таежник. Забилось сильно-сильно у него сердце — пыталось вылететь. В груди колотилось, как окрыленная птица. Он почувствовал себя диким зверем в неволе и ждал от этой встречи только чуда.

— Я хочу быть рядом, — шептал таежник. — Хочу к сердцу прижать!

Собрался кочевать на Суглан, а затем с места на место на новые места, через бурные реки и крутые горные перевалы.

Стоял на раздвоении тропы, считая перевалы, часы, камешки и хрусталики льда. На перепутье вел себя неспешно, плелся по тропинке, выбирая путь к себе и от себя.

Мечтал Таежник, как он явится на сакральный праздник, похожий на солнечную сказку, в которой надежды воплощаются в реальность, где много подарков и внимания. Надел амулет, бережно охраняющий его богатую фантазию. Медленно покинул стойбище оленей, пасущихся на краю тундры, возле самого неба, и кочевал налегке. Он хорошо ориентировался на местности и умел выбирать такие места, по которым не могли ходить другие. Одиноким горам укрывались дождливой печалью и ранними сумерками.

Таежник не остановился, он бросил вызов горам. Решил, что обратного пути нет. Либо победит, либо горная тундра сделает так, что никто не узнает, что снилось таежнику. Тундра снова обманула его и завела в очередное болото. Кружили и кусали комары и оводы. Снова и снова он шел через болото, перевал, тайгу, болото, перевал и болото. Кочевал таежник по тропинке на самый крутой перевал, и Луна ему путь освещала. Совсем темно стало, но он не остановился. Для таежника нет ничего печальнее оказаться на перевале в темную ночь, посреди моховых болот. Ища следы, он бродил по кругу и возвращался на свои следы. Устало передвигая промокшие ноги, поднялся на горный хребет и подошел к озеру, из которого текли родники. Остановился немного передохнуть.

— Неужели я прошел так мало? — думал таежник. — Моя жизнь видна как на ладони. Принеси удачу.

Загадав желание, привязал нарядную ленточку к священному дереву и увидел Ласку, сжавшуюся в теплый пушистый комок. Таежник смотрел на зверька как замороженный. Испугавшись, Ласка легла и скребла задними лапами снег, изгибаясь,

продолжала неравную борьбу страшными челюстями уловистой петли. Ласка не хитрила и не притворялась. Ужасно любопытной, ей все надо было понюхать и потрогать. Бегая и прыгая по горной тундре, заглядывая под каждый кустик да в каждую норку, шалунья Ласка угодила взападню браконьера, засыпанную снегом. Таежник слышал тихое рычание Ласки, превращающееся в болезненный хрип. Не сломлен был хищника дух.

— Здравствуй, миленькая Ласка, — сказал таежник. — Тебе нужна помощь?

— Помоги мне! Нет другой надежды, — вздохнула Ласка. — Молнией жжет холодная сталь капкана.

В небе ночном бледно светила Луна, освещая высокие горы. Ласка сжала острые, как лезвия, зубы сильнее и сидела неподвижно, как каменная, не моргая, захватившая лапку

за пальцы давила ловушка. Косточки хрустели, и боль пронзала гибкое тело от ушей и до кончика хвоста. Таежник, называя ласковыми словами Ласку, распахнул тени гибельного самолова, и со стоном вырвался зверек на волю. В сладкий момент Ласка, мотая головой, сумела стремительно встать против него на задние лапки, поджав пораненную лапу, как перед боем, и смотрела на него взглядом, светящимся таежной мудростью. Встретились взгляды, в них вспыхнули вмиг миллионы огней. Глаза таежника молча глядели слезами разлуки. Таежник стал с Лаской разговаривать.

— Иди, — сказал Таежник. — Ты можешь.

Ласка слушала слова своего избавителя, блестела бусинками глазами, в которых сверкнула слеза. Благодарная Ласка щекой

к руке таежника прижалась и осталась с ним. Она стала самым лучшим и преданным другом.

— Если можешь, оставайся, — сказал таежник. — Не будет теперь одиночества рядом.

С преданной страстью взглянул на него смелый и вольный зверь из дикой природы. В искренность веря, окружила своей лаской и заботой и считала таежника своим братом. Мысли их были близки. Понимала все с намека.

Спала вместе со своим спасителем и ни на миг не расставалась с ним, кочевала и ходила на охоту. Не касалась рука, а хотелось погладить зверушку. В Ласке увидел таежник вызов судьбе. Отдергивая руку, замечал счастье любви. Молчал стихами.

— Сбежит вдруг по мордочке слезка, — думал таежник. — Ощущаю разлуку.

— Ты ведь меня прогонишь? — беспокоилась Ласка. — Искать меня не пойдешь?

Ласка чувствовала в своем избавителе вожака, главного лидера, и, естественно, ему подчинялась. Мягкие, нежные губы коснутся руки таежника, Ласка ласкала ее.

Исходили таежные тропы, куда не ступали ни зверь, ни человек, Ласку тянуло согреться только с освободителем. Просидев всю ночь, когда всходила луна, вспоминал родное стойбище, но наутро вставал и кочевал опять за ней. Скользнув среди скал белой тенью, в таежные дебри вела Ласка его за собой. Хозяйка горно-таежных мест награждала терпенье таежника. Не расставаясь, кочевали в дождь и зимний голод, в стужу и холод, от изнеможения падая, счастливы были одни. Старался не обижать ее своим невниманием.

— Зверя к ласке людской приучил, — думал таежник. — Потоскует и перестанет ждать.

Таежник абсолютно был уверен в том, что разумная Ласка понимала его. Он следы читал, где шустрая, ловкая и быстрая хищница Ласка зверя одинокого находила и ждала. С ласковым, преданным зверьком вместе по тропам всегда с добычей шли. Мстила Ласка не только за себя, но и за таежника, если ему угрожала опасность и причиняли вред. Ласка украла покой таежника, во сне он стал воображать, слышать и видеть. По но-

чам образ сна бесшумно и незаметно подкрадывался и садился на уставшие глаза. Хороший таежник всегда различал важные знаки, и он закрывал глаза руками, чтобы горы не смотрели его грезы.

Ласка являлась к нему в облике юной красавицы. Держалась она свободно и легко. Ее сердце дрожало, как перелетный листик. Они обменивались взглядами, улыбками, рукопожатиями и амулетами. Подарил таежник любимой свой чум, и они окунулись в атмосферу таежного быта.

Грелись у очага, сидя на оленьих шкурах, в радости пробовали блюда таежной кухни. Он негромко проговаривал ей стихи. Отдавали взаимно всю свою любовь, и ласку, и счастье. Терпели и благодарили за присутствие в жизни. Жили на стойбище, как в

сказке, уверенные, что не зря ждали друг друга, радость узнали и обожали все капризы. Тепло ее сердца греющим лучом освещало праздник любви.

Девушка-ласка могла навсегда с таежником оставаться на перекрестках счастья. Настало время белой красавице дерзко вперед из сна возвращаться. Запела она песнь о том, когда звездочками небо озарится, открывая сердцу тропинки в пространство, она возвратится. Услышали ее настроение мерцающие звездочки и заплакали, устремленные горы намерзали льдом, им не хватало воздуха, не отпускали сны.

— Взлетим вместе с мечтами, — сказала Ласка. — Если верить в мифы, они оживут.

Радужные грезы утешали, примиряли с суровой таежной действительностью. Таежник заглянул в свое сердце, оно от сна очнулось, росой капали слезы. Меж звезд распахнутых, весело петляя, спешила тоненькая тропинка, по которой шла Ласка по имени Любовь.

ЛУННАЯ ВЕСНА

Почти незаметно небесная тундра пожухла от стужи, безнадежно унося с собой мечты. В прохладном наряде Одинешенька Осень от печали о счастье в сетях паутины сомнений по стылым камням горной тундры ходила. Одиночества холод в объятиях скалам дарила и с бродягой Ветром повстречалась в одночасье. Невпопад едва заметный взгляд и старые чувства возникли меж ними в надежде, что вновь может вернуться прежнее счастье.

— Разве можно скучать? — спросил ласковым шепотом Ветер. — Дорогая, меня встречай!

— Где ты блуждаешь? — шепот Осени сыпался невпопад. — С тобой тепло и дружелюбно.

В плену объятий прозрачного странника затанцевала одинокая, холодная Осень, по губам растирая слезы. Чувствуя теплое дыхание у щеки, начала движение несмело, непринужденно наслаждаясь, рождалось желанье кружиться, всем сердцем влюбляясь. Вместе со счастливою Осенью закружились, обаятельно безумствуя, задорно увлекаясь, перелетные птицы,

и перелетные листья малиновым цветом ласкали друг друга. С томным вздохом сердце Осени разрывалось в клочья. Хотелось тоже куда-нибудь лететь без ощущений расстояния, в обнимку с пушистой хвоей роскошного золота лиственниц. В сладости снов дуновением легким соблазнитель Ветер раздевал золотую листву и траву большими охапками. В радостном порыве швырял к ногам Осени остатки солнца, делая ее милей и красивей. Лаской игривой чувств и эмоций зряшно кружил по кругу мягкие иголки золотистой метелью. Осень почувствовала себя летящей, была настоящей, от одиночества исцеляясь. В страстных движениях рисовала мечтаний отголоски и тайные желания. Осинки, сбрасывая листья, мерцали, искрились, сияли, обнажая ветви и кору. В лазури голубой сверкали на солнце причудливо лиловый ягель, золотые листочки, багряный олений мох и алые брусничники. По ветру вились пестрою стеной опавшие оранжево-желтого цвета хвоинки, ветки и листья. Летели без иллюзий расставания, золотой пылью игриво сплетаясь, образуя хоровод. Листопад играл со мхом в болоте сухом, заплетал кружева среди тени, солнца лучей и грез.

— Мелко дрожу, — шептала Осень. — Смотрю вослед замирая.

— Не отпущу тебя, — навевал в сердце Ветер. — Попросишь, удержу.

Понуро, тихо пружинил олений мох, поскрипывали оголенные стволы деревьев, стремительно увядала листва. Себя без остатка дарила зачарованная Осень беспутному Ветру, бок о бок кружась. Сквозь Осени затухающее пламя сиротливо целовали сверху звезды с тихим надрывом зеркального листопада золотые осколки. Бился о скалы красным лицом обреченный багульник, в причудливом кружении слезы роняя. Воздуха стало слишком мало, застонал грустно беспечный Ветер. В своей красоте покоренная Осень, чуть прикрыв глаза в нежном капкане, падала в последнем танце надежды. Не было смысла просить спасенья в лунной полуночи. Когда начали гаснуть звезды, показалось, что пустой Ветер замер, позабыв про чью-то дрожь. Опавшие листья зашуршали под ногами северных оленей, тихо кочующих мимо одишешеньки Осени на заснеженные перевалы алой зари.

В грустных зимних снах созвездий и расплывчатой сини ночи серебрилась половинка Луны. Мерцающая, растущая Луна холодным блеском светила счастьем, дарила надежду. Лунная весна как будто медленно пробуждалась от сна, чувствуя, что властвует над небесной и горной тундрой. Морозная и снежная зима вздохнула, притаившись в холодном изломанных горах. Снега потемнели и лежали усталые, досматривая сны, веющие

прохладой. Не снявшиеся снам чудеса любви открывали небесные врата. Ночи холодной навстречу кочевали заря, рассвет, счастья луч и утренняя звезда. Во сне улыбаясь и постепенно угасая, небесные звезды от чуда к чуду прижимались к луне. Жизнь пробуждалась после долгой сонной спячки.

Не задержался, будто весенняя ночь в долгожданном танце снов, очаровательный белоснежный северный Олененок по кличке Весна. В большие глаза Олененка, словно в открытые двери, на миг заглянула Луна и увидела свет. В бездонных глазах Олененка изумленные радуга, заря, звезда, желанья и тайные первопричины были видны. Бродячими душами ненамеренно коснулись они, родную почувствовав суть, отражая загадочные мечты, боль и радость.

— Взгляни в мои глаза, и станет жарко, — сказала Луна. — Видишь таинство?

— В твоих глубоких глазах даже Солнце не светит, — ответил Олененок. — Там отражаются небеса.

В глазах Луны он ощущал что-то большее, чем в других. Глубина этих глаз тянула куда-то, напоминала о глубокомыслии и нетленности. Улыбнулось сердце Олененка, согрелось радостью. Олененок тонул в ее глазах и, почти не дыша, к счастью торопился по талому снегу босиком. Обжигала зрачками глаз Луна сердце его. Олененку золотые пятнышки на боках

раскрашивала маленьким лунным лучиком. Лунные пятнышки невысохшей слезы росы блестели густо на мордочке, спинке и боках. Олененок безвластно в бездонном зеркале Луны играл в веснушки с веселым и ярким лунным лучом. Отблесками то ли грез, то ли счастья тихонько светились веснушки на лице Олененка-Весны.

Откровенно растущей Луне он шептал все как есть. Чистой, прозрачной

мозаикой лунный лучик бежал по темному льду. Блик радужки на кончике луча рисовал сверкающую тропинку над бездной льда. Безгранично пролегла по скользкому льду лунная дорожка. В таинственном просторе тропинка лунная во тьме через проруби бежала Олененку навстречу. На льду несчетным повторением играли блики серебряным трепетом утренней звезды и бездны мрачной притяжением. В озарении Олененок любовался ожерельем из бриллиантов капелек лунных слез и неисполненных пленительных грез. Он не мог воротиться. Играя в веснушки, Луна его манила, завлекая, ослепляла серебристого пламени светом.

Растворяясь в лунном взоре и сердце, страдая от боли, Олененок с затяжной настороженностью легкой ножкой разбивал скользкий лед. Устало и равнодушно хрустел талый лед.

Серебром падали в талый лед звезды. В мелких трещинах лед, ломаясь осколками снегов, стонал. Если смотрел на Луну неосторожно, все вокруг сливалось с исчерпывающим разочарованием. Из-под ног несмышленного Олененка скользкий лед лунной тропинки уходил, разгонялись звезды и сгорали искрами мечты. Олененок парил без света и сознания, как будто в пустоте, выше неба, темноты. Оступаясь и проваливаясь в ледяную воду и мокрый снег, метался, забывая все на свете. Перед глазами, взмахнув лучом, Луна проплывала, и, ничего не понимая, чувствовал милый Олененок себя рожденным заново.

Дрожащий Олененок и у вьючных оленей нетерпеливо путался под ногами. На замерзшем сердце слеза смывала грусть бурлящую. Олененок беззвучно рыдал. Мир горной тундры, в котором все не так, был очаровательно прекрасен.

Олененок пил лунный свет глазами, он без сна жить помогал. В невесомом тумане замерзшими ножками скреб талый снег. Подмерзлая прозрачность ускользала ледяной дорожкой. Первый талый снег спускался по горным откосам, со скал падал в ущелья. Замерзли невысказанные чувства, иногда вмерзали в тропинку льда бесследно. Достигая нереальных высот и глубин, неокрепший Олененок открывал новый мир, что власти времени, холоду и тьме неподвластен. Задумчивый Олененок смотрел, как Луна игриво глазом мигала в талую воду, в бликах света плакала слезами туманной зари. Осторожный Олененок к лунной тайне прикоснулся, отражаясь в счастье, которое во снах снится. Слезы жгучие любовь не сожгли, падая, они теряли горечь потерянных надежд, чтобы по лунному свету уплывал Олененок, в мечту сияя от счастья. В днях далеких и вперед зовущих встречал в радужных снах золотые веснушки Лунной весны.

РОСЯНОЙ ВЕТЕР ВЕСНЫ

Рожденный в день Северного ветра вечный странник, таежный кочевой оленевод-охотник в своих мифических и лирических поверьях представлял ветер живым существом. Сто небесных сил обитали выше скал в облаках над вершинами гор у сотканного из ветров края неба. В непрерывном творении мира рождалось множество духов — дух дождя, дух града, дух солнечного света, дух облака, дух грома, дух звезд и дух ветра. Ветры были жизненным дыханием Неба и сами возникали из дыхания Небо-оленья. Когда вдыхал и выдыхал воздух зародышевым дыханием жизни Небо-олень, все ветра из бесконечности невообразимо освобождались. Они, подобно зародышу в утробе матери, дули поочередно: один устанет дуть — другой начнет; оттого и веяли в разные стороны. Все существующие ветры должны были участвовать в горно-таежной еще жизни, кроме лично своей. Соединялись ветры и поветрия с рельефом горно-таежной местности, обладая определенной предсказуемостью, сезонностью, периодичностью и координацией простран-

ства. Как неотъемлемые свойства срастались ветры с нравами и обычаями, чертами характера обитателей горного края.

— Ветер — дыхание природы, — воскликнул таежник. — Большие горы сильный ветер любят.

В необозримой красоте и фантастических панорамах застывшего удивительной чистотой и великолепием пространства веяло какой-то отрешенностью. По заснеженным вершинам и горной тундре рыскали, пели и свистели, деревья ломали и перекачивали ветры и имели много значений. Они были невидимы, но сын высоких гор таежник, сливаясь с природой, обнаруживал и узнавал их по свисту и движению. Он ощущал разные качества ветров, трогал ветер на ощупь и называл теплые ветры, обладающие текучестью и мягкостью, женскими именами своих подруг и сестер. Бурям с громом и молнией, от которых медведи в испуге падали с деревьев, и ветрам, для грозы собирающим тучи, присваивал имена братьев и друзей. Ураганам, вырезающим снежинки из ледника и гонящим с востока на запад Солнце, давал имена старейшин. Названия ветров с надеждами, мечтами высекались в сердцах и на коже шершавой друг друга. Чувствовал и повторял таежник раз за разом истинно наполненные магией имена и хранил в памяти их репутацию очень бережно. Он любил мягкое звучание ветра над водами горных озер. О запахах ветра, омытого весенним дождем и пропитанного ароматом кедровой смолы, таежник пел поэтические сказки для своих детей.

— Ветер всему миру не сдержать, — говорил таежник. — Он невидим и обнаруживает себя свистом.

Легкие и воздушные ветры летали вокруг вершин, на пики садились, поднимались, кружились и снова срывались сверху вниз, с горы к подножию. Каждый высокий, крепкий, неразрывный ветер, переполненный жизнью и силой, наделялся яс-

ным обликом и одушевлялся. Таежник старался подружиться со свежим ветром, приходящим с рассветом. Учился читать мысли и слушать звонкий тревожный ветер в начале зимы, сдувающий листья с карликовой березки. Ветер-сквозняк возникал между двумя близко стоящими скалами. Поземка путалась под непослушными ногами. Летал по ветру нежного счастья, сквозь пушистые крылья льдинок, доверяясь радостному чувству. Хлебал ветер простуженной скуки и братался с таежной стужей. Обнимался с голову вскружившим, облаченным в любовь ветром, спешившим к пасмурным небесам.

— Ветряная сила наше счастье приносила, — говорил таежник. — Неуловимый ветер рыскал, пел да свистел, деревья ломал, траву к земле пригибал.

Благоприятный ветер приносил удачу в переколке, а попутный — в дальнем путешествии. Всегда кланялся, приветствуя возвышенный ревуший и шумный ветер-вестник. Несильный ветер, приятное дуновение воздуха в ясный день, рождал хорошую погоду и поднимал настроение. В начале каждого лета приносил влажный ветер в горы туманную или дождливую погоду, которая ухудшала видимость на перевалах. Зимой, обычно на переломе дня и ночи, приветливый восточный ветер возвещал об удачливой охоте, видимо, в качестве искупления за невзгоды, перенесенные в крепкие морозы.

«За ветром в горах не угонишься, — подумал таежник. — Сердитый ветер с горы снежную вершину сорвет».

Встречный ветер с малыми шалостями таежник определял по движению воздушных потоков, чтоб добыча не учуяла его раньше времени. Дул ласковый ветер, вдыхая дыхание во все живое. Зверь, деревья, горы — все участливо дышали одним дыханием с радушным ветром. Вся семья ветров влияла на

жизнь природы и на жизнь таежника. Для таежника каждый ветер был чтим в памяти и чувствах. Ветер одушевлял, с ним он говорил, пытаясь объяснить его переменчивое поведение, и всячески старался задобрить. Более того, замечая, что ветры дуют с разных сторон света и бывают холодными и теплыми, влажными и иссушающими, назначал ответственного за воздушную стихию — Дух ветра.

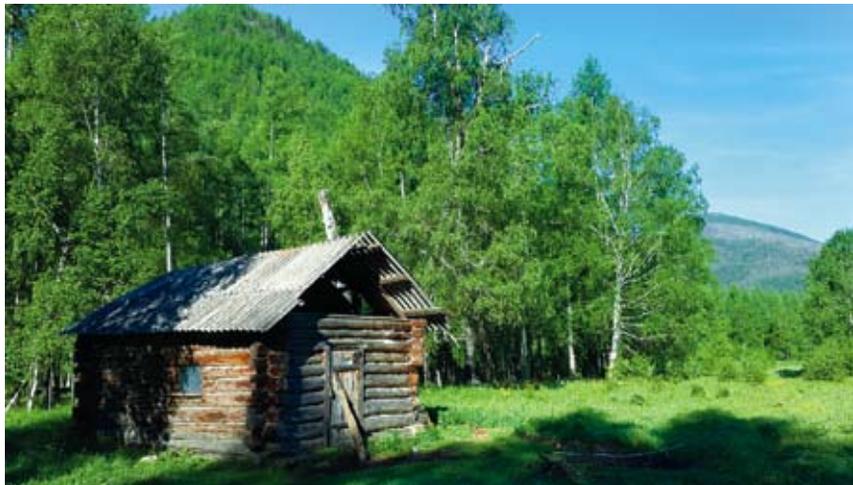
«В горах ветра не поймашь, — вспомнил таежник. — Гору разрушает ветер, а дружбу — слова».

Выдох бури означал творение мира, а вдох — сокрушение, клонившее качание к земле цветов багульника и хвои кедров. Ураган открывал проход между мирами. Вихрь передавал сообщения жизненного дыхания неба. Налетающее и исчезающее дуновение несло звуки и голоса, в том числе и сердечных связей. Порывы ветра с горных склонов были самыми загадочными из всех стихий и, казалось, предвещали скорую встречу с возлюбленной. Не зная физических причин возникновения, дорогому сердцу при нечаянном ветре, развевающим ленточки одежд, таежник сочинял песни, когда хотел встретиться с милой девушкой.

«С ветра пришло, на ветер и пошло, — подумал таежник. — Спрошу у ветра совет, будет ли ответ?»

Если долго дул холодный, могущественный, непредсказуемый и внезапный ветер или висел в горах сырой и темный туман, таежник пытался изо всех сил дышать полной грудью. Он вдыхал стылый воздух, потом выдыхал, но не до конца — часть ледящего воздуха оставлял в легких, образуя воздушную по-

душку. Кашель и одышка мешали дышать при студеном ветре, и таежник совершал приемы, умиряющие силу льдистого ветра. Нежданному морозному ветру обходительно оказывал почести и затем ласково провожал обратно на хладное небо.

— Пусть услышит Небо-олень слова и равнодушный ветер унесет с собой, дующий из тех мест, где ветры рождаются, — пел таежник. — Застывший туман, утренний ветер изгони дуновением оживленным.

Таежник, рожденный под стихией воздуха, вспоминал связанные с ветром фольклорные сюжеты, поднимаясь на гору, чтобы посмотреть сквозь звезды на обиталище Небо-оленя. Дыханием таежный служитель ветра подтверждал связь горной тайги с миром Небо-оленя. Среди созвездий он был подобен скале, вырастающей на пути беспокойного ветра, и напевал просьбу при отсутствии голоса, но с почтением выдувая слова. Просил най-

ти правильный выбор пути, понять свою тропу, поймать свой легкий ветер. Просил, чтобы задул теплый неуловимый ветер, необычный оберег рода. Одушевленный ветер хорошо порой бил в лицо, но и хранил таежников от неприятностей. Скорый ветер носился от края до края, обнимая горы, вновь и вновь неутомимо измеряя их размахом крыльев. Ветер изменял форму деревьев, но тайга оставалась неизменной. Потоки силы ветров невидимыми нитями пронизывали горы, и таежник держался за них, ощущая счастье и спокойствие.

— Ветер снег съедает,
— изрек таежник. — Куда ветер дует, там и дождь идет.

Имея живой, веселый характер, таежник отличался сообразительностью и богатым воображением и общался с ветром, не поддаваясь эмоциям. Он взбирался на головокружительный шпиль ледника на голой скалистой вершине под сверкающей драгоценностью свода непредвиденного неба. Таежник старался узнать у возвышенного Духа ветра Великую тайну, которая окружала, наполняла и несла в себе самую полную меру радости, возможную в этой жизни.

— Дух ветра, создатель мира и людей, — с радостным смирением и простотой сказал таежник, — ты знаешь, что такое полет, скажи, что такое свобода, которой преграды не закрывают свет солнца?

— Ветер говорит с теми, кто расправляет крылья, — передал видение своему народу Дух ветра. — Между прыжком и полетом лежит сомнение.

Таежник, отсеивая сны и видения, начинал постигать путь ветра, легко приспособившись к характеру Духа ветра и быстро находил взаимопонимание. Он уяснил, что у него нет ничего постоянного в бесконечном просторе. Все что-то плохое могло

закончиться чем-то хорошим и все, что хорошо, тоже хорошо. Таежник менялся в зависимости от обстоятельств и старался успокоить дух ветра, зачаровывал его своими планами, идеями и заключал с ним дружеский договор, после чего даже бури умирялись. Таежник чувствовал силу и огромные крылья ветра, созданные из тончайшего света. Он сообразил, что больше не надо бояться морозных ветров, пронзающих снежинками его сердце и ледящих кровь, а с уважением к ним относиться.

«Ветер дует — следы заметет, — вздохнул таежник. — Ветер и горы с места сдвигает».

Скользил отчаянный таежник по самому высокому краю висячего ледника, словно в танце, призывал весенний и теплый ветер с юга. Перечислял красивые имена и значения погожего ветра. Мечтал приобрести крылья ветра и сквозь пространство

раскрывал ладони. На следующий же день с дрожью зари пришел нарастающий, быстро летящий уверенный ветер. Развевал безудержный ветер мечты в разные стороны и игривыми порывами буквально приглашал на танец. В такт танцевало сердце таежника парный танец в живых и трепетных руках дикого ветра. Соединяясь с воздухом, дул колотый ветер в тревожную пустоту, и поворачивался таежник, без тени искажений заблудившись в сумраке застывшей зимы. Ледяной, промозглый и наглый ветер толкал, проникая сквозь вечную мерзлоту сердца, и таежник бесповоротно шагал на вершину белого ледника. Он ощущал свободный ветер как свое дыхание. Прислушивался, как воздух проникал в легкие и выходил обратно. В момент полного отождествления с вешним ветром он почувствовал себя легче перышка. Поднимая глаза к небу, своим сознанием управлял росистым ветром. Таежник, отворяя веру в понимание, поворачивал сорвавшийся росный ветер мысленно.

— Ветру пути не заказаны, — молвил таежник. — Солнце заходит красно — к росяному ветру.

Весенний ветер с тоской в глазах окутывал тело, словно разделить мерзлоту сердца пытался на безмолвном льду обжигающего ледника. Желанный ветер обнимал, пытался кружить и вверх вздымать. Дразнил и смеялся весело в лицо таежнику. Ветер и таежник сами избрали этот путь и действительно были едины на холодной глади смерзшегося льда и алмазов искристой кромки стужи. Сердцем балансируя, скользили почти бесшумно по тонкому лезвию холода сквозь странные стыки миров ледника и озноба. Стоял таежник на прохладном ветру, влюбленный в сквозной танец на зыбкой грани судьбы и льда, пел мелодии с поэтическими образами сладкого ветра, от слишком долгих бесчувственных холодов возжигая огонь изнутри встречным теплым неуловимым ветерком — братишкой родным, искомым оберегом таежного рода.

ДУХ, ДАЮЩИЙ ЖИЗНЬ

Загадочные изображения солнечного диска и северных оленей, парящих над горами, встречались на старинных каменных плитах по всей территории Южной Сибири. Оленные камни, наскальная живопись, археологические находки и предания дали повод путешественникам назвать эти далекие времена «Оленьим веком». В настоящее время «Олений век» продолжается и здравствует в Восточном Саяне. Для таежных оленеводов северный олень всегда составлял основу культурной, социально-экономической и духовной жизни. Тесная связь между человеком и животным миром выражалась в этих взаимоотношениях, ведь таежное оленеводство имеет многотысячелетние корни. Чтобы стать кочевым таежным оленеводом-охотником, понадобилось время, чрезвычайные обстоятельства, могучие просторы природы и чистота помыслов. При отступлении ледника кочевые таежники следовали за оленями, научившись устанавливать западни для животных, приманивая и приручая их. По преданиям таежников, оленеводство зародилось в Саянских горах и повлекло за собой важнейшую культурную револю-

цию, распространившуюся на Север. Вьючные и ездовые олени сделали доступными пространства гор, тайги и тундры на просторах Евразии. Наши предки без тени сомнений выбрали этот героический путь поначалу наугад, но с тысячелетиями глубже видя суть. За первооткрывателями, чувствующими дух времени, всегда идущими вперед к своей цели, оленеводство стали практиковать новые оленеводческие народы в северных странах.

Оленеводство подразделялось на два вида: таежное и тундровое. В тундре стада мигрировали на берегах северных морей и оленей разводили для мяса. Таежное оленеводство существенно отличалось, для него характерны небольшие стада и отсутствовали длинные миграции. Животные паслись без человека, периодически подходя к месту стоянки оленеводов, и спали под открытым небом, где застала ночь.

Традиционным жилищем для таежных оленеводов являлся чум конической формы. С крутой поверхности чума снег скатывался легко. В чуме всегда прозрачный воздух, дым от очага висел у самого верха. Форма конуса способствовала оптимальному распределению тепла — дойдя до дымового отверстия, создавала зону повышенного давления и, как пробка, закрывала доступ в чум холодного воздуха. Летом ее не могли преодолеть комары. Очаг живого огня у кочевников имел очистительную функцию от злых духов. Упорные и трудолюбивые кочевые таежники по утрам детально обсуждали виденные ими сны и принимали решение, когда куда кочевать и какого зверя промыслить. Результат всегда был положительным.

Благодаря постоянным миграциям северных оленей покров ягеля в горной тундре не уничтожался полностью и успевал восстановиться. Олени чуяли ягель даже под слоем снега. Широкие копыта позволяли перемещаться по рыхлому снегу и раскапывать его в поисках пищи. Оленьи пастбища занимали на планете четвертую часть всей суши. В России олени пастбища составляли более двадцати процентов всей площади страны.

Вплоть до бронзового века северные олени, как лесной подвид, встречались не только в высокогорьях, но и в лесном поясе и лесостепи юга Сибири. Область распространения постоянно сокращалась, дробилась, звери отступали в менее измененные человеком ландшафты. В настоящее время размещение группировок северных оленей лесного подвида сохраняется в Саянских горах.

На склонах Восточного Саяна живут таежные кочевые оленеводы-охотники, ведущие традиционный образ жизни, кочуя вдоль высокогорных хребтов. Это одна из самых малочисленных и самых южных на Земле народностей, приручающих северных оленей и занимающихся таежным оленеводством.

Мужественные люди в конце ледникового периода, используя опыт тесного контакта с оленями многих поколений, действительно научились одомашнивать северных оленей, приручая диких оленей. Внесли огромную долю труда, ума и сообразительности, превращая северного оленя из объекта охоты в объект организованного животноводства. Таежные люди не стремились изменить оленя, а попросили милого, доброго скитальца тундры и тайги жить рядом. Старались сохранить и развить в нем природные особенности, прежде всего его способность круглый год самостоятельно добывать себе корм в самых суровых условиях. Прирученные северные олени жили на вольном выпасе, а от диких животных отличались тем, что в случае опасности надеялись на защиту таежных оленеводов.

От оленей таежники получали молоко, рога, материал для жилищ, использовали их в качестве вьючных и верховых животных. С оленем связаны основные ремесла. Шкура северного оленя считалась одной из самых теплых, в ней можно спать на мерзлой земле и снегу. Из оленьих шкур шили теплую одежду, в которой можно работать в лютую стужу. Из продубленной замши шили легкую и прочную летнюю одежду, спасающую от дождей, ветра и комаров. Обувь, сшитая из камуса, была тепла и прочна. Верхом на олене охотники выслеживали соболей, изюбрей и медведей. Прирученный олень и к диким зверям незаметно подвозил охотника на верный выстрел. Верхом на неприхотливых и практичных оленях охотники освоили огромные горно-таежные просторы и быстро передвигались по глубоким зимним сугробам.

По поверьям, все, что окружало оленевода и добывалось им в промысловом деле, давалось высшими силами Небо-оленя, а потому надо было с благодарностью принимать их дары и

стараться не обижать духов-покровителей своими поступками. Упоминания о таежной культуре жили в древних мифах Восточного Саяна и передавались изустно из поколения в поколение, от отца к сыну. Обряды почитания крылатых оленей-птиц, посвященные Солнцу, сохранились до наших дней. Олени, покровители кочевников, назывались солнечными, а оленията — детьми Солнца. Где каменные вершины острием до неба доставали, чистый чум сооружал брат Солнце-оленья — старейшина, способный с оптимизмом смотреть в непредсказуемое будущее. Разжег огонь в костре и осыпал золотым песком лезвие чума и тропинку лазурного стойбища. Выбирал оленья белой масти с красивой отметиной, подходящего для посвящения Вечно синему небу. Рога несравненно роскошного оленя украшал белыми, красными и желтыми лентами, на боках выстригал знак Солнца и натирал золотой пылью. На таком крылатом олене старейшина в дни летнего солнцестояния отправлялся в путь по золотой тропе оживлять животворящее Солнце. Его златосияющий, златолучистый, творящий, излучающий, милостивый Дух дарил свет и жизнь. Мудрый Дух Небо-оленья, щедро дающий разум, идеальное здоровье и продление земной жизни, силой стремления превращал туман внутри сердец кочевых таежников в раскаленное и пылающее солнце.

— Мы — оленный народ. Оленья нет — нет тех, кто владеет оленями, то есть таежных оленеводов. Мы смотрим в глаза Солнце-оленью и не хотим жить иначе, — звучали добрые пожелания старейшины, поверившего в силу Солнце-оленья. — Бывает ровной не всегда тропинка. Из любых испытаний и превратностей погоды найдет выход Солнечный олень — личный тотем кочевых таежных оленеводов, и не погаснет огонь в чуме последнего на планете кочевого оленного народа.

Оленья за выносливость, быстроту и легкость бега предки называли «таежными крыльями». Покорно и старательно от стойбища к стойбищу кочевали по тропам заснеженной горной тундры, зарослям кустарника, каменистым рекам и болотам караваны оленей под окрики верховых седоков, вечных скитальцев тайги, ровной размашистой поступью с взгроможденными на спину выюками. Олень чуток и осторожен. У него тонкое обоняние, отличный слух, зрение, опасность далеко может за-

чують. Олени дружны, общительны и добродушны, никогда не подведут, всегда выручат таежников.

Таежные оленеводы кочуют в неукротимом стремлении к вечному пути по тайге, иногда за необходимыми вещами заезжая в оседлые поселки, не меняя образ жизни, целиком зависящий от северных оленей. Олень для них — средство передвижения по труднопроходимой горной субарктической тайге, друг и помощник. При очень тяжелой жизни в горных отдаленных стой-

бищах опытные оленеводы довольствовались малым и при этом были счастливы, не отвергая благ цивилизации — спутниковую связь, аккумуляторы, телевидение, оружие. Пока существовал главный кормилец, прирученный северный олень, хранитель надежды, не менялась основа их жизни, следовательно, сохранялась целеустремленность и самобытность. Вместе с оленем открывались таежникам горизонты, очерчивающиеся дивными горами и верой в себя.

Непревзойденные охотники и знатоки тайги работали незаменимыми проводниками у исследователей, путешественников и туристов. Таежное оленеводство привлекало туризм и организаторов баз отдыха у древних становищ кочевников, устроителей познавательных маршрутов, развлекательных мероприя-

тий для семейного досуга. Таежники дружелюбно настроены к гостям и с радостью посвящают в свою культуру людей из других регионов. Не случайно одним из самых популярных развлечений у детей оставалось катание на оленях. Встреча с оленем предоставляла шанс выразить нежную любовь, которая распахивала двери в мир новых приключений.

На протяжении веков из поколения в поколение у таежников передавались традиции бережного отношения к окружающему миру. Таежные кочевые оленеводы-охотники никогда не

брали от природы больше, чем необходимо для пропитания и проживания. Таежники терпеливо переносили все трудные испытания: время отела, комариную пору, период оводов, брачный сезон оленей, глубокие снега, короткие дни, темные ночи и время самых сильных ветров и дождей. Ухудшение погоды, метель предвещали олени, валяющиеся в снегу и сгруппировавшиеся в одном месте. Во время зимних морозов олени всегда подвижны, так они сохраняли тепло, набирали энергию. С появлением первого олененка связывали таежные люди приход весны, поэтому его рождение торжественно отмечалось в оленьем стаде. От отела зависело благополучие всего года, и ни одна другая оленеводческая пора не вызывала у таежных

оленево́дов столько переживаний. Первый олененок вставал на свои тоненькие и слабые ножки по истечении суток и противостоял злым натискам природы. После его рождения две недели стадо жило спокойно, лениво, тихо и сонливо под ласковыми лучами солнца. Оленеводы на комариный период перекачывали на обдуваемую ветрами горную тундру и сооружали дымокуры. Северные олени в летнее время в вершинах Саян находили обильную пищу, линяли и меньше страдали от комаров и оводов. Осенью у оленей прекращался рост рогов, начинала сдираться бархатистая кожаца, покрывающая рога. Зимой до последнего самого короткого дня таежные оленеводы охотились на соболя по снегу.

Дикие олени боялись людей, были агрессивны к ним настроены и не давали подойти, не брали корма из рук. Прирученные олени не пугливы, привыкли к запахам, сопровождающим присутствие человека. Домашние олени привыкают к определенным местам и путям кочевий, выбранным таежниками. Подошвы копыт снегоступов у домашнего оленя более широкие и округлые, чем у дикого оленя, по следам таежники отличали их и определяли присутствие дикого оленя в стаде домашних. Если люди неразумно управляли стадом оленей, олени уходили на чужую территорию, домашний северный олень быстро дичал, и часто самцы дикого северного оленя отбивали важенок. Стадо диких оленей постепенно освобождалось от домашних, которые не обогащали промысловую фауну, а отставали и терялись. Прирученный северный олень — результат труда сотен поколений кочевых таежных оленеводов и охотников, и без человека он существовать не мог. В давние времена сложилась кочевая форма таежного оленеводства, которая являлась основным источником существования в труднодоступных и малонаселенных Саянских горах. Развитие оленеводства — главное условие сохранения традиционного образа жизни коренных обитателей. Таежное оленеводство невозможно измерить и оценить в деньгах, с оленем связана мудрая философия жизни, миропонимание, увлекающие за собой кочевой народ в будущее. Не случайно в переводе с древнего языка очень лаконичное слово «олень» значит «Дух, дающий жизнь».

ДУХ ОХОТЫ

Поверье о Прекрасном изюбре ходило издавна в Саянских горах среди кочевых таежных оленеводов и охотников-промысловиков. Его изображение красовалось на наскальных рисунках, выбитых на каменных полотнах счастья и удачи таежниками в сценах охоты в глубокой древности. Могучий и грациозный, с золотыми рогами, он покорял сердца очевидцев. Никто не мог его ни ранить, ни остановить. Рассказывали, что тот, кто сможет изловить его, обретет несметные богатства и славу на всю свою жизнь. Не знающий усталости Благородный изюбрь преследующих, желающих найти и поймать его приводил в прекрасный сказочный мир общения с Духом охоты или изматывал и губил.

В своем родовом урочище таежник бесхитростно охотился на диких оленей ради пропитания, а другие залетные звероловы охотились ради трофеев в виде рогов и шкуры. Мясо оленя таежник употреблял в пищу, считая его очень вкусным, а алчные заезжие охотники просто вешали рога в своих охотничьих дачах, перед друзьями отвагой погордиться. Таежник охотился

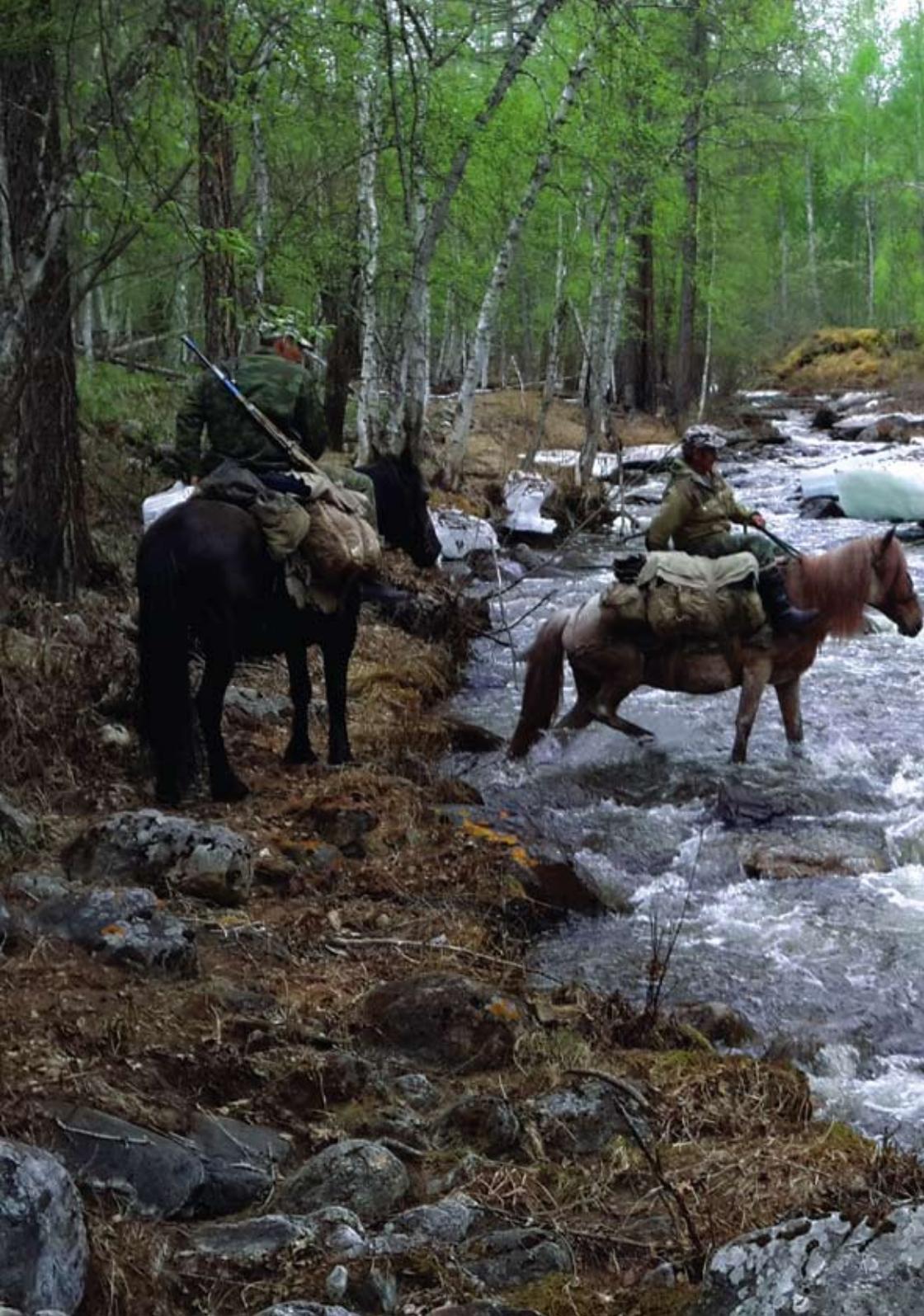
на оленей разными способами и в разное время года с собакой, с манком, на солонцах и с подхода.

Очищал площадку, делал углубление в поваленном стволе дерева и заливал его водой с солью. Недалеко в скраде ждал прихода диких оленей на солонцы.

Во время гона оленей, когда самцы находились в поисках самок, и таежник охотился, пробираясь по заваленному деревьями распадку по направлению раздавшегося рева и при помощи берестяной трубы ревел в нее. Звук трубы был по тону выше, чем рев оленя. Не пугая самца выходить на поединок, ведь чем ниже рев, тем сильнее самец. Сидя в засидке после первого свиста, олень не убежал, подманивал еще раз. Возбуждаясь, ломая рогами кустарники и молодые деревья, олень подходил на свист. С диким ревом делал точки, разгребая копытами землю, собираясь защищать своих подруг от посягательства молодых самцов. Изюбр принимал таежника за соперника и не убегал. Иногда на реву натывался на медведя, который так же, как и таежник, скрадывал изюбра, в пылу любовных схваток теряющего осторожность. Иногда встречал стаю волков, которые окружали в брачный период ревущего быка и охотились на него.

Не браконьерствовал на снегоходах. На них добирался на место охоты, но не загонял животных зимой в глубокий рыхлый снег и по некрепкому насту. Если встречал в нескольких шагах олененка, абсолютно беспомощного, который между коромежками не убегал от опасности, а в зарослях, затаившись, ждал маму, проходил мимо. Охоту на оленя таежник не считал развлечением, не брал от тайги лишнего и не добывал более

двух изюбрей в год, несмотря на то, что охота — это единственное, за счет чего могли в далеких Саянских горах люди выжить в течение многих суровых дней.

Таежник, если чувствовал, что способен очистить и открыть свое сердце, говорил с Духом охоты, чтобы он не отвернулся. Никогда не хвастался добычей, помогал чем мог беднякам и сиротам, не нарушал обычаев предков. Остерегался внезапно упавшей с неба играющей удачи, считая, что ничего человеку

не дается даром. Терпеливо изучал повадки животного, просил разрешения у Духа, чтобы он пустил его на охоту с подхода. Эта охота требовала большой внимательности таежника. Опытный следопыт осторожно выслеживал и подкрадывался к оленю против ветра, чтобы он не почувствовал человека и не убежал. Любил охотиться в местах горных перевалов или перемычки леса. Мог сидеть в засаде часами, ожидая близкого приближения чуткого и быстрого зверя. Испуганный олень никогда не возвращался на обычное место. Этот вид охоты для таежника был наиболее сложным. Охота требовала от таежника быть в хорошей физической форме и уметь хорошо ориентироваться на труднодоступной местности. С подхода всегда охотился в одиночку, без собаки и при свете. Такой вид охоты позволял

остаться со зверем один на один и слиться с чистым сердцем с первозданной природой.

Благородный изюбрь подошел к месту засады таежника на небольшое расстояние. Прекрасный и сильный зверь вышел на мыс и заслонил Луну. Стало очень темно, и вечер превратился в кромешную ночь. Луна заметила охотившегося с подхода таежника и покровительственно окрасила изюбря в незаметные оттенки на фоне горной растительности. Но таежник слышал, как долго наполнял себе живот сочной травой, листьями смородины и осины олень, становился тяжелым. Олень ел медленно, жевал долго, и зубы его в это время гремели, привлекая хищников. Олень кормился и замирал, если поднимал голову или начинал прислушиваться, оглядывался и смотрел по сторонам. Любой шорох мог спугнуть животное. Он досыта наелся, не готов был быстро и долго бежать и оказался в страшной опасности.

Против ветра волки терпеливо подкрадывались и дожидались оленя, прячась за деревья, камни и утесы. Опытный вожак кинулся в стремительном прыжке к оленю первым. Острыми клыками слегка ранил оленя и отскочил, пропустив вперед молодых волчат. Первый волчонок пошел на разведку и угодил в стальную петлю браконьера. Молодые волчата подобрались ближе и кинулись на оленя. Сильный бык отбивался, но, легко раненный, побежал вверх, в гору. Отсекая оленя от спасительного озера и загоняя его в каменные россыпи к обрыву, второй молодой волчонок, увлекшись охотой, угодил в старую ловчую яму у заброшенных солонцов.

Спасаясь от стаи волков, обучающих молодых волчат охоте, олень заскочил на скалу, с трех сторон отвесно обрывающуюся в ущелье, недоступную для хищников, и осмотрелся. С четвертой стороны олень мог легко отбиваться от молодых волков копытами и рогами. Волки в ожидании ошибки оленя держали его на отстое — небольшой площадке на скалистом обрыве с опасными камнепадами. Третий волчонок старался помериться силами с нервным оленем, в котором проснулась агрессия. Они не играли, а устроили между собой потасовку, мерялись силами. Мощный олень давал отпор. Он приподнимался на задние ноги и бил волчонка передними ногами. Жертвой этого поедин-

ка мог быть не олень, а в необдуманной спешке нападающий молодой волчонок.

Не имея возможности достать жертву, волки решили караулить обреченное животное в тупике, пока оно не потеряет от раны силы и не свалится со скалы. Четвертый молодой волчонок, в первый раз принявший участие в охоте, азартно кинулся на скалу по узкому скальному гребню, терраскам и попал под

камнепад. Волчья семья вновь бросилась на штурм отстоя. Камнепад усилился, и волки отошли без крови, оставив оленя в покое. Истощенный борьбой, с изодранной шерстью, прихрамывая, еле живой третий волчонок бесславно отползал назад и увидел таежника, следящего за волчьей охотой. Над горой раз-

давался жалобный волчий вой, говоривший, что волки еще не сильней таежных людей и оленей. Задыхался в петле приткий разведчик-волчонок. Плакал придавленный случайно упавшими камнями азартный волчонок, потерявший осторожность, зывал о помощи. Яма у отстоя была старая, и горячность волчка накололась на колья. Изнемогая от страшной боли и обиды, не имея силы освободиться, тихо лежал под камнями страстно запальчивый волчонок. Зализывал раны яростный волчонок. Оставить раненых и беспомощных волчат на подкормку росомахе, медведю или другим хищникам считал таежник большой постыдностью.

Красивое животное твердо стояло на скале с гордо вскинутой головой, на которой раскинулись ветвистые рога. В горделивой осанке этого зверя угадывались мощь и непокорный нрав. Он смело противостоял волчьим клыкам и никого не боялся. Волки не решались повторно атаковать. Обладая огромной силой, раненый изюбрь мог покалечить не только волчат.

Эмоционально воодушевленный борьбой таежник вспомнил предание древних предков, считающих, что души почитаемых зверей вечны и, добывая животных, надо сохранять их. Он почувствовал, что покровитель Дух охоты уравнивал этот поединок и благополучно сохранял всем жизнь. С бешеным стуком сердца и любопытством таежник осторожно прошел мимо волчьей стаи и стоящего на отстое изюбря к придавленному

камнями волчонку. Бедный молодой зверь притих и смотрел на него глазами, наполненными слезами. Таежник поднял камни и освободил неопытного волчонка. Подошел к ловчей яме с кольями и вытащил перепуганного волчонка. По хрипу нашел и успокоил оскалившегося волчонка и снял с мордочки стальной трос петли. Счастливые волчата уползли к родной стае.

Для молодых волчат первый урок охоты на осторожность и терпение закончился. В волчьей семье старый вожак решил сделать вынужденное перемирие, чтобы все были целы и невредимы. Волки вместе с прихрамывающими, но крепкими на раны молодыми волчатами уходили охотиться на серебристо-серую луну. Полная луна для волков всегда была любимым

лакомством. И только когда от луны остается лишь тоненький огрызок, они начнут вновь охоту на благородного изюбря.

Раненый олень осторожно спустился с отстоя, пробежал по узкому мысу и нарочно переплыл бурный ручей и Оленье озеро, для того чтобы скрыть свой след. Изнемогая от боли, он много пил воды. Таежник осмотрел след, не забрасывал ли зверь ногу в сторону, ровно ли бежал и не сбивался ли с бега. Все признаки показывали, что зверь легко и неопасно ранен. Таежник и волки оставили раненого оленя в покое и не пугали. Олень далеко не ушел, а откочевывал, вяло отбиваясь от мошки и комаров. Забился в лесную чащу, где отсыпался на лежке в укрытии, пока волчьи раны не затянулись.

Таежник по обычаю стариков ленточкой отметил это особенно счастливое место и возвратился к своим одомашненным северным оленям на родное стойбище у горы с наскальными росписями на камнях счастья и удачи со сценами охоты на красавца изюбря. С каждым шагом больше было желание похвастать своей добычей перед охотниками глубокой древности, и тем сильнее он чувствовал угрызения совести. Сильно хотелось гармонии первозданной природы, но есть-то еще больше хотелось. Зная правила и границы охоты, он не посмел создать опасности и надеялся, что звери в его урочище будут долго настоящим украшением дикой природы. Совесть и тщеславие не совмещались в огромном сердце таежника. Выбрал таежник чистую совесть и освободил изюбря и волчат, чтобы тщеславие не пленило его сердце на всю жизнь и не мешало разговаривать с Духом охоты Восточного Саяна.

СОБОЛИНЫЙ ХОЗЯИН

Показался краешек красного солнца, и порозовела небесная тундра, снег на вершинах гор и огромные кедры по берегам каменистых рек. Карликовые березки, багульник по берегам холодных озер и моховых болот окрасились перламутром. Кочевые таежные оленеводы со стойбища на хребте Хан-Бургут сидели у огня костерка и слушали кочующего с ездовыми и выючными оленями гостя. Бродяга рассказывал об отважных таежниках, победивших бурю, о добрых медведях, об оленеводах, наперед думающих об оленях, а потом о себе. Говорил про повадки животных, маскировку своих следов и охотничью удачу. Братишку медведя за добычу не считал, а любил рассказывать про соболиную охоту.

На самой высокой горе, среди камней и скал в горной тундре летом с оленями кочевал таежник. По первому снегу он спускался с гор в тайгу к Соболиному озеру на желанную охоту, которая требовала большей выносливости. Соболиная охота была непредсказуема, и удача не всегда сопутствовала добытчику. Некоторые зверьки доставались легко, на других таежник

тратил несколько дней и вынужденно ночевал у костра. Основной доход таежник получал от пушнины, добытой с помощью оленей и собаки. Урожай кедровой шишки и ореха бывали не часто. Шквалистый ветер, обильные ливни во время цветения и завязи кедра стали причин неурожая ореха, а возможно, таежник брал с тайги лишнее. В голодное время оседлый зверек соболь стал вести кочевой образ жизни. Олени старели, слабели, выбивались из сил, становились добычей росомех. Таежник огорчился, ленился, долго спал и перестал встречать рассветы.

Волк разогнал последних быков и матух стада оленей от родного стойбища, и пошел таежник один искать соболя. Спускался в тайгу и в горы поднимался. Скалы громоздились одна на другую, разъезжался снег, и камни под ногами качались. Проходил таежник речки, бурливые, как кипяток, с холодной водой под снегом, льдом валуны

покрывающие. Прошел до высокой сопки с густым кедровым лесом. Ветки могучих кедров друг с другом переплетались. Сквозь кедры пробираясь, искал соболиную ходовую сбежку. Таежник ловушки для зверя делать умел. В пихтовом отваре кипятил капканы, чтобы они впитали в себя этот лесной запах. Руки натирал пихтовыми ветками и устанавливал ловушки в след и под снег, где наряду со свежими следами зверьков часто встречались старые. Отыскивая сбежки, таежник не подходил близко к следам зверька. Хитрый соболь обнаружил таежника и водил долго, кружил, колесил, след запутал и ушел за холодные горы. Охотничья удача отвернулась от таежника. В другие места он ходил соболевать, не было в тайге соболя.

Вспомнил таежник о преданиях старожилов, что в небесной тундре обитает смелый и ловкий зверек, очень мудрый соболь,

всем соболям соболь, с золотым пушистым, густым мехом — Соболиный хозяин. Рассказывали о нем много, видели его редко. Узнавали его, когда зверь мелькал в небе по верхушкам кедров, как будто золотая искра.

Пришел в одиночку таежник в горную тундру с лежащими на ней облаками, будто снег, деливший мир физический и духовный. На Рассвет небесной тундры таежник поклонился, чтобы удача была, и сделал из прутьев карликовой березки три фигурки соболя: самца, самку и детеныша. Просил, что-

бы, сколько ни добывали зверя, он не выводился, а, наоборот, размножался. Кочевал таежник по небесной тундре в поисках Соболиного хозяина и звезды считал.

— Много звезд на небе, — думал вслух таежник. — Вот бы в саянскую тайгу столько соболей привести.

— Звездочка к счастью упала, — сказала небесная тундра. — Старая примета к удаче.

Счастье само в руки не дается, чтобы его не упустить, старался таежник увидеть в Рассвете чудо. Звезда, приближаясь из света Рассвета, принимала черты большого соболя, блестящего и черного, как уголь, быстрого, как буря, — самого Соболиного хозяина. Следом за ним вприпрыжку, друг друга обгоняя, бежали золотистые соболя и серебристые.

Чтобы помощь пришла, таежник благодарил, задабривал и осыпал золотой пылью и сердечной радостью Соболиного хозяина. Говорил ласковые слова и преподносил кедровые орешки. Рассказал, что по глупости и недоразумению нарушил поверье для сохранения и приобретения охотничьей удачи, ушли соболя из тайги, и остался он без добычи.

— Соболиный хозяин, будь благосклонен и мудр, — просил таежник. — Дай совет, как соболей в саянскую тайгу вернуть.

— Почитай и наблюдай за жизнью самих животных и природой. Про соболя нельзя плохо говорить, говори только хорошее. Признай за животными понимание человеческого языка, сходный образ жизни. Соболю не поддается приручению. Без необходимости не трогай соболиный род, никакого зла не причиняй. Поверь в возрождение добытых зверей, — ответил Соболиный хозяин. — Соболю в тайгу вернется, новых соболей приведет. Соболю, которого ты добыл, не просто кусок мяса и пушнины. Зверь добровольно отдал свою жизнь и тело тебе для прокорма и одежды. Поэтому он является дорогим гостем среди людей, его нужно всячески ублажать, чтобы он простил людей и примирился с ними. После обряда хранения шкуры зверь вновь обрастет мясом и шкурой и возродится.

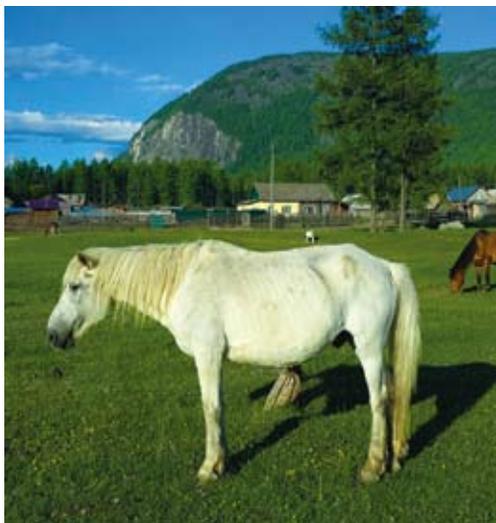
Внимательно слушал таежник мудрые многочисленные правила, приметы, запреты и чисто практические обряды для со-

блюдения охотничьей чистоты, связанные с почитанием животных и одушевлением природы.

— Почитай самого покровителя охоты во время промысла. У Духа охоты хороший слух, он любит тишину. Старайся не говорить о добыче, чтобы он не услышал, — учил Соболиный хозяин. — Собирайся на охоту без шума. Орудия промысла и одежду очищай огнем и окуривай дымом можжевельника. Брось кусочек пищи в костер при первой ночевке в тайге. Пере-

ходишь в новое стойбище — обязательно возьми уголек из старого очага и, разведя новый огонь, проси даровать удачу. Не плюй в костер, не заливай его водой, проявляется неуважительное отношение к Духу огня. Устанавливай котелок над огнем только после того, как к костру брошен добытый обед. Выражай радость при виде добытого соболя, но не ешь сердце,

печень, бери только мясо, дымом окуривая. Положи кости в дупло, приговаривая: «Пошли еще такого». Приступай снимать шубу, повернув мордочкой к огню костра на рассвет, ожидая возможность его перевоплощения.

Соболиный хозяин подарил таежнику Золотистого соболя и Серебристого соболя для верной и преданной службы. Соболиный хозяин сверху, с неба, поспособствовал размножению зверей, мех которых самый дорогой в мире, и удача всегда сопутствовала добытчику.

— Почитай неприкосновенных птиц, считающихся помощниками добычи оленьих душ, добычи охотничьей удачи и здоровья, — учил Соболиный хозяин. — Птицы оберегают оленьи стада от хищников, первыми замечая опасность. Разыскивают животных во время промысла, выдавая их своими криками.

Поблагодарил таежник Соболиного хозяина и вернулся в горную тундру соблюдать охотничьи обряды, запреты и правила во время промысла. Видение окружающей тайги у таежника стало истинным, упорный и настойчивый, он поверил в неизбежность удачи.

Золотистый соболь, пушной зверь, на охоте падал с неба, и сердце его улетало обратно на небо, он наращивал новое мясо и новую шубу и опять возвращался к гостеприимному охотнику. Выводил Золотистый соболь на хороший, крепкий наст, на

котором соболиных следов было видимо-невидимо. Сердце таежника разгоралось от азарта и радости. Чисто соболь, шкура у него золотистая, сама удача. Золотистый соболь оленей на стойбище предупреждал, чтобы от волка откочевали. Давал добыть в меру и сердце хранил от произвола и жадности. Если таежник в браконьерском капкане находил пойманного соболя и видел, что смотрел он испуганно, смиренно и умоляюще, брал в руки дрожащего беднягу и согревал за пазухой, где зверек успокаивался. В уютном чуме быстро привыкающего к заботе зверька кормил сухим беличьим мясом.

— Лучше одного соболя спасти или своими руками вырастить, — подумал вслух таежник, — чем глупо мечтать о богатстве.

В охотничьем чуме таежник сидел, от костерка обогревался, а около самого чума свежий следок соболиный заметил.

Разумный Золотистый соболь с Серебристой подругой прошли и поделились радостью, когда таежник сны видел. Впервые в Саянах получен большой приплод щенков. В убежище, застланном мхом и сухой травой, родились маленькие соболята — беспомощные, слепые и глухие. Малыши, темно-бурые соболята, в глубокой норе копошились и урчали, а окрепнув, играли в каменных россыпях, в зарослях стланика, в кронах деревьев и резвились целыми днями. Купались в горных речках. Им не скучно на дерево было взбираться и сквозь заросли багульника пробираться, от рыси петлять наутек. Отлично ориентировались под снегом, широкими лапками рыли норы — подходы к своим убежищам. Соболята вместе играли и охотились с Серебристым соболем, передвигаясь прыжками по снегу, не проваливаясь. Сами не добывали любимые кедровые орешки, а искали и использовали запасы других животных. Найдя дупло с очень вкусным пчелиным медом и пчел, зимующих в сотах, лакомились содержимым. Надевая теплые шкурки, соболята становились зимними, красивыми.

Многое зависело от отношения таежника к этому чуткому, понятливому зверьку. Соболята устраивали себе гнездо в корнях кедра рядом с чумом таежника. Охотничьи собаки гнездо не трогали. К небесному Соболиному хозяину обращал свои просьбы о ниспослании удачной охоты таежник. Больше был доволен Соболиный хозяин, и удача сопровождала таежника.

Долго охотился таежник. Сколько саянского соболя ни добудет, а его в тайге все не убывает. Небо на свое место стало, а Соболиный хозяин из Рассвета на землю так и не спустился. Его сбежки на небе ночью хорошо видел таежник, среди мерцающих звездочек они тянулись. По-разному таежники называли эти следы, а старожилы говорили: это Барбитай, тропинка Соболиного хозяина, где кедр обильно плодоносит.

ДОБРЫЙ ДУХ ОЛЕНЕЙ

Через пелену тумана, алою зарею догоняя рассвет, в путешествиях открываем мы для себя Сибирь. Знакомимся с уникальными уголками родного края и рассказываем друзьям, что высоко в горах живут мало кому известные таежные оленеводы, ведущие уединенный образ жизни, кочуя на северных склонах Восточного Саяна.

Рядом с таежниками живет в прирученном состоянии северный олень из редкой популяции лесного подвида. Это самый крупный олень в мире, и на нем ездят верхом по тропам, ручьям, каменным россыпям, моховым болотам и снегу при охоте на соболя или медведя. Охотник берет с собой трех верховых оленей-быков — на одном едет, два других везут припасы. На промысле зимою олень очень неприхотлив в питании подножным кормом. Если нет ягеля, таежник валит старый кедр, обросший вкусным бородастым лишайником. Чтобы не повредить спину животного, таежник садится ближе к шее. Ежедневно меняет оленя, давая каждому оленю таким образом двухдневную передышку. В охотничьем уголье спутывает двух оленей, а

на одном промышляет соболя. На второй день седлает другого оленя. На третий день на работу становится третий олень для осмотра широко разбросанных по тайге ловушек. Животные падутся без человека, периодически подходя к стойбищу, и уход за ним выражается лишь в угощении каменной солью и охране от хищников. Живут северные олени около двадцати пяти лет. Слабеющие животные, выбившиеся из сил, становятся добычей росомах и волчьих стай. Без человека домашний олень быстро дичает, и часто самцы дикого оленя отбивают важенок.

В горах Восточного Саяна проживают самые южные в мире таежные кочевые оленеводы. Они тысячелетиями занимались привычным видом деятельности — оленеводством, и оно помогало беречь их уникальную таежную культуру и самосознание. Образ жизни кочевников целиком зависел от северных оленей. Олень для них был и средством передвижения по труднопроходимой тайге, друг и помощник во всем,

кроме того, молоко оленя было одним из основных пищевых продуктов. В XX веке, оставив кочевой образ жизни и частично став оседлыми, таежники не утратили навыки традиционных видов деятельности. В полной различных неожиданностей тайге даже современная техника не заменяет выносливого, неприхотливого оленя во время охоты. Поэтому круглый год кочуют таежные оленеводы вслед за своими вездеходами-оленьями. Основной доход таежные оленеводы получают не от продажи мяса, а от охотничьей продукции, в основном пушнины, добытой с помощью оленей.

Чувства свои не выставляя напоказ, таежный оленевод счастлив тем, что является продолжателем древних традиций предков. Талантливые мастера, обладающие тонкими секретами, шьют прекрасные сувениры и амулеты, с которыми участвуют

в выставках. Прекрасно готовят разные вкусные блюда. С оленем связана философия жизни, многогранное миропонимание. Они познали радость трудной жизни в таких суровых условиях гор, в которых не выживают городские люди, влюбленные золотые самородки, к блеску которых таежники равнодушны. Живут таежники так, как желает сердце, занимаются любимым делом — оленеводством, охотой, собирают травы в таежном пространстве, которое и обживают.

— Ребенком, я был очень счастлив. Дедушка брал меня кочевать за оленьим стадом и обучал премудростям ухода за молодняком. Я видел первозданную природу, чувствовал жизнь тайги, и для меня это все было незабываемым. Добрый Дух всегда приходил на помощь в облике оленя. Это счастье в сердце сохраняется всю жизнь,

— сказал юный оленевод. — Легенда о создании мира гласит, что Небесная птица Черный гусь создала сначала оленя, затем человека. Солнце-олень — предок людей. Для таежников олень был всегда солнечным символом первоосновы жизни. Я хочу кочевать в горах, развивать свое дело, разводить оленей и чувствовать себя счастливым. Мечтаю успешно провести отелы, наращивать поголовье и открыть кочевую школу для туристов, чтобы городские жители гармонично вписывались в оленеводческую культуру и таежный образ жизни. В отпуске вместе с нами дышали целебным горным воздухом с кедровым ароматом, встречали восход золотого солнца в цветных ленточках, украшающих чум, наслаждались цветением всех видов горного багульника и пили чай с оленьим молоком. Здесь есть все условия для организации баз отдыха, туристических маршрутов, развлекательных мероприятий для семейного досуга. Дети очень любят оленей и с восторгом на них катаются. У них добрые сердца, и они верят в чудеса. На горных перевалах у

жилища Духа, жизнь дающего, мы от сердца чистого попросим здоровья и счастья себе и туристам, удачи в новых начинаниях и поблагодарим за все то, что есть хорошего в жизни.

Сегодня таежники получили хорошее образование, повернулись лицом к цивилизации и идут в ногу со временем, но не перестают держаться за традиционный образ жизни в бесконечном поиске передвижений по горам. Могут довольствоваться малым и быть при этом счастливыми. Потому что для

потомственных таежников, укутавшись туманом, в камнях шумит ручей олений — это основа есть, как бы духовное начало. В России олени пастбища составляют двадцать процентов всей площади страны. Оленеводство подразделяется на два вида: таежное и тундровое. В тундре летом олени пасутся на берегах северных морей, а зимой в лесотундре. Таежное оленеводство существенно отличается. Сохранится рядом с таежниками в прирученном состоянии северный олень из редкой популяции лесного подвида, находящийся на грани исчезновения и занесенный в Красную книгу? Уцелеют элементы традиционного образа жизни таежных кочевых оленеводов, охотников и собирателей лекарственных трав в стремительно развивающемся мире, где роботы вытесняют человека, а многие знания, навыки, технологии и оборудование быстро устаревают?

В мире осталось мало уголков, не тронутых глобализацией. Таежное оленеводство — одна из самых редких профессий. В прошлом таежные оленеводы кочевали не только летом в острые вершины Саян к каменным гнездам выюг, где в это время олени меньше страдают от комаров и оводов, а осенью обратно перекачывают в тайгу на пушной промысел. Древние оленеводы знали охотничьи тропы, переходы через перевалы,

ведущие за белые горы. Они кочевали на значительные территории, оставляя пирамидки, стоянки, наскальные рисунки, обычаи, сказки и мифы, эти знаки тепла заботливых сердец. Одушевляя живую и неживую природу, таежные люди понимали, чем возмещать тайге за счастье, которым она наделяла их каждую секунду и влияла на судьбы. Это не случайно, они всю свою жизнь проводили в трудах, ничего не требуя взамен. Простота в общении, благородство души, доброта и мужество, бережное отношение к тайге и ее обитателям, забота о будущих поколениях — главные черты характера, которыми наделены таежные оленеводы.

— Незримо ходило-бродило кочевое бездомное Счастье по горной и небесной тундре и случайно встретило на запутанных тропинках унылых таежников. Грустные таежники верить

в счастье перестали, холодно было цветам ночами. На горном перевале у жилища Духов обернулось Счастье Солнышком, отступили ненастья, и сердца таежников согрелись. На стойбище, покрытом осенним туманом, обернулось Счастье теплым дымом от костров и подарило им мудрое участие, внимание и терпенье. На путеводной тропинке, что вела в трясину топкого болота, обернулось Счастье надеждою, таежники запрыгали от радости, любовь в их сердцах поселилась, тундра заблистала красотой багульника. В тайге обернулось Счастье охотничьей удачей, и пушной промысел удавался. В горной тундре обернулось Счастье оленями, в заботах об оленятах забыли таежники о лени. В цветных ленточках оберну-

лось Счастье мыслями, и таежники сочинили мифы, объясняя устройство мира, и нашли в нем свое место. В узелках амулетов обернулось Счастье верою, и обереги стали охранниками сердца. В морозы Счастье согревало своим дыханием через вечность. В глаза смотрело отражением, весь мир заставляя любить в этой земной светотени. Моля и заклиная, сердце обнажало, по луне угадывая судьбу. Ощупью уходило навсегда своей тропинкой, но на оклик возвращалось, — объяснял старейший таежник сюжет, передаваемый из поколения в поколение. — Подруженька Счастье ниточкой судьбы привязалась и осталась кочевать с таежными оленеводами.

Лошади, вездеходы, вертолеты необходимы в горах, но они берут на себя только небольшую часть полезных функций, выполняемых в хозяйстве северным оленем, поэтому отказ от использования этих животных как культурных завоеваний человечества ничем не оправдан. На создание условий для дальнейшего развития уникальности таежного оленеводства влияют развивающиеся экологически безопасные виды туризма. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Обучается коренное население основам туристического бизнеса, что обеспе-

чивает занятость населения, создает стимул для возрождения народных промыслов, что, в свою очередь, позволяет сохранить традиционную культуру. Каждые четыре года у оленеводов мира проводится Всемирный конгресс оленеводов. На этой площадке оленеводы поставили задачу: признать в ЮНЕСКО таежное оленеводство шедевром нематериального наследия человечества.

В настоящее время олений век, не уступая место технике, продолжается. Одомашненные животные играют в таежном хозяйстве сложную многостороннюю роль, очень ценную именно в местных условиях. Тесная связь между человеком и животным миром, возможно, наилучшим образом выражена в этих

взаимоотношениях, ведь домашнее оленеводство имеет древние корни. Дикий вид северного оленя широко распространен по тундровой и таежной полосам. Одомашнивание северного оленя впервые имело место в Саянских горах. Тысячи лет назад за соль олень пошел работать рядом с человеком. Народы Сибири отсюда перевезли прирученного оленя и его мифы в районы Крайнего Севера и Америку. Традиционные формы таежного оленеводства оказались очень устойчивы, как органичный способ природопользования хрупкими горными экосистемами на основе опыта, накопленного многими поколениями людей.

— Мы — люди Солнце-оленья. Нельзя костер затеплить без огнива и пустой чум обогреть запахом холодного дыма, — свидетельствует старожил. — Добрый дух оленей — основа жизни в горах, он приносит людям счастье.

ЛЕНТЫ СЧАСТЬЯ НА ДЕРЕВЕ ДРУЖБЫ

Все желающие узнать больше о своей стране, в нарядных народных костюмах из более 30 регионов Российской Федерации собрались вместе и загадали желание у магического Дерева Дружбы в центре Москвы. По старинным преданиям об истоках веры, людскими заветными желаниями занимаются добрые духи, живущие среди ветвей этого дерева. Ствол дерева дружбы невозможно обхватить, но возможно сливаясь с природой в волшебный миг к чудодействующим ветвям дерева привязать цветные ленточки счастья. Ленты-лоскутки пяти цветов привязывали к дереву: синий — цвет неба без края, зеленый — цвет земли, алый — цвет огня, желтый — цвет солнца и белый — цвет чистоты. Повязывая их, люди, следуя древнему обычаю, желали здоровья и счастья, прежде всего, всем людям нашей необъятной страны, а уж затем — просили что-то для себя. В надежде на исполнение своих самых заветных желаний, прежде чем что-то желать, каждый участник фестиваля стремился стать достойным желаемого.

Вокруг светлого Дерева Дружбы с энергией веры расположились гостеприимные жилища всех народов России. Жилище — это частица мира и отражение души того, кто в нем живет. В открытых и хлебосольных обиталищах ждущих гостей из немыслимой дали, все имело свое мудрое значение. Над очагом вились седые ленты с запахом сладкого дыма, танцевали се-

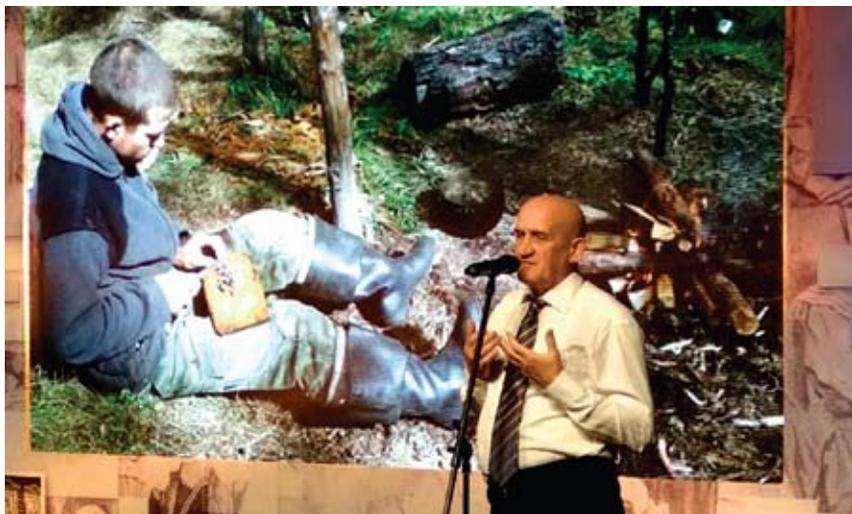
верные Духи диких трав и тотемного огня. Праздниками и обрядами, играми и плясками по кругу, камланиями и заклинаниями, промыслами и ремеслами, под зов флейт и бой бубнов отмеряющих время, люди озвучивали мысли веков в свете костра. «Душа России — это ее люди!» — под таким девизом в этом году в Москве открылся III Фестиваль Русского географического общества, посвященный единству и многообразию народов, которые проживают в разных климатических и географических условиях на территории нашей страны. На протяжении тысячелетий жители нашей страны

росли и развивались в согласии друг с другом, глядя в мечты. На открытии фестиваля президент Русского географического общества Сергей Шойгу подчеркнул, что «нам бы хотелось, чтобы те традиции, которые были заложены веками у народов России, сохранялись».

Меня и моих земляков Сергея Николаевича и Бориса Николаевича Роленковых пригласили в Центральный дом художника на масштабный проект III Фестиваля Русского географического общества. На центральной площадке фестиваля мы читали про-

светительские лекции и показали документы об экспедиции 2017 года в труднодоступные горные районы Восточных Саян. В атмосфере праздника дружбы и взаимоуважения представителей всех районов нашей страны знакомили участников и гостей фестиваля с универсальным культурным наследием территории, бытом, образом жизни и менталитетом, традициями и обычаями кочевых таежных оленеводов и охотников, проживающих в Тофаларии — историко-культурном регионе в центральной

части Восточных Саян. Множество ярких неповторимых фактов для ценителей таежных приключений и тонких ценителей сибирской экзотики приоткрыли. Гости фестиваля окунулись в атмосферу сибирских первопроходцев и почувствовали особую энергетику, наслаждаясь преданиями о добром Духе оленей и завораживающими горными ландшафтами. Побывав в уникальных уголках Саянских гор, я повествовал, сплетая причудливое полотно странствий. Пылко и поэтически говорили о загадочной тайге, гранях белых вершин и бесконечных хребтах с ощущением полной нереальности окружения, о неприступных горных массивах и водопадах, о руинах древних цивилизаций на стародавних тропинках и легендарных очаровательных стадах прирученных Северных оленей кочующих с таежными оленеводами. Калейдоскоп описания Тофаларии в наших рассказах

был таинственно красив, через мгновение — открывался другой мир с фантастическими красками, через новое слов — другие чувства переполняли воодушевленные сердца эмоциями. Чувствительный сказ приоткрыл завесу малоизвестных секретов, незнакомых легенд уставших скитаться и блуждать по краю вселенной в поисках своих друзей. Поведали мы о заповедных словах и радостных Духах сохраняющих предания и поверья, что остались от предков кочевых таежных людей с широкой душой, очень радушных и за собой увлекающих планету.

В макушке Дерева Дружбы притаился Дух Славы, а Доброта приникла в кору его ветвей. Ритм выступлений участников фестиваля на ветвях Дерева Дружбы радугу цветных ленточек развивал. На площадках фестиваля скитающиеся по подлунному миру путешественники завязывали узлы на лентах и представляли результаты лучших экспедиций — от всеобъемлющих исследовательских проектов до школьных походов. Мой просветительский проект экспедиции в уникальный уголок, не затронутый современной цивилизацией, сочетал истоки и традиции Саян прошедшие сквозь эпохи и века, занял важное место в формировании здорового социального климата, созидал духовную и социально-нравственную основу, воспитывал самые лучшие черты человеческой личности. Каждый желающий имел возможность совместить теорию с практикой

и параллельно посмотреть многочисленные фотографии, экспонаты и познакомиться с книгой о путешествиях. Любители книг, знающие в них толк, приняли участие в круглом столе, конкурсе о Тофаларии. Победители получили хороший подарок интересную книгу «Ленточки странствий» с дарственной авторской надписью.

Экспозиции фестиваля были построены по принципу природных зон: Арктика и тундра, степи и субтропики, горы, леса, океаны, моря и реки. Благодаря этому посетители смогли оказаться в той точке России, где еще не успели побывать. Наша страна обильна и щедра не только природными сокровищами — Россия ценна и крепка, прежде всего, народным разнообразием, составляющая мозаику единой семьи нашей Родины, богатейшую в мире.

В России проживает более 190 народов с общей историей и уникальными традициями. Все мы проживаем на пространстве многонациональной Российской Федерации, однако это не исключает уникальность этнокультурного развития каждого народа. В каждой природной зоне были размещены жилища, характерные для народов, проживающих там. В степи — юрта и верблюды, в горах — сакля, в лесах — изба и лошади, в Арктике — яранга, в тундре — чум и олени, в тайге — зимник. В нашей стране насчитывается более 20 видов традиционных жилищ зависящих от особенности географического положения, способа хозяйствования и образа жизни. Охотники имели зимовье, размещенные на промысловых угодьях. Оленеводы использовали чум, юрту, балаган, ярангу и иглу, как укрытие, защищающее от непогоды и место уединения и отдыха. Переносные кибитки и шатры для кочевников лучший кров в мире. Иглу создавалось из ледяных блоков пропускающих свет Полярных зорь. Безопасная от ураганов и пожаров таежная землянка, хорошо со-

храняла постоянную температуру при морозах и в жару. Оседлые земледельцы строили хаты и избы теплом одаривающие в неповторимых хуторах, деревнях и селах. Любые невзгоды и длительные путешествия переносились легче, когда усталый путник знал, что в мире есть место, где можно укрыться и где его любят и ждут.

В рамках фестиваля был реализован интересный интерактивный проект «Народная карта», где желающие отмечали место России, которое особенно сердцу дорого и мечтали его посетить. Роленков Борис Николаевич отметил с детства знакомую родовую деревню Усть-Када, Куйтунского района, Иркутской области. Эта основанная казаками деревня расположена на высоком берегу студеной реки Ока Саянская и устье прохладной речки Кадинка. В Усть-Каде покойно и неторопливо течет жизнь с уникальным укладом, живыми традициями, богатой историей. Здесь волшебная природа и живут замечательные люди. Они работают, строят крепкие дома, растят детей, катаются на лодках и мастерят. Каждый год снимают богатый урожай

картофеля, лука, овощей и заготавливают дрова и ягоды. Здесь проплывающая облака, купаются в речной глади зеркала чудесно разлитого среди цветочных полей. Вспоминая с теплом о милой деревне под прозрачной глубиной бездонного неба, Борис Николаевич Роленков с восторгом удостоил старинную сибирскую деревню Усть-Када на «Народной карте» звания «Самая красивая деревня». Местные жители и умиленные странники всегда называли эти широкие деревенские просторы у стрелки рек с чистой водой «Сибирская Швейцария».

На «Народной карте» я отметил оленеводческое стойбище в истоке золотоносной реки Хайлама на вершинах Восточных Саян. Мечтателям посетить удивительные горы рассказал о достопримечательностях и неповторимости этой блистающей кромки звездного неба и белоснежного ледника.

Наблюдая точки восхода стоящего солнца, по крутой тропинке огибая седые камни на выючных оленях, посетители фестиваля заглядывали в гости в Тофаларию. Экскурсанты видели уникальные водопады и озера, преодолевали перевалы и броды, прогуливались по краешку каньона и посещали кочевые пристанища охотничьих угодий в гольцовой зоне, где на шестах чума развивались ленточки из яркой ткани.

Те, кто не очень хорошо знали географию нашей страны, и все, кто являлись ее знатоками, в полной мере погружаясь в быт, получили массу впечатлений и новых знаний о постоянной перекочевке за оленьим стадом таежных оленеводов Тофаларии. Познакомились со строительством конического шалаша из жердей, сохраняющего тепло чума и покрытого оленьими кожами. Погостили на небесном стойбище со свежим ягелем у пятнистого олененка с бархатными рожками. Заварили в закопченном чайнике на кочевом костре любимый белогорский

чай таежных оленеводов с целебной силой цветов багульника Саган-Дайля. Расширили кругозор об обрядах добывания охотничьей удачи и о полном цикле кочевания, повысили уровень географической культуры и стали увереннее смотреть в будущее, беречь, сохранять и дорожить всем тем, что есть.

Кочевую тропой, измеряя глубины небесного свода,
Ровняясь созвездиям, плывущим в вечных снегах,
Ощущая вкус ягод жимолости на пересохших губах,
Оглохнув от тихого шума бесконечной вселенной.
Остановится со стадом оленей у ягеля тундры,
Согревшись теплом от угольков кочевого костра,
Отяжелев притяжением гольца Саян Священных.

В свободное от чтения лекций время мы с удовольствием перелистывали дневники великих путешественников, подлинники старинных карт и рукописей, старинные книги и доку-

менты, представленные в зоне истории. Хитом этой зоны стал один из первых печатных учебников по географии на русском языке. Он был издан при Петре I и называется «География, или Краткое земного круга описание». До этого использовался церковно-славянский кириллический шрифт. Петр I разработал гражданский шрифт, взяв за основу литовское и

белорусское письмо. Кто был автором этого уникального издания — до сих пор загадка. Мы смотрели с любопытством и трепетом тревожным на веселые и добрые книги о загадочных

путешествиях, окутанных тайной странствиях и смелых путешественниках. Непостижимые, непроницаемые, сокровенные загадки живой прелестью и очарованием удивительного мира дальних стран дышали в давнишних картах и страницах древних дневников.

В снегах, по скользким горным каменистым тропам,
Преодолев крутых отрогов скалы и россыпи курумов,
Олени, вдыхая облака, касаются копытами вершин,
В задумчивых мечтательных дневных перекочевках.
И глядя философски вниз на дно гранитного каньона,
В источник чистых рек, стремительных и своенравных,
Рассматривают отражение звезд в лазури небосвода.

Щедра и обильна царица — Земля, открывающая весь смысл мироздания, где символом плодородия остается Дерево Дружбы, зарождающее жизнь и всегда приносящее счастье, доброту и радость. В небеса уносились людские мысли, желанья и думы о любви и удаче в судьбе. Мы в таинства душою окунулись и загадали желание зародившиеся из упавших звезд. Прошептали его на ушко доброму Духу, наполняя надеждой сердце, что пусть Московское Дерево Дружбы растет, пусть оно вечно живет. Привезенные из далекой Сибири разноцветные ленточки, повязали на изгибы зеленых ветвей Дерева Дружбы. Искрились желанья разноцветными красками в ветвях и заставляли сердцем верить в радость, свет и мир, ясное солнышко и небо лучистое приближая мечты.

— Для нас очень важно было подобрать правильные слова в торжественный момент у Дерева Дружбы, и хорошо прочитать стихотворения, которые обрадовали и впечатлили наших друзей, это особый подарок. Мы начали писать стихи с природы в путешествиях по труднодоступным Саянским горам и с тех пор, учимся подбирать слова о неба облаках, о розовом рассвете, Луне и звездах золотых, — восхитился Роленков Борис Николаевич. — Мы подарили организаторам и участникам фестиваля свои скромные чувства в стихах о нереальной и первозданной

К созвездиям сквозь облака и густые туманы,
Тянутся наши мечты и горы Священных Саян,
Иногда отяжелев от снегов и воспоминаний.
Влюбленному в одиночество, собирающему мох,
Слышен шум падающих звезд о поверхность реки,
Сорвавшаяся в ручей, с небес уснувшая звезда,
Блеснув и медленно намокнув, меркнет навсегда.
И талая вода, текущая в снегах с гольца,
Приобретает цвет и вкус земли и неба.

Каждый день фестиваля вокруг Дерева Дружбы с развивающимися на нем цветными ленточками был посвящен определенной тематике: этнография, туризм, экспедиции, история, кино, защита животных и так далее. Всю неделю для посетителей на главной сцене проходили концерты национальных исполнителей, проводились показы лучших документальных фильмов Русского географического общества, встречи, классы, лекции, конкурсы, игры и книжные ярмарки. Также на площадке у теплого Дерева Дружбы состоялось награждение победителей Всероссийского конкурса РГО, в котором приняли участие путешественники со всего мира. Вместо одного победителя жюри конкурса выбрало в каждой номинации. Это значит, что автор в каждой номинации получил главный приз — участие в новой экспедиции РГО и может внести творческий и научный вклад в развитие географии, в бережное отношение к традициям и самобытности, в сохранение этнического колорита, будет способствовать консолидации общества и уверенному развитию нашей Родины.

Иллюстрированное популярное издание
Русин Сергей Николаевич
ЛОВЕЦ СОЛНЦА

Директор издательства С. Н. Мурзин
Обложка В. Э. Урбаханов
Компьютерная верстка С. М. Николаев
Редактор А. В. Глюк

Сдано в набор 07.06.2018. Подписано в печать 30.04.2019. Формат
62×94 1/16. Гарнитура Kudrashov. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5.
Тираж 500 экз.

Издательский центр «Аргиздат». 664025 г. Иркутск, ул. И. Уткина, 30.
Тел.: (3952) 29-52-65. E-mail: artizdat@irkutsk.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Принт Лайн»
664043 Иркутск, ул. Сергеева, 3, корп. 4
Тел. (3952) 48-66-00, e-mail: 486600@mail.ru

